ФУМИО ЯМАМОТО

山本文緒

ПЛАНАРИЯ

プラナリア

Остроумно, мудро и заставляет задуматься.
СЕСИЛИЯ АХЕРН

18+

CORPUS

Планария
Ямамото Фумио

Аннотация
Ямамото Фумио. Планария. Рассказы
Планария
Обнаженные
Здесь, а не где-то еще
Во власти дилеммы
Завтра, в котором есть любовь

Аннотация

Мужа Като сократили, и она подрабатывает по ночам в супермаркете, чтобы содержать двоих взрослых детей. Харука пережила рак и хочет в следующей жизни стать планарией. У Идзуми была успешная карьера, но теперь она шьет игрушки и не хочет возвращаться на работу. Истории Фумио Ямамото разворачиваются на фоне японского “потерянного десятилетия”, времени хрупкой нестабильности. Ее героини отказываются плыть по течению и тихо бунтуют против навязанных ролей. Перед каждой стоит выбор между свободой и следованием правилам, между смирением и попыткой сохранить себя. Отмеченная в 2001 году премией Наоки, и теперь, четверть века спустя “Планария” оказывается созвучной читателю.

Ямамото Фумио
Планария. Рассказы

П

Л

А

Н

А

Р

И

Я

Original
Japanese edition published by Bungeishunju Ltd., in 2000.

山本文緒
プラナリア

Russian edition is published under the license granted by OMURA Koji, Japan arranged with Bungeishunju Ltd., Japan through Peters Fraser and Dunlop Ltd., UK and The Van Lear Agency LLC

Перевод с японского
Екатерины Тарасовой

© Planaria by Yamamoto Fumio
Copyright © 2000 Omura Koji
All rights reserved.
© Е. Тарасова, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026

Издательство CORPUS ®

Планария

Планария (Planaria) – общее наименование плоских червей длиной 20–30 миллиметров. Относятся к отряду трехветвистокишечных планарий. Обитают в том числе и в горных ручьях. Часто используются в экспериментальных исследованиях по воспроизведению. (Толковый словарь “Дайдзирин”, 2-ое издание)

— В следующей жизни стану планарией, — сказала вдруг я.

Мы болтали за выпивкой, и тут все присутствующие с интересом на меня посмотрели: трое коллег с моей прошлой подработки, а еще сидевший рядом бойфренд.

— Это что еще за планария?

— А, знаю. Такая милашка, похожая на ангелочка, которая плавает под айсбергами и покачивается.

— Это разве не клионе, морской ангел?

Я звякнула бокалом с бурбоном Four Roses, чтобы остановить разговоры.

— Нет-нет. По размеру они одинаковые, но планария живет не в океане, а в чистых горных ручьях.

— А-а, — хором сказали коллеги, две девушки и парнишка помладше. Бойфренд уже тысячи раз слышал от меня эту историю, поэтому он молча подъедал закуски.

— Я недавно видела по телевизору. Они обитают под камнями в горных реках, в водных дорожках рисовых полей, где не применяют пестициды. Такие коричневые, размером где-то сантиметр, похожи на пиявок. Головка у них треугольная, и видок — немного пошловатый.

— В смысле пошловатый? — И все захохотали. Я осушила бокал и попросила повторить. Мы пили уже где-то около трех часов. Девушки и бойфренд уже с алкоголя перешли на улун.

— А почему ты хочешь стать вот этой вот, а, Харука? — спросил двадцатилетний парнишка, единственный, кто продолжал пить. Я хотела ответить, но одна из девушек встряла в разговор:

— Мне кажется, я могу понять. Им достаточно покачиваться в чистой воде, можно вообще ни о чем не думать.

— Да ну. Гадость какая: то ли пиявка, то ли головка сами знаете чего. Я вот в следующей жизни

хочу быть супермоделью.

— Ну и сравнила, головка… А еще девушка.

Разговор ушел в сторону. Я рассердилась и сказала нарочно громким голосом:

— Так вот, планария… Сколько ее ни режь, она не умрет.

Все с изумлением посмотрели на меня.

— Можно разрезать ее на три части, и они возьмут, оживут и превратятся в трех новых планарий. Да что там три, хоть на десять частей разрежь. Они, как хвосты ящерицы, быстренько вытянутся и превратятся в десятерых.

От моего объяснения, до странности увлеченного и в то же время детского, все на мгновение потеряли дар речи. Нам принесли напитки, девушки открыли меню, советуясь, что бы им съесть из сладкого.

— Это правда? — Вопросы теперь задавал только парнишка, а я вещала с пьяным энтузиазмом.

— Говорю же, правда. Даже у тех, у кого остался только кусочек хвоста, в конце концов вырастает головка, и они воскресают.

— Перестань, Харука, — тихо сказал бойфренд. В закусочной было шумно, но, похоже, троица, сидевшая напротив нас, ничего не услышала.

— Планария — это членистоногое?

— А? Членистоногое — это что?

— Ну-у, типа гусеницы или червяка?

— Нет, она на пиявку похожа.

— Простейшее, что ли?

— Не знаю таких подробностей. Но, наверное, нет. Вроде если ничего с ней не делать, она вырастает и делится на две части. — Я наклонилась и заговорила еще громче. — Уж не знаю. Разве это не чертовски круто? Режешь ее, режешь, режешь, а она возрождается. Вот у меня, например, рак груди, да? И я думаю, классно же родиться такой планарией: отрежут тебе сиську, а она возьмет и вырастет, и не надо тратить ни времени, ни денег на пластические операции.

Думала, они посмеются, но парнишка только неловко улыбнулся; девушки, выбиравшие между молоком с тапиокой или клубничным шербетом, опустили глаза от отвращения.

— А не пора ли нам? — сказал бойфренд и встал, не дожидаясь ответа. У всех на лицах явно было написано чувство облегчения.

— Веди себя прилично, — возмущенно сказал Хёскэ, заводя двигатель. — Всем было неприятно. Что за дурацкая привычка у тебя, Рун-тян?

— А я тайны из этого не делаю. Все же знают.

— Я не об этом. Почему, когда все пьют и всем

хорошо, ты начинаешь молоть какую-то ерунду. Как будто хочешь всем испортить настроение.

Вот оно что. То есть мой рак груди — это ерунда, получается. Ну-ну, подумала я, но ругаться с Хёскэ не стала.

— Давай ты не будешь больше говорить о своей болезни. Ты, Рун-тян, так всех друзей растеряешь. Я теперь беспокоюсь о нашей следующей вечеринке. Ведь на ней будут мои друзья. Не веди себя с ними так, как сегодня.

Рун-тян — это, ясное дело, я. Харука — Хару — Харурун — Рун — Рун-тян. Так и осталось. При чужих людях мы, в общем-то, называем друг друга по именам, а когда остаемся вдвоем, превращаемся в Рун-тян и Хиётти. Я, конечно, понимаю, что влюбленные наедине ведут себя как дети, но всякий раз, когда слышу “Рун-тян”, немного содрогаюсь.

— Что-то меня опять, кажется, подташнивает, — пробормотала я, как только он затормозил на светофоре.

— Ты слишком много выпила. Говоришь, что тебе плохо, а сама выпиваешь по несколько раз в неделю. Может, прекратишь пить и начнешь ходить в спортивный клуб? Тогда, наверное, и похудеешь хоть немного.

В закусочной он практически ничего не говорил, а стоило нам остаться наедине, как залился соловьем. В присутствии других Хёскэ становился немногословен, потому что стеснялся, ну и потому еще, что учился всего лишь на третьем курсе университета. Несмотря на молодость, он обладал практической смекалкой и был куда благоразумнее, чем я, а на людях уважал меня — ведь я была старше его на четыре года.

— Рун-тян, зайдешь ко мне? — неожиданно сладко заговорил Хёскэ.

Сказала же тебе, что плохо себя чувствую. Домой меня вези, прямо домой.

Подумала я, но не смогла произнести вслух. Хиётти меня любит. Я, хотя и с трудом, не теряю самообладания именно поэтому. И если я лишусь опоры, то рухну, стану причинять еще больше неудобства чужим людям и своей семье и в конце концов взорвусь. Так и будет.

В позапрошлом году у меня отрезали правую грудь: рак. За месяц до моего двадцатичетырехлетия. Тогда это было как гром среди ясного неба. Сейчас же, оглядываясь назад, я считаю, что это не так. Двадцать три предыдущих года, в общем-то, ясными и не были. Я невезучая и, сдается мне, вечно сталкиваюсь с тем, чего мне

больше всего не хотелось. Если уж не везет, так не везет во всем.

Но тогда, конечно, таких глубоких мыслей у меня не возникало. Я только и делала, что рыдала, находясь под самым сильным впечатлением в моей жизни. Врач сказал, что у меня четвертая стадия и операцию надо делать немедленно.

Во время первой операции мне удалили опухоль прямо под соском и жировые клетки вокруг нее, а в следующем году сделали пластическую операцию, используя кожу со спины. Звучит просто, но мне было невероятно тяжело и физически, и психологически. И пластическая операция вряд ли поможет моей груди стать точно такой, как раньше. Даже сейчас, полгода спустя, вокруг груди оставались здоровенные шрамы. На спине — свежий след размером в пятнадцать сантиметров, как будто от удара катаной. К тому же пластику сосков делают после того, как все придет в норму, так что сейчас у моей фальшивой груди нет соска. Раньше мне хотелось сделать его как можно скорее, но стоит подумать о том, что придется опять ложиться под нож в больницу, подвергать себя наркозу, как хочется плюнуть на все и оставить как есть.

С Хёскэ мы познакомились незадолго до то-

го, как у меня обнаружили рак. Я встречалась тогда с другим бойфрендом, постарше. Популярностью у мужчин я никогда не пользовалась, и опыт отношений с двумя одновременно был мне в диковинку. Я даже иногда думаю, что все и случилось из-за того, что я, совсем не красотка, встречалась сразу с двумя.

Хёскэ пришел в мою компанию на короткую подработку. Мы несколько раз ходили вместе выпивать с коллегами, понравились друг другу и подружились. А потом как-то раз напились и переспали.

Как подумаю: вот если бы у меня обнаружили рак груди до того, как я стала спать с Хёскэ, — и меня наполняет чувство благодарности за то, что у меня осталось хоть немного везения. Ведь он сразу поддался моему соблазну, да и не просто воспользовался им, чтобы только переспать со мной разок. Наверное, благодаря воспитанию.

Мой настоящий любовник сбежал, поджав хвост, как только услышал мой диагноз. Когда я в слезах рассказала ему об этом, он повторял: “Не волнуйся, я с тобой”, а на следующий день перестал подходить и к домашнему телефону, и к мобильнику. Я позвонила ему на работу, где незнакомый человек отчитал меня: “Он внезапно

взял отпуск на неделю, и никому не сказал, что случилось". Как будто я вообще имела к этому какое-либо отношение — или все-таки имела? А вот Хёскэ не сбежал. Он плакал вместе со мной и моими родственниками как член семьи; встречался со мной каждый день, несмотря на то что я бушевала и справиться со мной было невозможно, и терпеливо утешал меня. Когда я очнулась после операции, он наряду с моими родителями участливо заглядывал мне в лицо.

С тех пор Хёскэ постоянно находился рядом. Когда я, не самая стабильная эмоционально, ломалась и начинала шуметь, он, молодой парень, начинал орать в ответ: "Да, у тебя рак! И чо теперь?! Прекрати быстро!" Но все равно был со мной.

Мы остановились на стоиеновой парковке и, взявшись за руки, направились в квартиру Хёскэ. Его семья владела большой транспортной компанией, и дела у них, судя по всему, шли хорошо: от них Хёскэ, студент, получал достаточно денег, чтобы жить в одиночку и ни в чем себе не отказывая в просторной трехкомнатной квартире, в элитном доме, и без подработок.

Так повелось, что, возвращаясь домой, Хёскэ сразу наполнял ванну горячей водой. Он был до

болезненного помешан на чистоте и, приходя домой с улицы, сразу же залезал в душ. Вскоре он почти насильно стал предлагать мне принять ванну, но мне — а я знатная неряха — было лень залезать туда в одиночку, поэтому мы стали купаться вместе.

Совместное времяпрепровождение в ванной уже превратилось в привычку и не несло никакого сексуального подтекста. Он тер свое и мое тело и волосы так, как отмывают грязную посуду. Поначалу я никак не могла успокоиться: с одной стороны, я немного стеснялась, с другой — меня переполняла благодарность за такое проявление любви, даже несмотря на то, во что превратилось мое тело. Теперь я принимала его действия, ни о чем не задумываясь — меня моют и всё. Раньше я считала: меня любят, но в последнее время перестала что-либо понимать. Для чего этот парень так тщательно намывает чужое тело?

Он не только мыл меня, но и, когда мы вылезали из ванны, тщательно вытирал мягким полотенцем все уголки моего тела. И даже сушил мне волосы феном. Он заметил, что я расчесываюсь, а потом жду, пока они высохнут сами по себе, и стал делать мне укладку. У него были длинные волосы, и он умел их укладывать, как заправский

парикмахер. А еще он решил подстригать мне брови профессиональными ножницами. У меня-то и щеточки для них нет. Я как-то сказала ему, что он мог бы стать успешным стилистом, но он, кажется, об этом и не думал и сказал, как ни в чем не бывало, что унаследует компанию отца.

Не успела я и рта раскрыть после ванны, как мы занялись сексом. После операции я постоянно кололась гормонами, и месячные пропали. Так что отговорки типа “сегодня не получится” не проходили. Я иногда отказывалась: мол, устала или голова кружится, но тогда он делал обиженное лицо, и потом на то, чтобы привести его в хорошее расположение духа, требовалось столько усилий, что проще было дать.

Как и в мытье, так и в сексе инициатива принадлежала ему. Наверное, из-за инъекций я не испытывала никакого сексуального желания, хотя раньше оно было такое сильное, что хватило бы на десятерых. В общем, секс был мне в тягость. Но, думая о том, что меня любят, я постанывала, распаляя себя, и мое тело понемногу реагировало. А человек — странное существо. В знак благодарности за его любовь я, в общем-то, соглашалась на то, чего ему хотелось. Меня спасало одно: благодаря молодости держался он недолго.

После секса наконец-то появлялся чай. Не улун из пластиковой бутылки — он аккуратно наливал свежезаваренный кофе, черный или зеленый чай. Сначала я сильно удивлялась: вот, забота даже о такой, как я. Но в последнее время стала понимать: он просто сам хотел чаю. Его взгляд, который раньше не отрывался от меня, теперь устремлялся на включенный телевизор. Так мы проводили три-четыре дня в неделю. Быть любимой тоже довольно-таки тяжело.

— Хиётти, ты завтра в институт?

— Угу. Ко второй паре. Рун-тян, ты протрезвела? — спросил он, лежа на кровати и рассеянно глядя в телевизор. Наверное, он сам не отдавал себе отчета, но его “протрезвела?” звучало как “тебе пора”. Несмотря на всю его любовь, он особенно бы не обрадовался, останься я у него на ночь. Не похоже, чтобы у него была еще одна женщина — скорее ему просто неудобно спать вдвоем на односпальной кровати.

— Завтра у меня укол, так что поеду домой пораньше. Когда закончу, позвоню тебе. Поужинаем вместе? — сказала я, одеваясь. Он, не ответив на мой вопрос, надавил пальцем в районе виска.

— Что-то не так?

— Нет, голова какая-то тяжелая. Может, про-

студился.

— Все хорошо? Может, лучше сходишь к врачу?

— Не, все норм.

— Говорю же тебе, сходи. Надо слушаться старших, да еще с онкологией.

И тут он вдруг изо всех сил ударил кулаком по подушке. Угол наволочки разорвался, из нее разлетелись перья. Опять среагировал, подумала я, а он пробормотал низким голосом:

— Хватит!

Он тяжело дышал, как будто реально устал.

— Все же закончилось. Ты вылечилась, Рун-тян, и больше не больна. Хватит все время за это хвататься. Ты, наверное, себе вздумала, что все всегда будет как сейчас? Ты так и не устроишься на работу, а выйдешь за меня замуж? Перестань уже.

Когда он заявил, что “все закончилось”, я уже открыла было рот, чтобы ему возразить, но вместо этого кокетливо извинилась: “Прости. Больше не буду об этом говорить”.

— Я поехала, — сказала я и встала. Он тоже встал и проводил меня до прихожей, легко поцеловав меня, — видимо, понял, что перегнул палку. Но дальше, похоже, провожать меня не собирался. Я улыбнулась и закрыла за собой дверь.

Я медленно дошла до парковки, оплатила ее и выехала. Машина принадлежала моим родителям, я ездила на ней куда хотела по будням, когда они ей не пользовались. У Хёскэ был автомобиль, который ему купили родители еще до нашего знакомства. Но он попал в аварию и в один миг разнес машину в хлам. После аварии он не хотел водить: ему было страшно, и он никогда не садился за руль, за исключением тех случаев, когда я сильно напивалась, как сейчас. Я смеялась: “Тоже мне сынок владельца транспортной компании”, но, кажется, он и тогда рассердился: “Тебе, Рунтян, этого не понять”.

Я выехала с парковки, чувствуя себя вяло. Завтра после укола, который делают раз в месяц, я буду чувствовать себя не то что вяло — даже ходить станет тяжело. Мне было тоскливо. Я ехала одна по ночной автостраде, моля звезды: “Пусть я в следующей жизни стану планарией!”, хотя и понимала, что это невозможно.

Работы у меня нет, и если я куда и хожу с какой-никакой регулярностью, то это раз в четыре недели в больницу, самую большую в префектуре. Вероятно, с выбором этой огромной суперсовременной больницы я ошиблась, хотя говорить об этом уже поздно. Прихожу ровно к девяти утра,

а до приема лечащего врача нужно ждать еще четыре часа. В этой больнице слишком много пациентов. Везде очереди, как в рамэнную, где вкусно готовят. Все поставлено на поток, анализы крови берут, как на конвейере. А у меня сосуды плохие, и часто приходится по несколько раз колоть иголкой прежде, чем попадут куда нужно. Ругаю себя: не расстраивайся из-за такой ерунды, но все равно настроение-то у меня уже упало ниже некуда.

Вот было бы здорово не заболеть раком, думаю, но никакого смысла в этом нет. Как будто я хотела заболеть. Но почему я должна все это терпеть? Не могу согласиться, что мне просто не повезло. Почему вот я заболела раком, а не, например, эта молоденькая сестричка-неумеха, которая уже несколько раз по новой всаживает в меня иголку. Ну, вообще-то не только я одна. Наверное, все мужчины и женщины, старики и молодежь, которые ожидают в этой очереди несколькоминутной консультации врача, больны раком. Охренеть, какая онкопопуляция. Неудивительно, что здесь все поставлено на поток.

И все равно приходится ждать. От этого дико досадно. Почему нет четкой системы приема в определенное время? Ладно я не работаю, а

остальные, у кого выходные: суббота-воскресенье? К тому же ждешь эту тучу времени, а прием-то длится всего пять минут. Понимаю, что и до меня, и после — очередь, но, может, хоть немного проявили бы заботу и участие? А мне только и скажут: “Месячных у вас не будет”. А начнешь колоть гормоны, так и голова кружится, и спать невозможно, каждые два часа просыпаешься в липком поту, лицо покрывается странными красными пятнами, и чувствуешь усталость и слабость, от которой тошнота подкатывает (а то и реально тошнит).

И когда я говорю об этом лечащему врачу, он только отвечает: “Такое тоже в общем-то бывает”. И все. Это-то ладно, но когда он сказал: “Этот препарат помогает справиться с раком груди, но повышает вероятность рака матки”, я просто выпала в осадок. Надумала себе всего и пошла по собственной инициативе на прием к гинекологу, а она и говорит: “Обычно этот препарат назначают на полгода, а вам уже полтора года колют, странно”. В принципе она проконсультировалась с моим лечащим врачом, а тот ответил: “Без уколов есть риск образования метастазов, а потом и жалеть поздно будет”.

Если колоть препарат, который назначают все-

го на полгода, в три раза дольше, то не будет ли побочек? Смогу ли я родить ребенка? Эти вопросы беспокоили меня, но никаких вариантов найти на них ответы не существовало. Я пробовала читать в библиотеке книги на подобные темы, но об этом нигде не писали. И мой лечащий врач, и женщина-гинеколог, похоже, были убийственно заняты — беспокоить их лишний раз мне было неудобно. Вряд ли они издеваются надо мной — наверное, и правда не знают.

К тому же, с точки зрения врачей, мне, вероятно, повезло: опухоль разрослась аж до пяти сантиметров, но патологоанатомическое исследование показало всего первую стадию рака, и удалось обойтись без радиологии и химиотерапии. Так-то оно и так, но быть благодарной за спасение жизни никак не получалось. Я такую сумму денег отвалила, кошмар.

Сегодня я прождала четыре часа и пятнадцать минут, пока медсестра не вызвала меня и сказала:

— Сейчас ваш доктор на операции. Вы не против, если вас посмотрит другой специалист? Или придете в следующий раз?

Я даже рассердиться толком не смогла: у меня и так анемия, а тут еще и кровь забрали, поэтому

только кивнула. У меня и с лечащим врачом-то нет доверительных отношений, а что говорить тому, кто вместо него, вообще не понимаю.

Но я вошла в кабинет, и когда меня спросили, каково мое состояние, пожаловалась на тошноту, головокружение и беспокойство по поводу гормонотерапии. Врач, который выглядел на тридцать с небольшим, коротко ответил: “Я замещаю вашего врача, поэтому не могу ответить на ваши вопросы. По поводу головокружения обратитесь к терапевту”. В голове моей злобно вертелась фраза одного комика: “Крови моей хотите?!”, но я поклонилась и вышла из кабинета.

Вот и сегодня мне сделали ужасно болезненный дорогущий укол, который почему-то не покрывался страховкой.

Не вешай нос — так я обычно убеждала себя, но еле волочила ноги до парковки, и в глазах у меня стояли слезы. Я понимала, что так нельзя, но руки сами взяли телефон, и я позвонила Хёскэ.

— А, Рун-тян? Ты закончила с больницей? — послышался его беззаботный голос. У меня были странные чувства: то ли мне приятно, то ли раздражает.

— Да. А ты еще в институте? Забрать тебя?

— Давай, был бы рад. Тогда буду ждать тебя в

Маке.

Все равно мне стало полегче на душе. Я положила трубку и увидела идущую через парковку миниатюрную женщину, которая поклонилась мне. Хотя мы находились на некотором расстоянии друг от друга, я сразу поняла: она, и поклонилась ей в ответ. Мы неоднократно встречались в больничной курилке, но после выписки я увидела ее впервые.

Несмотря на то что это гигантский стационар, состоящий из трех многоэтажных корпусов, курилка здесь всего одна — что, наверное, для больницы в самый раз. К тому же это комната без окон площадью в шесть татами[1] с искусственной вентиляцией, так что ничего особенно хорошего я сказать про нее не могу. Но как только я смогла передвигаться, то стала ходить туда, взяв сигареты, которые мне принесла подруга. Там иногда я встречала эту женщину в больничной пижаме. Она всегда рассеянно курила в одиночестве. Красивая, она привлекала к себе внимание, но относилась к такому типу людей, с кем так просто не заговоришь, выглядела, как настоящая актриса. Однако бесцеремонные дядьки и тетень-

---

[1] Примечания: 1

Татами — мера площади, около 1,62 м.

ки изо всех сил старались обменяться с нею хотя бы парой слов. Она безупречно уворачивалась от этих попыток, а потом, видимо, они ей совсем надоели, и она перестала появляться в курилке. Кто-то сказал, что видел ее с сигаретой на крыше, а я рассердилась и сказала, что все это из-за вашей приставучести. Хотя мне не удавалось поговорить с ней, когда я разглядывала ее белоснежный точеный профиль, изящные маленькие руки или ноги, то чувствовала себя немного счастливой. Обычно красивые женщины вызывали у меня комплекс неполноценности, но здесь почему-то я испытывала неподдельный восторг: “Вот, наверное, здорово было бы родиться такой”. Вскоре она выписалась из больницы, и мы больше не виделись.

И вот спустя долгое время мы встретились. Она была одета в простую футболку и джинсы, но все равно выглядела элегантно. Потом она села в отполированную до блеска красивую машину и уверенно выехала с парковки. Я долго смотрела ей вслед. Номер ее автомобиля врезался в память, и я немного посмеялась над собой — веду себя как маньячка.

Мы поужинали с Хёскэ в дешевом ресторанчике, но после укола я позеленела от дурноты, и,

может быть, поэтому он пожалел меня и отпустил пораньше. В глазах помутилось, я ощутила приступ тошноты и сдерживалась из всех сил, чтобы меня не вырвало только что съеденными запеченными креветками. В полном упадке сил я доехала до дома, где меня ждала мать, что случалось совсем нечасто.

— Ты сегодня рано, — саркастично заметила она. Я ответила ей так же: — И ты, мама, — и упала на диван.

— Ты сегодня ездила в больницу?

— Угу.

— И как?

— Да так, — бросила я. Мать в офисном костюме кусала губы: вид у нее был то ли расстроенный, то ли сердитый.

— Ты сегодня опять встречалась с Хёскэ?

Меня подташнивало. Лицо пошло красными пятнами, лоб и подмышки вспотели. У меня не осталось энергии отвечать на ее вопросы.

— Раз ты так плохо себя чувствуешь, нечего ходить развлекаться каждый день. Дома бы полежала.

— Сегодня мне укол сделали. Обычно я не такая.

Думала, сейчас она мне скажет: “тогда иди ра-

ботай". Но мать отвернулась от меня и вышла из комнаты. Она с молодости трудилась в муниципалитете, и доходы у нее были гораздо выше, чем у отца, который служил в компании по оптовым продажам обуви. Каждый день она задерживалась на работе, а отец, постоянно чувствуя себя неуютно из-за этого, каждый вечер выпивал гигантские объемы спиртного и возвращался домой за полночь.

И все-таки думаю, может, потому что я была единственной дочерью, меня воспитывали в любви. Меня даже чересчур обожали, баловали, давали есть все, что я хотела, и сколько себя помню, я всегда была жирной.

Над толстыми издеваются. Я это поняла, когда пошла в садик. Мальчишки почему-то кидались камнями только в меня, а девчонки не брали с собой играть. Но ребенку, который привык с рождения питаться в соответствии со своими желаниями, на одной только силе воли не похудеть.

И в начальной, и в средней школе меня продолжали дразнить "свиньей" и другими обидными прозвищами, как будто так и надо, но когда мне исполнилось пятнадцать, я поняла, что, если не сяду на диету, меня доведут до суицида. Той

весной я как раз поступила в старшую школу, и другие ученики устроили мне расправу просто из-за того, что я была жирной и раздражала их своим присутствием. Я поняла, что это вопрос жизни и смерти, и за год похудела на сорок килограммов. Конечно, я все равно оставалась пухловата, но как только перестала выделяться среди обычных людей, надо мной — о чудо! — прекратили издеваться.

Когда я рассказала об этом лечащему врачу, он заметил, что это могла быть одна из причин болезни. Однажды по пьяни я наорала на мать: “Я заболела раком потому, что ты давала мне жрать все, что я захочу”. Она зарыдала и стала просить у меня прощения. Плачь не плачь, извиняйся не извиняйся, а поезд все равно ушел. К тому же я и сама понимала, что просто выплеснула свой гнев на ни в чем не повинную мать. Но мне обязательно нужно было найти виновника.

Хёскэ сказал, что теперь все закончилось. Я и сама понимала, что пора поставить точку в этой истории вокруг рака.

Да и так-то виной всему мое разгильдяйство, как ни крути.

За два года до того, как мне поставили диагноз, я заметила, что из соска сочится коричневатая

жидкость, похожая на кровь. Но у меня ничего не болело и не чесалось. Тогда я как раз нашла работу и погрузилась в личную жизнь, поэтому не обратила внимания. Причем погрузилась настолько бурно, что вскоре ощутила зуд “там”. Подружка сказала, что это может быть хламидиоз, и я пошла к гинекологу. Там заодно и рассказала про какие-то выделения из соска. Врач изменилась в лице, тут же провела исследование, а на следующий день мне позвонили на работу и сказали срочно приехать в больницу. “Прямо сейчас?” — переспросила я. — “Да, срочно, и желательно вместе с членами семьи”, — получила я четкий ответ.

Вопроса, извещать меня или нет, не стояло. В больнице мне просто сказали: “У вас рак груди. Лучше сделать операцию как можно скорее”.

Потеряла самообладание не только я сама, но и мои родители. Одно дело обнаружить рак на ранней стадии, а тут опухоль так разрослась. Так мне сказали. Душевных сил поискать другие методы лечения или хотя бы засомневаться в сказанном, у меня не осталось. Наоборот, больница суперсовременная, сюда приезжает лечиться много людей даже из других префектур, а резать меня должен был хирург, считавшийся большим авторитетом. Ни у меня, ни у моей семьи другого

выбора не было.

Мать рыдала: “Лучше бы я заболела”. А отец, с которым у меня не было никакого контакта с тех пор, как себя помню, держал меня за руку, и в глазах его застыли слезы. Я подумала: меня любят. Друзья и знакомые также сострадали мне. Только любовью и состраданием рак не вылечить. Моя старинная подруга, которая хорошо изучила мой непростой характер, сказала: “Может, ты, Харука, немного подобреешь после операции”.

В итоге я ни на йоту не изменилась. Попробовала почитать несколько автобиографических книг, авторы которых боролись с раком. “После болезни я поняла, как это прекрасно — быть здоровой”. “После болезни я осознал, как важна жизнь, и открыл для себя любовь к семье…” Только со мной такого не случилось.

И во время удаления опухоли, и после пластической операции, которую сделали на следующий год, семья, парень и друзья относились ко мне очень бережно. Мне не подошел наркоз, и меня рвало дальше, чем видела, трубки, торчащие из моего тела, причиняли мне боль, и я тихонько всхлипывала, сдерживая рыдания. Думаю, родные и близкие делали для меня все возможное.

Но сейчас я недоумевала: что это было за доб-

рое отношение? Иногда мне даже кажется, что у них был какой-то праздник. И бойфренд, и семья убеждают меня: ты выздоровела, нечего говорить, что у тебя рак. Но если все закончилось, то почему я изо дня в день страдаю от головокружений, тошноты и бессонницы? Для меня самой-то это все так и длится.

Даже в таком состоянии я пробовала вернуться к нормальной жизни. После первой операции я изо всех сил занималась реабилитацией правой руки, которая ужасно болела при малейшем движении, и вернулась на работу после трехмесячного отсутствия. Директор компании сказал: “Ты молодец — стараешься не унывать, несмотря на тяжелую болезнь”. Я, правда, не смогла воспринять его слова как искренние. Наверное, со мной что-то не то.

Я уволилась просто потому, что у меня пропало желание работать. Не хотелось ничего делать, все казалось обузой. Даже просто жить не хотелось или тем более умереть по собственному желанию. Я думала: может, не ходить в больницу, дождаться рецидива и умереть. Но, откровенно говоря, именно этого я и боялась больше всего на свете. Вот такое противоречие. А я устала от противоречий в самой себе.

После того как я ушла с работы, помимо посещения больницы раз в четыре недели, я ничего особенно и не делала. Встречалась каждый день с Хёскэ, у которого как у студента была куча свободного времени. Иногда подрабатывала на мелкие расходы.

Родители, похоже, испытали большой шок, когда я сказала, что заболела раком из-за того, что они давали мне жрать все, что я захочу, так что не могли прямо отправить меня на работу, но и относиться ко мне как к больной — тоже. По их лицам и отношению четко читалось: “Приди уже в себя, займись делом”. Но я, тиран и деспот, делала вид, будто этого не замечаю. Иногда даже думаю, что тем самым пытаюсь им отомстить за то, что под предлогом любви они испортили меня физически и духовно. Ну и дура я. А ведь совсем не ребенок. Но работать совсем не хочу. Возвращаться к нормальной жизни, чтобы не пойми кто и звать его никак говорил мне со знающим видом: “Какая ты молодец, стараешься, несмотря на тяжелую болезнь”. Нет уж.

В конце недели Хёскэ уехал в родной дом под предлогом дня рождения (!) матери. Так что я впервые за долгое время встретилась в городе с подругой. Той самой, знакомой с раннего детства,

которая сказала: “Может, ты, Харука, немного подобреешь после операции”. Она только что рассталась со своим молодым человеком, и у нее появилась куча свободного времени, поэтому она попросила меня съездить с ней на машине за покупками, чтобы развеять тоску. И я решила выйти из дома — валяться, ничего не делая, тоже довольно тоскливо.

Я поставила машину на стоянку нового универмага, если верить рекламе — самого крупного в городе. Рядом стоял знакомый мне автомобиль. Я посмотрела на его номер — точно, это авто той дамы, которую я раньше встречала в больнице. Город у нас небольшой, так что в принципе ничего удивительного, что мы приехали в выходной день в один и тот же магазин. Вот было бы здорово столкнуться с ней, подумала я, и сердце немного забилось.

— Знакомая машина? — с усмешкой спросила подруга, видимо, заметив, как я пялюсь на стоящий рядом автомобиль.

— Да, немного.

— Парень? Оставишь записку?

— Нет, женщина, с которой мы познакомились в больнице.

Подруга подозрительно фыркнула, а у меня в

заднем кармане джинсов громко зазвонил телефон. Я поспешно ответила: как и предполагалось, это был Хёскэ.

— Рун-тя-ян, а что ты сейчас де-е-елаешь? — спросил он, растягивая гласные, как девчонка.

— Шопимся с Митан. А ты, Хиётти?

— Я тоже в магазине. Решил приготовить мамочке ужин. Купил мраморного мяса и торт за бешеные бабки.

— Класс! Рун-тян тоже хочет такой ужин.

— Приготовлю тебе. Ладно, не загуливайся допоздна.

— Хорошо, — ответила я и положила трубку. Тут же подруга похлопала меня по голове.

— Митан, Рун-тян — фу, слушать противно. Пищишь как не знаю что. Самой не стыдно?

— Я отдаю себе отчет, — гордо ответила я, а подруга возмущенно пожала плечами. Сама-то, когда у нее был бойфренд, каждый день с ним созванивалась: “Митан, чмоки-чмоки”. По-моему, когда сама этого не осознаешь, то еще стыднее.

Мы поднялись с парковки в магазин и разошлись, договорившись встретиться через два часа. Мне совершенно были неинтересны отделы одежды, куда она хотела сходить, да и все равно денег на брендовые вещи не было, поэтому я

хотела провести время в книжном или чем-то еще таком.

Но раз уж я приехала в новый универмаг, то пошла к эскалатору, чтобы посмотреть продуктовый отдел на минус первом этаже. Сегодня была хорошая погода, выходной. Наверное, поэтому народу было много, на глаза попадались парочки и родители с детьми. Я спустилась вниз и пошла рассматривать ряды европейских сладостей и дорогих готовых блюд. Я вспомнила, что говорил мне Хёскэ, и мне тоже захотелось что-то купить матери. Может, пирожные или какие-нибудь закуски?

Обратная сторона ненависти — любовь. Пусть я и наговорила матери ужасных слов, все равно я часто покупала ей подарки, и даже готовила еду и убиралась по настроению. Часто мы вместе ездили за покупками или в небольшой онсэн неподалеку. Наверное, со стороны мы казались дружной семьей. Но на самом деле я знала, мы просто сиамские близнецы, которые не могут сепарироваться друг от друга.

До вечера было еще далеко, но в отделе готовой еды толпились домохозяйки. Я шла, продираясь сквозь толпу, и то ли из-за того, что с кем-то столкнулась, опять почувствовала головокружение. В

отделе японских сладостей никого не было, и я пошла туда, и вдруг кто-то схватил меня за рукав и громко спросил:

— Деточка, а где здесь выход?

Я удивилась и обернулась на голос. Напротив стояла бабулечка ниже меня на целую голову.

— Ну-у.

— А где же тут выход? Ищу-ищу, никак выйти не могу.

Старушка вцепилась в мой рукав. Сначала я подумала, что она маленького роста, но она очень сильно горбилась. На ней были надеты кардиган и брюки, такого цвета, будто их выварили. В другой руке она держала палку. Ее широко раскрытые глаза на морщинистом лице буравили меня. От их мутных белков меня охватило дежавю, из глубины желудка стала подниматься якисоба, которую я съела на обед.

Я прикрыла рот свободной левой рукой: только не хватало, чтобы меня тут вырвало. Правой я пошевелить не могла — в нее со страшной силой вцепилась бабулька. Перед глазами у меня помутилось, колени подкашивались.

— Не знаешь, где выход?

Я больше не могла стоять и присела на корточки, но бабка продолжала спрашивать. Кто-то из

соседнего магазина, похоже, заметил неладное. Вокруг меня стала собираться толпа. Кто-то спросил: “С вами все в порядке?”

— Ой, ты же…

Я подняла голову, сдерживая позывы тошноты, и увидела лицо той женщины. Она была в белом фартуке.

— …А-а. Здравствуйте.

— С таким головокружением можешь и не здороваться. Ты встать можешь? Пойдем в медпункт. Так, бабушка, извините. Уберите руку, пожалуйста.

Она опять мне помогла, думала я, вставая, опираясь на ее плечо.

Во время второй госпитализации я поняла: ну нет у меня способности жить в коллективе. Я и не знала, что простое пребывание в больнице требует такого.

После операции я даже не могла перевернуться набок, а медсестры меня возненавидели. Я не улыбалась, не благодарила, а только и делала, что жаловалась: больно, тяжело, за что мне все это. И они постепенно стали относиться ко мне все прохладнее. Эти “ангелы в белых халатах”, как их называют, — девушки, мои ровесницы. Наверняка я завидовала их пышущему здоровью и

психической стабильности. Всякий раз, когда они говорили мне: “Давайте постараемся”, “Давайте потерпим”, я злилась на них, хотя и понимала, что моя злость неоправданна. Иногда я впадала в такой мрак, что вообще не откликалась на их слова.

Но это была их работа, так что они не издевались над пациентами, просто оставляли меня в покое, вот и хорошо. Гораздо большей проблемой были тетки и дедки с бабками.

Даже сейчас, как вспомню, — мурашки по коже. Оба раза я лежала в палате на шестерых, и средний возраст других пациентов составлял семьдесят лет.

Почему с возрастом люди начинают выглядеть одинаково? Кроме того, все пациенты этой огромной больницы должны были носить что-то типа пижамы в продольную полоску. От этого они выглядели еще более одинаково. Я не могла запомнить ни их лиц, ни имен. Да и особо-то не хотелось.

Особенно я ненавидела время приемов пищи. В пластиковую тарелку накладывали корм, в котором все внимание уделялось только достаточной калорийности. Его запах смешивался с запахом антисептиков и кала кого-нибудь из пациен-

тов, вот уж действительно и кашки, и какашки. Грусть одна. Я питалась исключительно сладостями, которые мне приносили в передачках, так что аппетит так и не просыпался. Я смотрела, как старики и старухи катают в своих беззубых ртах эту пищу, и мне хотелось заорать: “Неужели вам так хочется жить, что вы и на это готовы?!” А когда я начинала думать, что все, включая меня, станут такими, меня охватывало дикое бессилие. А потом становилось настолько все равно, что я подчищала эту жратву.

Лежачие старики еще были безобидны. Проблема заключалась в бодрых тетках.

Меня не интересовал вообще никто, кроме той красивой женщины, но другие люди вели себя иначе. Когда я смогла самостоятельно подниматься с кровати и ходить в туалет, с грохотом катя за собой стойку с капельницей, ко мне сразу стали приставать с разговорами.

А где ты живешь? А кем работаешь? А где работает твой отец? А чем болеешь? Когда я молчала, они сами выкладывали больничные слухи и хвастались своими болячками. Я представляла себя новым заключенным в тюрьме и от этого еще сильнее теряла всякое желание отвечать на их расспросы. Чтобы не вступать ни в какие

отношения с ними, я держала язык за зубами. Однажды медсестра сделала мне замечание: “Все жалуются, Уэхара-сан, что вы не слишком любезны”. И тут у меня прямо руки опустились. Даже если тебя считают тяжелым пациентом, тебе все равно не избежать правил жизни в коллективе.

— Как ты себя чувствуешь?

Я лежала одна в крошечном медпункте торгового центра, и от воспоминаний у меня катились слезы, когда женщина заглянула внутрь. Я поспешно вытерла глаза и встала.

— Уже все в порядке. Просто немного в глазах потемнело.

— Точно в порядке?

— Да, у меня все и вправду хорошо.

Она улыбнулась и села рядом с кроватью, придвинув к ней круглый стул.

— Вы тут работаете?

— Да, в магазине сладкого натто, как раз напротив того места, где тебе стало плохо. Смотрю — а тут ты, Уэхара-сан, и опять бабушка тебя в оборот взяла, да так, что тебе плохо стало. Не шутки, конечно, но немного смешно.

Я смущенно улыбнулась. Потому что в больнице со мной случилась точно такая же ситуация, и тогда она тоже меня спасла. Мне надоело лежать

в палате, и я вышла в коридор, а там ко мне пристала бабка в маразме. Села рядом со мной, хотя никто ее не просил, и начала безостановочно жаловаться на болезнь и родственников. Делать мне было нечего, и я слушала ее вполуха, но пока я смотрела на ее шамкающий беззубый рот, мне стало плохо, и я решила пойти в палату. И тут эта бабуля стала меня попрекать: “Ты куда собралась? Слушай, что я говорю”. Не отдавая отчета, я вышла из себя и тоже начала орать в ответ. Разыгралась ссора, стали собираться зеваки. Мне было плохо, а тут еще вышел администратор и начал выговаривать, мол, будто это я издевалась над старушкой. Я перестала понимать, что мне делать, и повалилась на диван. В тот момент я услышала: “Она ни в чем не виновата”. Женщина вступилась за меня. Я сбежала в палату и даже не помню, поблагодарила я ее или нет.

— Спасибо вам и за помощь в тот раз.

— Да не о чем вспоминать. Я тебя видела на больничной парковке. Ты все еще ходишь в больницу?

— Раз в месяц.

— А я раз в три месяца. Но всегда столько времени убиваешь ждать там. Почему они не сделают систему записи на определенное время? Обидно

выходной день тратить впустую.

— Это точно, — сказала я с неожиданной уверенностью. Мне казалось, что разговаривать с ней до странного легко. Ей был лет тридцать, а может, и меньше. Спокойный низкий голос. Несмотря на белый фартук магазина японских сладостей и такую же белую треугольную шапочку, теткой она не выглядела. В ушах у нее были красивые сережки-пусеты. На груди — табличка с фамилией: “Нагасэ”. Я не знала, как ее зовут, но заметила, что она назвала меня по фамилии: Уэхара-сан.

— Вы знаете мою фамилию?

— Да, в больнице можно и не спрашивать, тетечки сами все расскажут.

Тогда она наверняка знает и мой диагноз. Не помню, чтобы я или мои родители говорили его кому-нибудь, но в больнице я слышала от разных бабок: “Говорят, рак груди у тебя”. Пациентам больницы ничего не скрыть.

— У тебя сегодня выходной?

— Э-э… Нет. А у вас перерыв?

— Да, а что?

— Простите, отняла ваше свободное время.

Она легко улыбнулась в ответ на мои слова.

— Я беспокоилась. А еще я пришла, потому

что мне захотелось поговорить с тобой. Спасибо, что заботишься о моем отдыхе. Мне приятно. Ты такая деликатная.

Назвать деликатной такую разгильдяйку, как я, которая и рак свой запустила до тяжелой стадии… Я так застеснялась, что покраснела. Подумала, что ее нельзя обманывать, поэтому решила быть честной.

— Я бездельница.

— Ах вот как?

— Со здоровьем у меня все более-менее, но работать как-то не хочется, так что я просто ленюсь.

Выслушав меня, она о чем-то надолго задумалась. Я занервничала, опустила голову, подумав, что она меня презирает. На рукаве рубашки образовались складки от рук незнакомой бабули, вцепившейся в меня.

— Если ты не против… — сказала она, тщательно подбирая слова. — Может, попробуешь поработать в нашем магазине? У нас проблемы: человек, на которого мы возлагали надежды, внезапно ушел.

— Да? Но…

— Я не прошу тебя отвечать прямо сейчас. Может, подумаешь?

Я растерялась от внезапности.

— Но… э-э… Но…

— Что “но”?

Я мычала свои “но” одно за другим, а она смотрела на меня с улыбкой.

— Я социофоб.

Она округлила глаза, а потом захихикала. А потом — уж не знаю, какие у нее были для этого основания — четко сказала: “Этого не может быть”.

Таким образом я стала работать четыре дня в неделю в магазине сладкого натто. “Наконец-то преодолела себя?” — радовались родители и бойфренд, а я со своим упрямством насупленно молчала. Но на самом деле во мне проснулось желание хотя бы немного постараться. Даже за часовой заработок, всего две трети по рынку.

Потом я узнала, что женщина — директор магазина по найму, но самое удивительное, что у нас был всего один год разницы. То ли я еще незрелая, то ли она слишком взрослая.

Я не ела сладкое натто, поэтому не знала, что наш магазин принадлежал крупной сети по всей Японии и его продукция продавалась в основных торговых центрах и супермаркетах префектуры. В моем магазине было всего трое работников: директор Нагасэ-сан, тетечка на подработках и я.

Нагасэ-сан параллельно работала директором еще одного магазина, располагавшегося в здании вокзала неподалеку, так что она бывала то здесь, то там или уходила на совещания с представителями отдела продаж, а сюда наведывалась нечасто. С тетечкой на подработках мы познакомились в самом начале, но я приходила, когда она заканчивала работу, так что мы почти не виделись.

Но это не означает, что я постоянно находилась в магазине одна. У нас был единый прилавок с соседними магазинами японских сладостей, поэтому со мной вместе всегда торчали их сотрудницы — что для меня хуже некуда.

Будь то больница или магазин японских сладостей, тетки одинаковы везде. К тому же в магазинах не собираются толпы, так что, как только покупатели уходили, начиналась атака вопросами. Где ты живешь? Сколько тебе лет? Ты не замужем? А в каком институте ты училась? А кем работала до сих пор? Как раз те вопросы, которые я категорически игнорировала в больнице, но теперь отвечала на них, стараясь улыбаться, чтобы не выглядеть неприветливой. Все ради того, чтобы не навредить репутации Нагасэ-сан. Покончив с вопросами, я делала вид, что слушаю

бесконечную болтовню удовлетворенных моими ответами теток, и поддакивала им.

Работа сама по себе была несложная. Только разве что разобраться, как вносить информацию в суперсовременный кассовый аппарат и упаковывать подарочные коробки. Прошло две недели, и я сама смогла с этим справляться, не прибегая к помощи тетенек из соседних магазинов. Трудности вызывала необходимость приветливо общаться с ними, да и среди покупателей было много пожилых.

Вообще-то говоря, молодежь за сладким натто не приходила. Сколько же раз я готова была взорваться, смотря на дедулек, которые по десять-пятнадцать минут не знали, что же им выбрать, или на бабулек, которые никак не уходили, желая поболтать о том о сем. А та похожая на привидение бабка, которая вцепилась мне в руку с вопросом: “Где здесь выход?”, каждый день бродила по продуктовой зоне и приставала к продавцам и покупателям.

Проклятье, я ошиблась с работой, думала я, но делать было нечего: меня пригласила Нагасэ-сан. Вот уж не знаю, есть ли где-нибудь еще такие руководители, которые понимали, в каком я физическом состоянии, и разрешали уйти с работы,

когда мне плохо.

— Скажи, а откуда ты знаешь Нагасэ-сан? — спросила тетка из соседнего магазина, торговавшая японским мармеладом. Делать ей было нечего.

— Мы познакомились в больнице, — ответила я, не подумав. У тетки на лице отразился интерес.

— В больнице? Болезнь какая-то?

— Да, рак груди.

— У Нагасэ-сан? — завопила тетка диким голосом. Я ответила с улыбкой, в душе презирая ее.

— Нет, у меня. Мне отрезали правую грудь, потом сделали пластическую операцию, сняв кожу со спины. И я все это время не работала.

В голове у меня промелькнули слова Хёскэ: “всем испортить настроение”. Тетка сдвинула брови. Было видно, что она растеряна, но на лице у нее было написано: “Вот это новости!” Наверняка завтра об этом будет знать весь отдел японских сладостей.

— Надо же, такая молодая, а столько пережила. Какая ты молодец, преодолела все это.

— Да нет, ничего я не преодолевала.

— Кстати, а Нагасэ-сан почему в больнице лежала?

Ну, тетка… Диву даешься, как она землю роет, чтобы разузнать побольше.

— Я не знаю. Да и спрашивать такое в лоб бестактно, — сказала я с издевкой, но тетка с улыбкой ответила: “Да, конечно”.

А вообще, почему Нагасэ-сан оказалась в больнице? Не то чтобы мне это было неинтересно, но раз сама она об этом не говорила, то, наверное, и не хотела. Я ведь даже не знала, ни где она живет, ни с кем.

Вдруг у меня в кармане зазвонил радиотелефон PHS[2]. Магазин находился на минус первом этаже, так что мобильные волны сюда не доходили, и Хёскэ, который всегда требовал, чтобы я была на связи, купил мне PHS, который здесь работал.

— Рун-тян, можешь говорить?

— Да. Покупателей нет, так что окей.

— Приходи ко мне сегодня, я тебе стейк пожарю, как обещал.

— Вау! Закончу — сразу к тебе.

Краем глаза я заметила, как тетка из магазина японского мармелада, до сих пор любезно разго-

---

[2] Примечания: 2

PHS (Personal Handy-phone System) — японский стандарт мобильной связи (цифровая сотовая/радиотелефонная система около 1,9 ГГц), популярный в Японии до повсеместного перехода на обычные мобильные сети.

варивавшая со мной, отошла от меня с холодным видом.

На следующий день Нагасэ-сан позвала меня поужинать с ней. Может быть, у нее есть семья, думала я, потому что Нагасэ-сан всякий раз уходила сразу после окончания работы магазина, поспешно закрывая кассу. Мы с ней вместе даже чаю никогда не пили. Так что мне было очень приятно, и я быстренько отменила встречу с Хёскэ и вышла с Нагасэ-сан на улицу.

Она сказала, что практически не ест в ресторанах, поэтому выбор заведения был за мной. Мне показалось, что угощение будет за счет Нагасэ-сан, так что выбирать ресторан подороже было неудобно, и я предложила пойти в закусочную с европейской едой — модное, но недорогое заведение, куда мы иногда ходили с Хёскэ.

Когда мы сели у стойки, первыми ее словами были: “Весело тут”. Наверное, имеет в виду, что тут шумно, с обидой подумала я. Но мы ненапряжно выпили пива и беззлобно обсудили всякие сплетни.

— Харука, ты освоилась на работе? — спросила Нагасэ-сан, когда мы заказывали второй бокал пива.

— Да, помаленечку.

— А со здоровьем как?

— Тоже полегонечку, — сказала я, чтобы рассмешить ее, но Нагасэ-сан поднесла огонь к сигарете, не изменившись в лице. Я подумала, что она что-то хочет сказать, и действительно, она собралась и заговорила:

— Говорят, у тебя был рак груди. Мне сказала продавщица из соседнего магазина.

Я вздохнула с облегчением: я-то думала, она станет ругать меня из-за того, что во время работы я треплюсь с бойфрендом и иногда подъедаю сладкое каштановое натто.

— А вы не знали?

— Откуда бы мне знать, — осуждающе сказала Нагасэ-сан.

— Простите. Когда я лежала в больнице, все обсуждали мой диагноз, так что я думала, что он и вам известен, — расстроенно извинилась я.

— Не извиняйся. Хотя жаль, что ты мне не сказала. Лучше бы я это услышала от тебя самой, а не как сплетню от продавщицы соседнего магазина.

— Извините меня. А если бы вы знали, вы бы не взяли меня на работу?

Услышав мой вопрос, она потушила недокуренную сигарету.

— Зачем ты это говоришь. Неужели я похожа на такого человека?

— Простите, — пробормотала я, смотря в пол. Ох, умею же я портить людям настроение.

— А почему ты рассказала продавщицам? Ведь ты же понимала, что они-то найдут повод посплетничать, — спросила она без неприязни, будто и вправду не понимала. Мне захотелось сказать, что я хотела испортить всем настроение, но я решила выбрать другие слова.

— Я так идентифицирую себя.

— Идентифицируешь? — с сомнением переспросила она. — С раком груди?

— Да. Может, это слишком сильно сказано, но, иначе говоря, рак — это единственный повод для разговора. Больше у меня никаких особых умений или особенностей нет.

С еще более непонимающим видом она пригубила новый бокал пива. Судя по всему, она не очень хорошо переносила спиртное: уголки глаз у нее покраснели, взгляд затуманился. Я интуитивно поняла: она, наверное, пользуется большой популярностью у мужчин.

— И у тебя уже все в порядке? — спросила она, чтобы поменять тему. Но мне вдруг захотелось выговориться, и я выпалила на одном дыхании:

— Меня часто об этом спрашивают. Все ли в порядке? Мне лень отвечать подробно, и обычно я говорю: “Все в порядке”. Но сама я не знаю, все ли вообще в порядке и что это значит. Мне отрезали грудь, сделали пластическую операцию и вроде говорят, что о метастазах можно не беспокоиться, но это не наверняка, мне и сейчас колют гормоны, из-за них у меня кружится голова, меня тошнит и много еще всякого. Люди вокруг меня говорят: раз все закончилось, то и забудь об этом, но для меня еще совсем ничего не кончилось.

Я сделала вдох и глотнула пива. Хотя знала: если выпью, буду чувствовать себя еще хуже.

— Здоровье позволяет мне работать. Так что мне, наверное, надо прилагать усилия, чтобы забыть про онкологию, но сейчас, например, моя искусственная сиська чешется изнутри.

— Что?

— Во время пластической операции берут кожу со спины, складывают, как кружочек, и зашивают. Но иногда тело начинает гореть и чесаться. А почесать нельзя — чешется-то внутри. Терпеть можно, но тяжело. И после этого “все в порядке”?

Я внезапно затараторила без умолку. Нагасэ-сан застыла, растерявшись, но собралась и с громким вздохом сказала мне: “Прости”.

— Не нужно извиняться, я и не собиралась вас в чем-то обвинять.

— Нет-нет. Я немного понимаю, о чем ты. У меня аллергия на батат, — сказала она, взгляд ее затуманился. Если бы я была мужчиной, то на раз попала бы в ее сети, подумала я, ожидая продолжения.

— Конечно, я делаю все возможное, чтобы его не есть. Но вот недавно в ресторане подали мясо, а соус-то как раз из него. Так после еды у меня во рту сразу же появилась сыпь, судя по всему, она распространилась и на пищевод, у меня все зачесалось, думала, умру.

— Ой-ёй. В пищеводе не почешешь.

И мы рассмеялись. Я обрадовалась: наконец-то Нагасэ-сан расслабилась.

— Кстати, я сказала продавщице магазина японского мармелада, что познакомилась с вами в больнице, как-то само вырвалось. А ей, судя по всему, захотелось узнать, почему вы там оказались… Так что простите.

— Еще один повод для сплетен, Харука, — она слегка улыбнулась.

— Ой, извините меня.

— Ничего страшного. Я в общем-то ничего не скрываю. Да, и заболевание у меня, даже стыдно

сказать, не в пример твоему. Киста яичника. Мне сделали операцию, и сейчас все в порядке, говорят, даже родить могу. У меня-то точно все закончилось, — сказала она, проведя тонким пальцем по краю бокала, стоявшего на столе. В моем исполнении этот жест не выглядел бы таким изысканно-скучным, как у нее. Если она и не замужем, то непременно с кем-то встречается. И не с таким простаком, как Хёскэ, подумала я.

— Это не такое уж редкое заболевание, но в магазине, где я работала раньше, мне сказали: ты же красотка, наверное, слишком много развлекалась с мужчинами, вот тебе и результат. Вероятно, это была шутка, но люди иногда говорят жестокие вещи.

Я всегда считала, что красивым людям не пристало называть себя красивыми, поэтому ее фраза меня немного задела. И хотя я решила ничего больше не выведывать, мной овладело злобное настроение, и я спросила:

— Нагасэ-сан, а вы с кем-то встречаетесь?

— Встречаться не встречаюсь, но у меня есть муж.

Значит, она все-таки замужем — и от этого настроение у меня немного испортилось. Но я раскаялась: что же у меня за характер, если на-

строение портится от таких вещей.

Пока я сидела, погрузившись в раздумья, она замолчала, будто ей стало неинтересно. Пытаясь придумать какую-то стоящую тему для разговора, я решила рассказать ей про планарию.

— Нагасэ-сан, а кем бы вы хотели стать в следующей жизни?

— Что это ты вдруг? А она вообще существует?

— Ну, если предположить, что да.

Она задумалась и пробормотала: может быть, птицей, или дельфином, или кошкой… И склонила голову на бок.

— А я хочу стать планарией.

— Планарией? Это что-то похожее на слизняка? Разрежешь ее пополам, а она опять как новенькая?

— Ух ты! Первый раз вижу человека, который про нее знает.

Я очень воодушевилась. И когда она спросила почему, я приготовила ответ, который уже давала во время недавней пьянки.

— Прячешься под камнями в реках с чистой водой, милой тебя не считают, так что никто не обращает внимания, живешь себе и ни о чем не думаешь. А если разрежут — регенерируешь, значит, и смерти не надо бояться. И сексом не надо

заниматься, сама по себе вырастаешь и делишься надвое — проще простого.

— Нда-а. Но они же вроде ссыхаются и умирают, когда истечет жизненный срок, не так ли?

— Правда?

— Ну, я точно не знаю — видела по телевизору.

Я хотела было сказать, что тоже видела эту программу, но она меня опередила.

— Все-таки в следующей жизни я бы опять хотела родиться самой собой.

Я почувствовала, как радость куда-то улетучивается из меня со свистом. Неужели ей так повезло в жизни? Иначе это похоже на хвастовство. Что за лицемерие, подумала я про Нагасэ-сан и сама возненавидела себя за эти мысли. И почему у меня такой циничный характер? Неужели мне так сложно представить себе, что люди могут думать по-другому, не так, как я?

Как я и предполагала, Нагасэ-сан оплатила счет. “Спасибо за угощение”, — сказала я, а она улыбнулась: “Давай как-нибудь еще вместе выпьем”.

Несмотря на небольшую неловкость, Нагасэ-сан была хорошей, и моя увлеченность ею никуда не исчезла. Так не бывает, чтобы не чувствовать никакой неловкости и несовпадений в отношении человека, уговаривала я себя, когда, оставшись

одна, шагала по вечерней дороге.

Не стоит загонять себя из-за такой ерунды.

Однако неприятное предчувствие стало реальным куда раньше, чем я могла предположить.

На следующей неделе у меня на работе выдался выходной, а Хёскэ надо было сдавать доклад, так что мы не могли увидеться, а я, как ни странно, почувствовала облегчение. Дома стояла тишина: родители ушли на работу, я болталась без дела, и тут мне принесли посылку.

Отправитель — Нагасэ-сан. Небольшая, но тяжелая картонная коробка. Мы и так видимся четыре раза в неделю, зачем специально отправлять мне посылку? — недоумевала я, отдирая с коробки скотч.

Внутри лежало шесть книг. Все они имели отношение к онкологии. Я и думать не могла, что такое может оказаться в моих руках, поэтому некоторое время стояла в прострации.

Книгу, где рассказывалось, как шоумен борется с раком, я читала. Остальные книги были толстые, что-то типа медицинской литературы. Я взяла одну из них, кажется, толстое пособие по раку груди, полистала, и мне вдруг на глаза попалась фотография, очень живо изображавшая, как отрезана грудь прямо по мышце. Я инстинктив-

но закрыла книгу, но передумала и снова стала листать ее с опаской, обращая внимание только на иллюстрации. Равнодушно расставленные фотографии различных следов операционных вмешательств. Множество изображений после операций по сохранению груди и пластики, хотя случай, похожий на мой, был только на одной фотографии, но я вновь вспомнила, сколько существует разных операций. Но самое ужасное — это фотографии рака груди, который не лечили лет десять. Даже я, несмотря на свою онкологию, не могла спокойно смотреть на эту жуть и тотчас закрыла книгу.

Помимо книг в коробке лежал желто-коричневый конверт, и хотя я уже не хотела ничего смотреть, проигнорировать его тоже было бы глупо, и, решившись, я открыла его. В нем лежала стопка ярких (в отличие от книг по онкологии) цветных ксерокопий.

Я посмотрела на первый лист, и мне тут же стало все ясно. Увеличенная фотография планарии. Я пролистала дальше и поняла: наверняка это распечатка из интернета. Из пачки бумаги выпал конверт с бледным цветочным узором. Письмо от Нагасэ-сан.

Короткое письмо на одном листке почтовой

бумаги. “Отправляю тебе книги, которые собирала моя родственница, болевшая раком груди, и материалы из интернета про планарию”.

Еще она приписала: “Пожалуйста, постарайся не пользоваться телефоном во время работы и не ешь товары”. Она нарисовала смешную мордашку, похожую на нее, написала: “Пойдем еще выпьем вместе”, и даже сердечко добавила.

Я почувствовала себя опустошенной. Плюхнулась на пол, где валялись книги и листы бумаги, в полном ступоре.

Я понимала, что в подобной ситуации нужно чувствовать себя благодарной. Не думаю, что Нагасэ-сан сделала это по злому умыслу. Наоборот, она по доброте душевной отправила материалы, которые считала нужными для меня.

Наверное, это ее способ. Люди выражают свое расположение по-разному. Надо понимать это и быть благодарной. Она написала замечания по поводу моей работы как приписку к письму и, наверное, сделала это в такой форме, потому что стеснялась сказать мне об этом напрямую. В таком случае у нее не такой твердый характер, как мне казалось.

Но вместо благодарности внутри меня закипали абсолютно противоположные чувства. Так

нельзя, думала я, и мои собственные эмоции были мне неподконтрольны.

Мне хотелось прямо сейчас позвонить в магазин или рвануть туда на машине, встретиться с ней и выплеснуть ей в лицо все, что я сейчас чувствую. Но я подавила в себе эти импульсы, хоть и с трудом. Это сейчас кровь ударила в голову, а завтра я приду в себя и, может, преисполнюсь благодарностью. Может, смогу принять ее заботу прямо, без выкрутасов.

Но читать книги и распечатки про планарию мне не хотелось, поэтому я забросила их обратно в коробку и запихала в шкаф.

Вечер еще не наступил, а я выключила мобильник и легла в постель. К счастью, никого дома не было, и я зарыдала, как ребенок, в голос и плакала, пока не успокоилась. Это меня как следует утомило, и я смогла крепко уснуть.

После этого я два раза прогуляла работу. Идти туда мне совсем не хотелось. Можно было хотя бы позвонить, наплести, что заболела. или еще что-нибудь придумать, но все равно. Я остыла, но одновременно произошел откат — словно плата за те дни, когда я пыталась быть бодрой и ходить на работу, мучая себя. Теперь же мне все было безразлично.

Я пила в закусочной неподалеку от университета Хёскэ, куда он привел меня, предварительно накрасив, и тут зазвонил телефон. Как я и предполагала, это была Нагасэ-сан.

— Ты плохо себя чувствуешь? — робко спросила она, а я ответила: “Просто решила бросить работу”. Нагасэ-сан, судя по голосу, была очень удивлена:

— Бросить? Почему?

Я встала из-за большого стола, где сидели мы с Хёскэ и его приятелями, и по дороге по коридору в направлении туалета заговорила, стараясь звучать максимально по-идиотски:

— Ну-у. Работа на ногах. Тяжеловато мне. Покупатели — одни старики, полная лажа. Да и денег-то немного платите.

На том конце трубки воцарилась тишина. Видимо, Нагасэ-сан потеряла дар речи, а потом, вероятно, стараясь сдержать гнев, заговорила намеренно сладким голосом:

— Но все равно, ты могла бы позвонить… Ты понимаешь, в какое тяжелое положение ты всех поставила? Я рассчитывала на тебя.

В левом ухе у меня звучал ее взрослый голос, перемешиваясь с помехами. В правом — громкие крики пьющих студентов. Наверняка она их тоже

слышала.

— В общем, я увольняюсь.

— Я и представить себе не могла, что ты настолько безответственная. Я ошиблась в тебе.

Наверное, она больше не могла сдерживаться. В конце ее фраз слышались истерические нотки.

— Вы с самого начала меня переоценили, Нагасэ-сан.

— Почему ты не хочешь извиниться? Я-то думала, мы с тобой подружились.

Я ничего не ответила. Она, видимо, наконец-то догадалась и сказала более низким голосом:

— Я обидела тебя тем, что неожиданно выслала тебе книги? Если так, то прости меня. Я не подумала.

— Да ничего страшного, — ответила я, разглядывая педикюр, выглядывавший из босоножек. Хёскэ даже ногти на ногах накрасил розовым лаком.

— Я такие книги стараюсь не читать. И про планарию в интернете искать я не собиралась.

После долгого молчания она громко вздохнула.

— Но, Харука, ты же говорила, что это твоя идентификация. Так почему ты ничего не хочешь изучать?

Потому что мне тяжело этому противостоять,

пронесся ответ в голове. Я оторвала взгляд от своих ногтей на ногах и увидела парочку сосущихся подростков, которые прижались друг к другу около туалета. На девушке было платье с тонкими бретельками — мне такого больше никогда не надеть.

— Можно подумать, от того, что я начну все это изучать, у меня грудь вырастет или я в следующей жизни стану планарией.

— Но проблема же не в этом? Правда, Харука?

Ничего больше не сказав, я положила трубку. Хотела было вернуться и сесть рядом с Хёскэ, но ноги дрожали. Когда я подошла к столу, в разговоре возникла пауза, и кто-то весело спросил: “Харука, почему ты ничего не делаешь? Почему не работаешь?”

— Потому что у меня рак груди, — сказала я, размышляя, сесть мне к ним или нет. Хёскэ с ненавистью пристально посмотрел на меня. Сегодня мы выпивали с его однокурсниками, и Хёскэ четко сказал: “Начнешь об этом говорить, я с тобой расстанусь”.

Едва успев присесть за стол, я встала и ушла, оставив всех в недоумении. Ресторан был просторный, так что я, уже изрядно пьяная, не сразу смогла сориентироваться. Схватив проходящую

мимо официантку за рукав, я спросила: “Где тут выход?” Девушка, — наверное, она здесь подрабатывала — с немного недовольным видом показала пальцем куда-то вдаль.

Обнаженные

Последнее время я увлеклась вязанием игрушек. Увидела вязаного крючком мишку в магазине, и он мне понравился, поэтому я пошла в магазин для рукоделия, где продавались наборы: шерсть, крючки, спицы и всякие другие мелочи. Значит, сейчас это популярно. Я купила набор, вернулась домой и за вечер связала лягушку. На следующий день опять пошла в тот же магазин и скупила все наборы: собачка, слон и котик. На изготовление каждого ушло тоже по вечеру. Потом я скупила шерсть, фетр и пуговки-глазки, все, что было. Сделав четыре набора, я разобралась что к чему и теперь решила придумать свои игрушки. Но, судя по всему, во мне не было и намека на оригинальность: бегемот, которого я связала, совсем не выглядел милым. Тогда я купила в книжном альбом с покемонами и сделала по порядку всех персонажей, начиная с Пикачу. Я забыла о сне и с энтузиазмом взялась за Джиглипаффа, Тогепи, Псайдака, Бульбазавра, Чармандера, Сквиртла, Иви. На этом, как несложно предположить, покемоны мне надоели. Тогда мне пришло в голову

сделать Персика-Момо из программы “Постпет”. Я включила комп после большого перерыва и обнаружила целых двенадцать писем.

Одно время мне очень нравилась эта почтовая программа, где письма приносят персонажи-животные. Большинство писем приходило от френдов, с которыми я познакомилась на сайте, так что ни лиц, ни их настоящих имен я не знала. Появляются то мишка, то черепашка, то хомячок и приносят мэйлы. В самих письмах ничего важного не было: разговоры о том о сем. Как будто не я обмениваюсь мэйлами, а мой зверек, так что ни особых надежд, ни разочарований. Но сегодня мне принес письмо медвежонок “Мальчик-персик из дома Асуки”.

В письме сообщалось: “В следующую субботу я поеду в Синдзюку покупать подарки на праздник Бон[3]. Может, пообедаем?” Если считать с даты отправления мэйла, то следующая суббота как раз приходилась на завтра. Я подумала: не позвонить ли, но, зная, насколько Асука занята, ответила коротко: “Я готова когда и где угодно”. Не прошло и двух часов, как она мне позвонила.

— Давно не виделись. Как твои дела? Ты на мой

---

[3] Примечания: 3

Бон — праздник поминовения усопших, отмечается в августе.

мэйл не ответила. Я подумала, ты занята, поэтому не звонила, не хотела беспокоить.

Похоже, она еще не привыкла к тому, что у меня куча свободного времени.

— Ничем я не занята. Делать-то мне нечего, — бодро ответила я, но Асука, наверное, растерялась и замолчала. Мне показалось, что я сделала что-то плохое, и я стала оправдываться.

— Дело в том, что с прошлой недели я мало сплю, вот и забыла почту проверить. Правда, с работой это не связано.

— Чем ты занята?

— Вяжу игрушки. Получаются прямо шедевры, хочу тебе показать.

Ответа не последовало. Видимо, она опять лишилась дара речи. Как ни в чем не бывало, я продолжила.

— Завтра во сколько увидимся? Я могу под тебя подстроиться.

— Вот уж и не ожидала от тебя такого, Идзумин. Даже не знаю, радоваться мне или огорчаться.

Она вздохнула так, как вздыхают домохозяйки. Мы определились с местом и временем встречи и закончили разговор. Мне не было ни радостно, ни грустно. Одно только чувствовала: я ни в чем не виновата.

Уже скоро два года, как я стала безработной. Сначала фраза: “Тридцать четыре года, безработная” звучала страшно, как приговор. Но я быстро к этому привыкла. Сама даже удивилась своей способности к адаптации. Теперь-то я и физически, и ментально абсолютно свыклась с тем, что слова “тридцать шесть лет, безработная” относятся ко мне.

Два года назад мой муж в одностороннем порядке заявил, что разводится. Я работала в его компании, так что автоматически потеряла и работу. Я пыталась противостоять этой череде несправедливых обстоятельств: и орала, и рыдала, но это продолжалось недолго, и я равнодушно — даже самой удивительно — получила отступные, согласилась выписаться из его семейной книги и покинуть дом. Что это было за бесчувствие? Сама себе поражаюсь.

А теперь я не то чтобы с диким энтузиазмом, но и не в депрессии, живу своей жизнью, не понимая, то ли я хочу чем-то заниматься, то ли у меня нет никакого желания. Валяюсь на кровати, смотрю в окно — а перед глазами небоскребы, на которые льет дождь. Уже июль, а все еще идут затяжные дожди.

Около полугода назад я увлеклась изготовлени-

ем мишек Тедди и их одежды. Всех их я подарила детям Асуки. А когда я подумала отдать им и вязаные игрушки, то почему-то почувствовала, как творческий порыв меня покидает. У меня всегда был такой характер: быстро загораюсь и быстро остываю. А с тех пор, как я перестала работать, это только усилилось. Приятно поддаваться чувству, когда ты не несешь ответственности ни за что. Может, я, как это ни неожиданно звучит, счастлива.

На следующий день мы встретились с Асукой на ланче в ресторанном дворике среди небоскребов, которые виднелись из моего окна. “Это подарок детям”, — сказала я и передала Асуке бумажный пакет, набитый вязаными игрушками. Но она не обрадовалась так сильно, как когда я подарила им мишек Тедди.

— Вау! Рукодельный Пикачу! — сказала Асука, стараясь выглядеть приветливо.

— Круто?

— Круто, круто. Ведь у тебя, Идзумин, с детства были хорошие оценки на уроках труда. Но ты правда отдаешь их мне?

— Да мне просто хотелось их связать — вот я и сделала. Все равно свободного времени куча.

Асука сказала “спасибо” и взяла игрушки, но

было очевидно, что брать их ей не хотелось. Не то чтобы они предназначались в подарок: иначе я бы выкинула их в день сбора мусора, так что, если она поступит так же, я не буду в обиде.

Мы знакомы с Асукой с детства, она единственная, с кем мы дружим еще со времен начальной школы. У нее двое детей. Три года назад младший пошел в началку, и она устроилась на полный рабочий день в компанию, где до сих пор подрабатывала. На ней и работа, и дом, и дети, так что она очень занята, но иногда находит время, чтобы встретиться со мной. Раньше время сложнее было найти мне, а она подстраивалась. Теперь же все наоборот.

— Идзумин, ты опять похудела.

Обращается со мной как с больной. Прямо видно, как она обо мне беспокоится, так что даже неудобно.

— Правда? А у меня весов дома нет, так что и не замечаю даже.

— Да, и цвет лица у тебя не очень.

— Наверное, потому что я без косметики.

Я понимала, насколько неказисто я выгляжу на фоне тщательно сервированного зала в ресторане: белоснежные скатерти, настоящие серебряные приборы. Асука была в простой кофте

с длинным рукавом, но тщательно накрасилась и уложила волосы. На ее шее поблескивало неброское жемчужное ожерелье. А вот я одета в выцветшую полосатую футболку и широкие штаны с карманами по бокам. Последнее время я стала носить только ту одежду, которую можно стирать в машинке. Хотя Асука наверняка сильнее уставала в повседневной жизни, но я, даже не пытавшаяся скрыть круги под глазами, выглядела куда более потрепанной.

— Ты еще получаешь пособие по безработице?

Раз от разу вопросы Асуки все сильнее приближались к сути.

— Нет, давно уже.

— Тогда пора, наверное, что-то начинать. И настроение получше станет.

Понимая, что Асука говорит со мной серьезно, тщательно подбирая слова, я грустно улыбнулась.

— Всему свое время. Спасибо, что беспокоишься обо мне. Пока денег на жизнь хватает.

— Деньги тоже важны, но я не об этом, — раздраженно пробормотала она и отпила воды. Я знала, какой ответ удовлетворил бы ее, но намеренно сказала совсем другое.

— Вязать игрушки уже надоело. Может, попро-

бую шить юкаты[4] к лету.

— А может, будешь из ластиков фигурки вырезать? — с возмущением сказала Асука, а я посмотрела себе под ноги. Понятно, почему она злится, но на такое отношение и реакция соответствующая. Со взаимной ненавистью мы приступили к горячему — подавали рыбу, — и Асука, похоже, что-то придумала.

— Может, сделаешь сайт в интернете? Вон сколько работ у тебя.

— Одно слово — работы. Все — нарушение копирайта.

Асука откровенно вздохнула. Наверное, поняла, что мне хоть кол на голове теши. И теперь она заговорила мягко, с материнской улыбкой.

— Да, на ноги встать не так просто. Больше не буду тебе ничего говорить. Извини.

Раньше я всегда выступала в роли старшей сестры, выслушивала жалобы Асуки на ее работу и семью, но в какой-то момент сама превратилась в бракованную младшую сестренку, которую постоянно нужно было утешать. Пусть так, но неужели встать на ноги — это постоянно носить офисные костюмы, как раньше, и засиживаться

---

[4] Примечания: 4
Юката — летнее кимоно.

на работе, отказываясь от двух приглашений из трех? Как представлю себе, что всякий раз при встрече с Асукой она будет вздыхать, сравнивая меня тогда и сейчас, — тоска охватывает.

Асука оплатила мой ланч, хотя я сказала, что не стоит. С тех пор как я потеряла работу, если я с кем-то ем, то меня обязательно угощают. Поначалу я ощущала это как удар по моей гордыне, но последнее время надоело сопротивляться. Вот Асука, она совсем даже не богатая. Она и на полный день-то вышла потому, что одной зарплаты мужа не хватало на выплату ипотеки и грядущие расходы на образование детей. Но при этом она отправляет другим подарки на праздник Бон и даже угощает безработную подругу ланчем во французском ресторане. Даже несмотря на то, что ее безработная подруга не работает потому, что ей так нравится. Даже несмотря на двадцать миллионов иен сбережений. Интересно, как бы она отреагировала, если бы я ей об этом рассказала. По доброте она, наверное, сказала бы: “Не трать попусту, лучше сохрани на старость”.

Мы договорились списаться по электронке и расстались. Пыл мой что-то делать руками охладел, и я решила убить время в манга-кафе.

Я очень любила это кафе на втором этаже торго-

вого здания в питейном квартале. В зависимости от моды, в таких зданиях размещались то бары, где официантки ходили в нижнем белье, то салоны пятнадцатиминутного массажа, а в последнее время я заметила манга-кафе, в каждом блоке по штуке. Одно время от нечего делать я проходилась по разбросанным в разных местах кафе, но в этом, самом первом, и коллекция манги была большая, и персонал вежливый. Кофе можешь пить сколько хочешь, и он не переваренный, цены высоковаты, так что и посетители постарше. Самое прекрасное — здесь на просторном расстоянии стоят чистые белые диваны. Я не курю, так что могу расположиться в некурящей зоне, где меньше народу.

Сегодня я нашла “Будду” Осаму Тэдзуки. Обычно первые два тома всегда разбирают. Я забрала весь комплект, положила на стол, чтобы никто не взял, и начала читать, да так увлеклась, что даже забыла о кофе. После трех томов внимание рассеялось, я взглянула в окно — темнело. Часов я не надела, так что не знаю сколько было времени. Я встала в туалет, заодно подлила себе кофе, посмотрела на часы у кассы — около семи вечера.

Приходивший поспать днем офисный планктон испарился, зато студентов стало больше.

Пойти домой, что ли, или “Будду” дочитать? — раздумывала я, попивая кофе. Днем я нормально пообедала впервые за долгое время, так что есть пока не хотелось, да ни на завтра, ни на послезавтра, ни на послепослезавтра никаких планов у меня не наблюдалось, так что мне было все равно. Без приоритетов и решать нечего. Я рассеянно посмотрела на полку с комиксами. Заметила ряд томиков “Доходного дома Иккоку”. В студенческие годы я почитывала его в журнале. А вот чем он закончился, не знаю, подумала я и решила взять его в следующий раз. Мне захотелось побыстрее расправиться с “Буддой”, и я встала. В результате до поздней ночи я читала все тома “Будды”, а потом пошла пешком до дома, который находился в двадцати минутах от кафе. По дороге ко мне пристал какой-то пьянчуга. Дома я легла спать, испытывая жалость к себе.

Что такое располагать свободным временем, как это, — думаю, впервые я об этом узнала только сейчас. От скуки это несколько отличается. Скуку я испытывала сотни раз. В старшей школе, смотря на школьных учителей, слишком неумелых по сравнению с лекторами вечерних курсов, или во время свидания вслепую, на которое меня силком затащили в студенчестве, или на беско-

нечно тянущихся совещаниях, на которых мне приходилось сидеть, когда работала в компании-импортере. Я боролась со скукой, пытаясь подавить зевоту, притворялась, что слушаю, размышляя о более значимых планах.

Бессмысленное и значимое: очень долго у меня существовало только два типа времени. Я даже и подумать не могла, что есть что-то еще.

В старшей школе я с головой была погружена в подготовку к экзаменам. В студенческие годы было немного посвободнее — могла и подразвлечься, но доклады и зачеты не запускала. Занудная зубрилка — злословили обо мне за спиной однокурсники, но, когда они перед экзаменами подходили ко мне одолжить конспекты, я не сердилась и давала списать. Меня веселило, как люди, которые обычно считали меня идиоткой, вдруг начинали вести себя со мной дружелюбно, всячески заискивая передо мною.

Я поступила на работу не в крупную, а в среднюю компанию, которая занималась импортом и торговлей, потому что была уверена, что быстро добьюсь там успеха и стану лучшей сотрудницей. Так и случилось — мне сразу доверили проведение нескольких закупок. Мои планы были успешными, и я пребывала на седьмом небе от

счастья, которое к тому же легко измерялось полученной прибылью. У меня появился миллион идей, а если для их реализации требовалось что-то изучить или организовать встречу, я влегкую жертвовала сном. Затем я встретилась с будущим мужем, перешла на работу в его компанию, где все было точно так же. Я любила работать и ненавидела лениться. До чего простая душевная организация, думаю я теперь. Я никогда ни в чем не сомневалась. Даже когда при разводе муж мне сказал: “Ты живешь и думаешь только о себе”, я совершенно не поняла, о чем он.

С детства до тридцати с лишним я вела наполненную жизнь. Я и сейчас считаю, что это было правильно. Но я знать не знала, что твердая земля, на которой я крепко стояла, окажется тонким льдом, готовым треснуть в любую секунду. Я думала, что провалюсь под воду и замерзну насмерть на дне, но вода оказалась неожиданно теплой и имя ей было — “свободное время”. Лежать в этой воде было приятнее, чем я себе представляла. К тому же у меня не было ни стимула, ни желания всплыть на поверхность.

Не знаю, сколько времени я проспала, но вот я открыла глаза. Какой месяц, число и день недели, я не знаю: газеты не выписываю, а телик сломал-

ся в прошлом месяце, да так и стоит. Включила радио — там шла дневная программа. АМ-станция, которую раньше я никогда не слушала, а когда стала, оказалось, что в зависимости от дня недели в одно и то же время там работает один и тот же ведущий. Как ни удивительно, это радует.

Я схватила наручные часы, которые валялись у подушки, и проверила число и день недели. Брендовые часы-хронограф, которые мне подарил муж на Рождество еще до нашей свадьбы. На обратной стороне было выгравировано мое имя, так что даже если бы я захотела их продать, то не смогла. Но вообще-то они удобные, так что я и сейчас ими пользуюсь.

В моей старой двухкомнатной квартирке в районе Ниси-Синдзюку из-за сезона дождей чувствовалась влажность. За отклеившимися обоями проступала плесень. Дому двадцать лет, на бетонных стенах — трещины, кухонька маленькая, окна тоже крошечные, но зато я ее не снимала, а купила на свои деньги.

Я живу здесь гораздо свободнее, чем раньше с мужем, в элитной квартире высотного дома с видом на море. Когда после развода мне надо было съехать, я увидела объявление в рекламном листке, из тех, что в сложенном виде вкладывали

в газеты, и импульсивно купила эту квартиру: она как раз стоила столько, сколько я получила в качестве отступных. В поступке своем я не раскаиваюсь, но, вспоминая в каком я тогда находилась душевном состоянии, я думаю, что тогда чего-то боялась. У меня пропала уверенность, что я смогу выплачивать аренду или ипотеку, и мне хотелось найти себе убежище, каким бы дешевым оно ни было. Наверное, в пригороде я могла бы найти квартиру и получше, но я представить себе не могла жизнь вдали от центра. Там я бы точно свихнулась: сверху, снизу, справа и слева от меня жили бы порядочные семьи. В любом случае я сделала правильный выбор: здесь одинокая безработная женщина на четвертом десятке могла не выделяться.

Половину десятиэтажного неуклюжего здания занимали офисы, вторую половину — жилые квартиры, только непонятно было, живет ли там кто-нибудь. Иногда у лифта я встречала людей, одетых так же расслабленно, как и я, в футболку и джинсы, с пакетами из минимаркета. Никто никогда не здоровался, даже не встречался взглядом, пытаясь побыстрее скрыться, как внезапно столкнувшиеся в лав-отеле парочки.

Сегодня тоже шел дождик. Было душно, я под-

нялась с постели, чтобы включить кондиционер. Я стала искать пульт от него среди гор ниток, обрезков ткани, журналов с мангой и оберток от сладостей. Хотела включить режим осушения, но цифры на экране почти сразу потухли. Наверное, батарейки сели, подумала я и вставила другие, которые мне пришлось вытащить из портативного радиоприемника. Но на маленьком экране пульта ничего не загорелось. Я бросила его, залезла на стул, чтобы проверить, нет ли кнопки включения на самом кондиционере, но так ее и не нашла. Телевизор сломан, лампочка на кухне перегорела. Я рассеянно представила, что вот так все по очереди поломается, а последней сломаюсь я. Сил вызвать мастера у меня не появилось, ничего делать не хотелось.

Раньше я никуда не успевала, а теперь я трачу свое драгоценное время понапрасну.

С тех пор как я вышла на работу, я постоянно была занята каждый день, а если у меня выдавалось хоть немного свободного времени, мне много чем хотелось заняться. У нас с мужем был магазинчик японских мелочей и аксессуаров, и мне хотелось объездить разные мастерские, производящие сувениры по всей Японии. Наш магазин находился в Асакусе, которая так и ки-

шит иностранными туристами, и я планировала найти мастеров чайной церемонии и икебаны, чтобы проводить простенькие занятия. То и дело я отказывалась от дружеских приглашений, и мне хотелось вернуть им долг, спокойно пообедать с ними или съездить на горячие источники. Я хотела ходить в спортзал, где была всего раз после покупки абонемента. Хотела больше тратить времени на покупки, походы к косметологу, заграничные путешествия.

Но когда я действительно стала свободна, все это потеряло смысл. Я уже не могу ни помочь в работе мужа, ни дать ему совет, а те, кто хотел со мной встретиться, похоже, на самом деле стремились увидеть не меня саму, а “успешную хозяйку магазина”. Стоило мне бросить работу, как их звонки прекратились. Муж любил ходить в спортзал, и я тоже считала, что мне надо худо-бедно заниматься тренировками, но это были всего лишь стереотипы. Сейчас же мне не нужны ни брендовые вещи, ни косметологические процедуры, чтобы кожа выглядела хоть сколько-нибудь моложе. К тому же я по сути своей домоседка, и мне больше нравится сидеть дома и вязать, чем куда-то выбираться.

Или же нежеланное свободное время вызывает

смятение и панику?

Начиная с подросткового возраста, я упорно хотела двигаться все выше и выше, вперед и вперед, и была в этом честна с собой. Я хотела побеждать. Просто побеждать везде и во всем. Но в чем? Раньше я ненавидела проигрывать, а сейчас — всего лишь сплю от усталости? Или с самого начала я насиловала себя? И эта лентяйка и есть настоящая я? Но мне даже и думать об этом было неохота.

Я съела бургер в фастфуде неподалеку и снова отправилась в манга-кафе. Не то чтобы я такая фанатка манги, но, лишившись работы и целей, я теперь не могу читать нормальные книги. Я и в библиотеку ходила, но, чтобы следить за текстом, понимать его и превращать в своем сознании в образы, нужны определенные силы. Проще всего смотреть телик, но он так и стоит сломанный, вот я теперь и перешла на мангу. Но с этими мангами тоже странная штука: я увлечена их чтением, но сразу после в голове не остается никаких впечатлений и потрясений. Вот уж действительно — пустая трата времени.

Я налила себе кофе, положила на стол все тома “Доходного дома Иккоку” и стала читать их по порядку. В процессе я ненадолго задремала,

дважды сходила в туалет, трижды подлила себе кофе. К концу я потеряла всякое представление о времени. Подумала: сейчас десять, наверное, и пошла посмотреть на часы около кассы. Кто бы мог подумать, шел уже четвертый час ночи. Я осмотрелась вокруг — в кафе сидело много пьяных, пропустивших последнюю электричку. Пойти домой или остаться, размышляла я. Вчера ко мне пристал пьяный мужик, что было неприятно. Так что, может, посидеть здесь, пока не станет светать. Уже через два часа пойдут первые поезда, и, скорее всего, пьяные исчезнут с городских улиц.

Я взяла простенькие комиксы на четыре кадра и вернулась на диван. Не успела я оглянуться, как ко мне завалился молодой парень, с виду офисный работник, красный от выпитого. Он показался знакомым. Я пристально посмотрела в его дурацкое спящее лицо. Вероятно, ему снился какой-то кошмар — он периодически стонал и хмурился. Кто же он? Может, кто-то, с кем я познакомилась на работе? Не успела я так подумать, как парень резко открыл глаза. Как только наши взгляды встретились, он рефлекторно завопил: “А, извините”. Все, кто бодрствовал в кафе, повернули головы в нашу сторону. Увидев его

испуганную физиономию, я вспомнила, кто он.

— Ой, э-э, Идзуми-сан?

Я молча села рядом с ним.

— А почему вы здесь?

— Это я тебя хочу спросить. Почему ты извиняешься, когда кого-то видишь? — разочарованно спросила я. Он недолгое время был моим подчиненным. Вроде как лет на пять моложе меня. Я часто ругала его — уж слишком плохо работал. Поэтому лицо его я вспомнила, а вот имя забыла.

— Вот это да. Я только что видел кошмарный сон, как меня ругает начальник, открываю глаза — а тут вы.

— Ну уж извини.

— А что вы тут делаете? Глазам своим не верю. Почему вы здесь?

Неудобный для меня вопрос. Объяснить коротко, почему я поздней ночью торчу в манга-кафе, я не могу. К тому же у меня ни малейшего желания пускаться в объяснения перед парнем, с которым я никогда не была близка.

— Сколько лет прошло. Вот она судьба — взять и встретиться с вами здесь. Тоже ждете первого поезда?

В манга-кафе приходят в основном поодиночке, так что здесь даже тише, чем в библиотеке. Поэто-

му пьяный голос парня звучал очень громко. При чем тут судьба-то? Мне стало неловко, и я встала.

— Ой, вы уже уходите?

— Отстань от меня.

Я подошла к кассе, а он крутился вокруг меня.

— Тогда я тоже пойду.

— Жди здесь первого поезда.

— Женщине одной идти в такое время по кварталу Кабуки-тё[5] опасно. Я поймаю вам такси, — сказал он, а я повернулась к нему спиной, проворно открыла дверь и вышла наружу. Он был слишком назойлив, поэтому я помчалась по лестнице к дому, но меня повело, и я плюхнулась на ступеньки. Закружилась голова. Со мной было что-то не то.

— Вы в порядке? Надо же, даже вы, Идзуми-сан, можете упасть.

Он подбежал и помог мне подняться. Я невольно посмотрела на него. Детское выражение лица, похож на щеночка. Я неуклюже встала, схватившись за его руку. И вдруг сердце у меня сжалось: то ли от чего-то давно забытого, то ли от чего-то болезненного.

— Я проголодался. Может, съедим по рамэну? —

---

[5] Примечания: 5

Кабуки-тё — увеселительный район в Токио.

сказал он, а я обратила внимание на две вещи. Давно забытое и болезненное — от того, что впервые за долгое время был нанесен удар по моей гордыне. А на лестнице я упала, потому что была очень сильно голодна.

Парня звали Кэнта Обара. Я вспомнила его имя, когда посмотрела на визитку, которую он передал мне за стойкой в лапшичной. В то время у него был коллега-ровесник, которого звали Кэнъити Обара. Он был крупнее, и его называли Большой Кэн. А этот был низенький, поэтому получил прозвище Малыш Кэн. На визитке было написано название не той фирмы, где я работала, а дочерней компании производителя бытовой техники. Второй отдел маркетинга.

— Ты уволился? — спросила я, хлюпая рамэном. О чем еще я могла спросить?

— Сразу после вас. Новый начальник был строже вас раз в сто, у меня на голове появилась проплешина размером в пятисотиеновую монету. Я бы сдох, если бы продолжал в том же духе. Вот я и ушел.

Я молча задумалась: разве из-за строгих начальников умирают? Видимо, прочитав мои мысли, Малыш Кэн указал на меня палочками:

— Вы, наверное, сейчас подумали: вот избало-

ванный.

— Подумала, — призналась я, ведь соблюдать политес было необязательно.

— Ничего, я не обиделся. По-любому я из отряда лузеров. Поджал хвост и сбежал, как трусливая собака, — неожиданно радостно сказал он.

— А как у вас все сложилось, Идзуми-сан? Или у вас уже другая фамилия? Вы же вышли замуж. Простите, я забыл вашу новую фамилию. Как она?.. Имя я помню. Идзуми Кёко, да? Я с самого начала подумал: какое красивое имя.

Малыш Кэн болтал без умолку, и рамэна в плошке у него не становилось меньше. Я давно уже все съела, достала бумажную салфетку и вытерла рот.

— А не дадите салфеточку?

Я дала ему одну, он громко высморкался, положил салфетку в карман пиджака и стал доедать рамэн. Я смотрела на него, подперев щеки руками. С виду дешевый костюм, ослабленный галстук. Но ногти на руках аккуратно подстрижены. Я посмотрела вниз, под стойку — сумка у него была старая, потертая, а ботинки тщательно вычищены. Вкуса никакого, но вроде старался следить за собой.

— А сейчас где работаешь? — спросила я, про-

игнорировав его вопрос.

— Клиентский сервис. Ну, в основном работа с жалобами и отправка мастеров по ремонту. Я и сам хожу ремонтировать. Вызывают, ругают, чиню, извиняюсь — и так по кругу.

— М-м. Вот что ты, оказывается, умеешь.

— Ну, не такое уж это умение. Я вообще-то инженерный факультет окончил.

С гордым видом он допил бульон из плошки. А потом снова посмотрел мне в лицо и внезапно застеснялся. Наверное, после еды опьянение прошло, и ему стало неловко из-за того, что сам пригласил меня на рамэн.

— Э-э, можно задать вам вопрос?

После еды мне захотелось спать и, зевая, я кивнула.

— А где вы живете? Почему едите рамэн вместе со мной в такое время и в таком месте? Ваш муж не будет ругаться?

— Я живу в Ниси-Синдзюку, так что отсюда мне двадцать минут пешком. Рамэн я съела, потому что ты меня сюда позвал. Я развелась в позапрошлом году, так что мужа у меня нет. Что бы, где бы и когда бы я ни делала, ругать меня никто не будет, — ответила я так, как будто мне все равно. Услышав это, Малыш Кэн завис на неко-

торое время. Наверное, надо было быть добрее и получше все ему объяснить, но мне было лень: я хотела спать.

— Уже скоро первый поезд. У тебя ведь сегодня рабочий день. Лучше поехать домой, — мягко сказала я, но он продолжал на меня таращиться. Постепенно он пришел в себя и задал мне вопрос:

— Идзуми, а вы сейчас работаете?

— Я ничего не делаю. Безработная.

— Неправда! Как это, вы — и не работаете.

Опять небольшая трещина в моем самолюбии. Я сказала официанту “спасибо” и встала, Малыш Кэн поспешно достал бумажник. “Не надо”, — сказала я, но опять поела за чужой счет.

Его обмолвка о том, что он “из отряда лузеров” все сильнее отзывалась во мне. Малыш Кэн спал на моей спартанской железной кровати, обнимая меня. Я открыла глаза, и мне показалось, будто меня крепко обнимает ребенок, и я не могла встать. Только и оставалось, что разглядывать узоры на потолке.

После того как мы поели рамэн, я собиралась пойти домой, Малыш Кэн увязался за мной, приговаривая, что должен проводить меня. “Не хочу на работу”, — ныл он. “Прогуляй денек”, — по-

советовала я ему, на что он радостно кивнул. “Вы мне раньше очень нравились. Так что не грустите, пожалуйста”, — по-детски утешал он меня, взяв за руку. Что-то не припомню, чтобы он нравился мне, но когда он взял меня за руку, то отвращения не испытала. А раз отвращения не испытала, то пустила его к себе. И тут Малыш Кэн стал раздевать меня по собственной инициативе. “А, вот как? Переспим, значит”, — только и успела подумать я, как мы потрахались три раза.

Я давно не прикасалась к коже человека. Даже не помню, когда мы с мужем последний раз занимались сексом. Да какой там секс: я не целовалась несколько лет и не помню даже, чтобы кто-то, хоть мужчина, хоть женщина, держал меня за руку, трогал за плечо или спину.

В общем, было классно. Оказывается, во мне еще осталось сексуальное желание. Малыш Кэн терся носом о мою ключицу и что-то бурчал себе под нос. Я обняла его голову и погладила — он успокоился. И правда на собачку похож.

Интересно, который сейчас час? Свободной рукой я взялась за часы, лежавшие у подушки. Начало одиннадцатого. Я пока толком не выспалась. Все равно никаких планов нет, можно поспать еще — и я закрыла глаза. Тяжелая голова Малыша

Кэна лежала на моем плече. Я любила спать на плече мужа, но и представить себе не могла, что чья-то голова может быть такой тяжелой.

Мой муж был добрым и мягким. Единственный сын землевладельца из района Ситамати[6]. Немного рассеянный, но человек хороший. Приветливый, заботливый, терпеливый. В отличие от меня, никогда не говорил гадостей и не судил плохо о людях. Поначалу мне это в нем нравилось, но вскоре я на дух переносить не смогла именно эти черты его характера. Может, я, воспользовавшись добротой мужа, вела себя слишком своевольно и эгоистично. Я считала, что все, что доставляет мне удовольствие, наверняка так же радует и его.

Отряд лузеров. Я закрыла глаза. Эти слова крутились у меня в голове. Волосы Малыша Кэна были приятными на ощупь: вроде он помыл голову, когда принимал душ, но не воспользовался укладочными средствами. Я прикоснулась к ним носом, вдохнув свежий запах чужого тела.

Мы с Малышом Кэном из одного отряда лузеров, просто подумала я без всякой ненависти или самоуничижения. Все-таки тактильность — это

---

[6] Примечания: 6
Ситамати — нижний (торговый) район в южной части Токио.

не шутки: просто лежим голые рядом друг с дружкой, а уже кажется, что я немного люблю парня, к которому не испытывала и крохи симпатии. Вот я дурища, даже смешно.

И тут откуда-то послышалась мелодия, похожая на звонок мобильника. У меня мобильного телефона нет, так что наверняка это его. Музыка из аниме “Фландрийский пес” — и я заржала в голос. Пока я сомневалась, разбудить мне спящего пса или нет, он открыл глаза — может, услышал рингтон и резко поднялся. Было ясно: он не сразу понял, где он и что тут делает. Он посмотрел на меня, потом оглядел комнату и стал искать телефон, который откуда-то звонил. В конце концов звук прекратился, будто звонивший отчаялся.

— Э-э, значит…

— Доброе утро. Ты реально решил прогулять работу?

— А-а. А какой сегодня день недели?

Опять послышалась мелодия из “Фландрийского пса”. Он подскочил в одних трусах, спрыгнул с кровати и достал телефон из кармана пиджака, висевшего на стуле, затем уселся на колени на пол и начал смиренно извиняться перед собеседником. Выступавшие на его худой спине кости задергались.

— Накричали на меня. Надо на работу идти.

Малыш Кэн положил трубку и расстроился, как мальчишка, которого отругала мать.

— Это все из-за меня. Прости.

— Нет. Идзуми, не извиняйся, пожалуйста.

Он поспешно надел рубашку, натянул брюки и повязал галстук. В костюме он выглядел совершенно неприметно. Голым он гораздо милее, подумала я, надела футболку, достала из холодильника пластиковую бутылку с водой и налила ему в стакан.

— Спасибо. Даже и не припомню, когда ты была такой доброй, — сказал он, не церемонясь, а мне не оставалось ничего делать, кроме как рассмеяться. Может, я махнула на все рукой, переспав с ним, но самолюбие теперь молчало.

— Мы еще увидимся?

— Слушай, а ты можешь починить телевизор и кондиционер?

— Зависит от модели… А что, они сломались?

Малыш Кэн несколько раз включил и выключил телик, посмотрел в его искаженный экран, потом несколько раз достал и вставил батарейки в пульт кондера и задумался. Записал номер модели к себе в блокнот. А потом вырвал из него листок, накарябал на нем номер телефона и пе-

редал мне.

— Можешь звонить мне на рабочий, но меня часто не бывает на месте, так что лучше звони сюда. Хорошо?

Я кивнула, взяв бумажку. Малыш Кэн довольно улыбнулся, легонько поцеловал меня в губы и вышел за дверь.

В тот момент, когда он ушел, события нескольких часов в один миг лопнули как мыльный пузырь, и я потеряла ощущение реальности. Но в постели, куда я вяло завалилась, остался запах собачки. Я завернулась в одеяло и снова заснула.

Незадолго до вечера зазвонил телефон. Я сонно подумала, что это Малыш Кэн, но ошиблась. Звонил приятель, с которым мы когда-то познакомились по работе. Он пригласил меня поужинать. Делать мне было нечего, причин отказываться тоже, и я решила согласиться.

Кажется, наступила пора моей привлекательности для мужчин, удивлялась я, нанося макияж, чего не делала долгое время. Я достала летний костюм, который убрала в шкаф, но оказалось, что он мне больше не идет. Наверное, из-за растрепанной прически — ведь в салоне я сто лет не появлялась. С другой стороны, к чему себя ограничивать, решила я и надела привычные

мешковатые штаны.

Пригласивший меня заказал столик в ресторане фьюжн-кухни в Кита-Аояме. Чтобы попасть в него, нужно было пройти мимо места, где когда-то был мой магазин. Наверное, он сделал это специально. Я повернула на восток с улицы Аояма-доори и шла, немного напрягшись, но там, где раньше был магазин, находилась кофейня ныне разросшейся американской сети. Я знала, что магазина больше нет, но сердце заныло. Аренда магазина у дороги стоила бешеных денег. Но для крупной сети сумма, наверное, пустяковая. Мы спорили с мужем, открывать ли здесь наш третий магазин или нет. Я утверждала, что он непременно станет успешным, а муж никак не мог привыкнуть к высокой аренде.

Я вышла на пятнадцать минут позже, но коллега, как я и предполагала, еще не пришел. Я заказала пиво, отпила глоток, и тут появился он со словами: “Прости, я виноват”, хотя на лице у него было написано: никакой вины за собой не чувствую. Его фамилия — Хёдо, он занимался оптовой торговлей азиатскими хозяйственными товарами для сети магазинов, за которыми стояла крупная швейная компания. Мы были одного возраста, но он за это время сильно располнел и

выглядел солидно.

— Ты похудела, — сказал он в противоположность тому, что я думала про него. Он поспешно заказал напитки и еду у официанта. Я рассеянно подумала: неужели и я раньше говорила с такой же скоростью?

— Идзуми, а чем ты сейчас занимаешься? — без всяких церемоний спросил он.

— Да ничем, в общем-то.

— Нет, так не годится. До меня дошли слухи, что ты болтаешься без дела. Извини, что вмешиваюсь, но у меня к тебе есть просьба.

Хёдо достал визитку из кармана хорошего пиджака, наверное, перешитого под мерки его солидного тела. В отличие от визитки Малыша Кэна эта была новехонькая, белоснежного цвета. Раньше его компания была обществом с ограниченной ответственностью, а теперь стала акционерной. На визитке горделиво была написана должность: представительный директор.

— Я узнал, что ты свободна, и подумал: вот это удача! Мы планируем сделать магазин на весь этаж, с акцентом на японских хозтоварах и посуде. Поможешь?

Он сказал это таким тоном, как будто и не ожидал отказа. Магазин планировали открыть

в крупном торговом центре, который появится в следующем году на станции частной железной дороги. Хёдо предложил мне должность мерчендайзера. У них более широкая сфера полномочий, чем у простого байера, то есть это работа по формированию конкретной концепции магазина. Ты отвечаешь и за определение ассортимента и общего образа магазина, и за принятие решений о сроках и объемах закупок, и за персонал по продажам. На работе я отвечала за европейские хозтовары, а в компании мужа специализация была на японских, так что у меня были нужные знания и связи.

— Но я два года нигде не работала.

— Ты, Идзуми, сможешь вернуться. Ты уже ничего не должна своему мужу. Отомсти.

Услышав о мести, я несколько обалдела. У меня и в мыслях не было мстить. Но со стороны выглядело так, будто я оказалась в хреновой ситуации, снова подумала я.

Я вспомнила, что познакомилась с мужем на выставке, которую устраивал Хёдо. Я пришла, в общем-то, просто посмотреть на картины, но обратила внимание на молодого человека в традиционном кимоно. Он серьезно рассматривал экспонаты, читал каталог, и я решила заговорить

с ним. Он рассказал, что хочет открыть магазин розничной торговли хозяйственными товарами в доме бабушки, которая умерла в прошлом году. Дом был старый, начала XX века, и я посоветовала не делать ремонт, а повесить на входе занавески норэн[7] цвета индиго, чтобы сохранить старинную атмосферу. У него загорелись глаза. Вскоре мы почувствовали взаимную симпатию друг к другу, поженились и постепенно решили вместе заняться торговлей. Без малейшего сожаления я бросила компанию, в которой проработала шесть лет. Ведь выйти замуж за хорошего человека и создавать вместе с ним магазин с нуля куда веселее, чем грызться за очередную должность.

— Помнишь, у вас были оригинальные полотенчики-тэнугуи и японские свечи? Отличные. Я спрашивал у твоего мужа, но он сказал, что больше ими не торгует. Можно будет ввести их в наш ассор– тимент?

Когда я задумала серию тэнугуи и японских свечей, заказав дизайн у молодых иллюстраторов, муж не обрадовался такой идее и заявил, что выглядит это дешево. Но я настояла на своем и попробовала выставить их в магазине. Неожи-

[7] Примечания: 7

Норэн — вид традиционного японского занавеса, который вешают в дверных проемах на входе в магазины, рестораны и т. п.

данно они пришлись покупателям по вкусу. Я подала идею женскому журналу, они рассказали об этой серии, и к нам стали приезжать за покупками молодые девушки со всей Японии, а также приходили запросы из универмагов на оптовые поставки. Сейчас, думаю, это давило на самолюбие мужа.

— Погоди. Не нужно развивать эту тему, — сказала я. Хёдо неохотно поставил кружку с пивом на стол.

— Почему же? Я могу прозвучать резко, но это твой шанс вернуться к жизни. Если ты и дальше продолжишь свою паузу, о тебе уже никто не вспомнит.

— Вообще-то я никогда не любила ни хозтовары, ни всякие мелочи, — откровенно брякнула я. Хёдо наклонился вперед.

— Вот именно. Знаешь, девушек, обожающих всякие миленькие штучки, хоть пруд пруди. А вот эта недоделанная любовь все портит.

Я не ожидала от Хёдо таких слов и посмотрела ему в лицо.

— Идзуми, ты же и сама знаешь. Вещи по-настоящему хорошие и вещи, которые хорошо продаются, — не одно и то же. Я, например, хочу брать произведения искусства, сделанные на-

стоящими художниками. Но у покупателей нет вкуса. Хорошо расходятся миленькие штучки на сезон, которые стоят совсем недорого. Их не жалко выбросить, если надоест. Это не значит, что я продаю все, что продастся. Но надо продавать, раз продается. Иначе не сможешь вложить деньги во что-то стоящее и уникальное, — уговаривал он меня, словно ребенка.

Я вспомнила, как говорила мужу то же самое. Все слова Хёдо были правильными. Я понимала, что изготовлением поддельных Пикачу на жизнь себе не заработаешь, но, тем не менее, в моем настрое не наблюдалось никаких перемен.

Наверное, Хёдо понял, что заинтересовать меня не удалось. Он внезапно замолчал. А затем закурил, даже не скрывая разочарования.

— Это настолько тебя шокировало? То, что твой муж…

— А?

Посетители за соседним столом громко шумели, и мне трудно было расслышать слова Хёдо.

— Я думал, ты уже пришла в себя, но, видимо, из-за меня вспомнила что-то неприятное. Прости.

Я хотела было сказать, что это не так, но не смогла правильно выразить мысль.

— Когда ты ждешь ответа? — спросила я. Передо мной стояла практически нетронутая тарелка.

— Ну-у. Конкретная работа начнется еще нескоро. Как насчет, например, первого сентября? Домашнее задание — поразмышлять на летние каникулы.

Хотя я уже привыкла, что все меня угощают, но когда Хёдо достал из бумажника купюру в десять тысяч иен и передал ее официанту, то почувствовала себя неловко. Я вспомнила, как в те времена, когда я была на коне, то не раздумывая, по собственной инициативе угощала и Асуку, и других своих друзей. И я совсем не представляла, что чувствует тот, кого угощают.

Долгое время я не пила, и от алкоголя у меня разболелась голова. Я поймала как нельзя кстати проезжавшее мимо такси и вернулась домой. Перед входом в квартиру стояла коробка экспресс-доставки. “Интересно, что это?” — подумала я. Отправителем значилась Асука. У меня возникло нехорошее предчувствие, и я открыла коробку. Там лежали сделанные мной вязанные игрушки и семь мишек Тедди в костюмчиках, которые я подарила первыми.

“Я понимаю, что тебе не было бы обидно, если бы я хранила твои подарки. И все-таки я не могу

их принять. Прости. Мне сложно сформулировать, но отдыхать и убегать — это разные вещи. Тому, кто на это смотрит, тоже тяжело. Правда, прости меня, пожалуйста".

Откровенное письмо Асуки я прочитала вслух. Могла бы и молча все выкинуть. Друзья бывают не только добрыми, но и жестокими, подумала я, потирая висок.

Но действительно — я еще раз посмотрела на своих кукол — все они были в чем-то жутковаты. Когда-то мама часто вязала кружевные ко́стеры и салфетки под вазы цветов. Они никому не были нужны, да и сама мама ими не пользовалась. Просто вязала их в какой-то прострации. И хотя мне было ее жалко, в какой-то момент незаметно для себя я стала делать то же самое.

Не снимая макияжа, я разделась, побросав одежду, и залезла под одеяло. В постели еще немного пахло собачкой. Но набрать номер у меня не было сил.

Я открыла глаза. Как ни удивительно, восемь утра, нормальное время. К тому же впервые за несколько дней небо было голубым. Я открыла окно, вывесила сушиться наматрасник и одеяло, включила стиралку. Освещенная солнцем комната выглядела слишком грязной, и я решила

прибраться. Принесла мусорный пакет и собрала в него хлам, валявшийся на полу. Я покидала туда и игрушки, которые вернулись ко мне вчера, и хотела было завязать пакет, как встретилась взглядом с кругленькими глазенками Пикачу. И тут мне показалось, что так делать нельзя. Я подумала: хотя бы сфоткаю их, и вспомнила, что Асука советовала мне сделать страницу в интернете. Точно, куплю цифровой фотик и сниму их, придумала я и загорелась новой идеей, как убить свободное время.

Я бросила уборку на полпути, пошла в район, где торговали электротехникой и купила дешевую цифровую камеру. Содержимое моего кошелька опустело, и я отправилась в банк — снять денег. Как обычно, я сняла сто тысяч иен, бросила взгляд на чек, который выплюнул автомат, и застыла. Остаток моего обычного накопительного счета приближался к нулю. По сравнению с прошлым я вела невероятно скромную жизнь. Само собой, если только тратить, денег становится меньше, но я никогда глубоко об этом не задумывалась. Внезапно купленный сегодня фотоаппарат и вчерашняя поездка на такси показались необдуманными тратами. У меня есть накопления, но это всего-то двадцать

миллионов иен. Сумма неплохая, если работать, а вот если только тратить, то хватит ее на несколько лет. Со студенческой скамьи я серьезнее всех училась, потом сильнее всех старалась на работе и вот накопила эту сумму. Интересно, сколько нужно накопить денег, чтобы никогда больше не работать? Хочешь не хочешь, а придется откликнуться на предложение Хёдо, мрачно подумала я. Но ответ надо дать в конце лета. Я помотала головой и решила, что тогда и подумаю.

Я вернулась домой и сразу же включила компьютер. Обычный десктоп, который я купила перед разводом. До сих пор я пользовалась только почтой и интернетом, не замечая других программ, а оказывается, у меня есть и встроенный редактор сайтов. Я не стала читать инструкцию, начав ставить теги как придется.

С тех пор я практически не выходила из дома: только в минимаркет купить еды. Новое времяпрепровождение полностью захватило меня. Как-то ночью — не могу сказать точно, сколько дней прошло, — в дверь постучали. Сначала я решила, что мне послышалось: доставщики и агенты подписок на газеты обычно звонили в дверной звонок, но я перестала печатать по клавиатуре и прислушалась. И действительно,

кто-то робко стучал в дверь. Я посмотрела в глазок — там стоял Малыш Кэн в костюме, с окаменевшим лицом.

— Что случилось? Как я могу догадаться, если ты не звонишь в звонок? — С этими словами я открыла дверь, а он сказал напряженно: “Добрый вечер”.

— Заходи.

— Спасибо, извини за беспокойство.

В отличие от прошлого раза, сегодня он стеснялся. Со словами: “Я вот тут купил”, — он передал мне пакет из минимаркета. В нем лежали две банки холодного пива и мороженое с сиропом.

— Я не знал, что ты любишь: пиво или мороженое.

— Мог бы позвонить по телефону и узнать.

— Так у меня нет твоего номера.

И действительно.

— Идзуми-сан, тебе не понять, наверное, как я ждал твоего звонка.

Я предложила переминающемуся с ноги на ногу Малышу Кэну стул перед компьютером, а сама села на кровать. Я выбрала мороженое: от вчерашнего пива у меня болела голова.

— Что ж ты раньше-то не пришел?

— Я же сказал, что тебе не понять. Представь се-

бя на моем месте. Раз ты не дала мне свой номер, то, значит, я для тебя — развлечение на одну ночь. Непросто прийти, если тебе могут дать от ворот поворот. Я же не какой-нибудь мальчишка.

Малыш Кэн был абсолютно прав. Но если бы я честно сказала ему, что не звонила, потому что забыла, это обидело бы его еще больше.

— Прости. Я была немного занята.

— Я уйду, если мешаю.

— Если бы мешал, я б тебе дала от ворот поворот.

Малыш Кэн наконец-то рассмеялся. Он открыл пиво и залпом выпил первую банку, за ней открыл вторую. Я ложкой поддевала замерзшее мороженое и думала, что его поведение смахивает на алкогольную зависимость. В одно мгновение он опустошил вторую банку и, сказав: “Итак”, встал и вытащил из своей большой сумки маленькую картонную коробку. Интересно, что это, подумала я, а он достал из коробки новый пульт для кондиционера. Потом вытащил из сумки батарейки и вставил их в новый пульт, затем встал под кондером и включил его. Послышался шум со стороны агрегата на балконе, и кондиционер заработал. В лицо ударил ветерок с запахом плесени.

— Ух ты! Работает, — удивилась я, а Малыш Кэн горделиво передернул плечами.

— Там просто проржавел отсек, где лежали батарейки, и пульт сломался. Нужно доставать батарейки с окончанием сезона. И фильтр надо почистить.

— Круто!

Дул прохладный ветерок. Я поспешно закрыла окно. Когда я вернулась, он уже снял при помощи отвертки заднюю крышку телевизора, развернув его к себе.

— Ты и телик мне починишь?

— Это проще простого — он сделан в нашей компании. Но потребуется немного времени. Можешь пока чем-нибудь заняться.

— Ух ты! Спасибо. А скажи, можно тебя попросить еще поменять лампочку на кухне? Я не достаю, даже со стула.

— Можно.

— Тебе чем-нибудь помочь?

Он сидел по-турецки на полу, перебирая какие-то детали от телевизора. Задумавшись, он сказал:

— Пива еще немного бы.

— Я пойду куплю тебе.

Я взяла кошелек, вышла из дома и помчалась

до ближайшего минимаркета. Радуюсь таким мелочам, как дура, подумала я, но лицо само расплывалось в улыбке. Я купила четыре банки пива и закуску. Когда я вернулась, Малыш Кэн ставил телевизор на место. На экране шли спортивные новости. Изображение было четким.

— О! Показывает, — громко сказала я, а он улыбнулся, смущаясь.

— Значит, я не зря пришел. Там всего лишь нарушился цветовой баланс. Ну и еще все было в пыли, протирай его почаще. Иначе он может сломаться. А где лампочку поменять?

— Сейчас, сейчас, — сказала я и достала из шкафа новую лампочку, которая лежала там уже полгода. Малыш Кэн был выше меня всего сантиметров на пять, но мне как раз и не хватало этих пяти сантиметров, чтобы достать до консоли.

На кухне стало светло. И тогда я заметила и недоеденный рамэн, и грязную посуду в раковине. Я ощутила укол совести и потащила Малыша Кэна в комнату, усадила его на кровать и поцеловала. Он заулыбался и открыл купленное мной пиво.

— Большое тебе спасибо. Ты меня спас.

— Да не за что.

Мне-то казалось, что он совершенно беспо-

лезный парень, а вот насколько пригодился в реальной жизни.

— Я заплачу. Пульт-то тебе, наверное, не бесплатно достался.

— Не надо. Мне его в знакомом магазине электротоваров уступили почти даром. Лучше скажи мне: а чем ты была занята последнее время? Может, работу нашла?

— Не-а. Делала сайт.

— В интернете?

— Ага. Посмотришь?

Я усадила Малыша Кэна и показала сайт, который я сделала за неделю.

— Вау! Как круто. А что это за Пикачу?

— Я сама связала. Интересно, меня обвинят в нарушении копирайта, если его кто-нибудь обнаружит?

— Так, может, его не продавать?

Он мягко улыбнулся, и у меня случился глюк: как будто у нас серьезные отношения.

— На самом деле у тебя так классно получается. И посетителей много. Можно на этом заработать.

Он так непосредственно радовался, что во мне возникли противоречивые чувства. Сделать сайт — ничего особенного. Я посмотрела сайты, которые делали профи и обычные люди, взяла

материалы, слепила как придется — ну и вышло, что вышло. Понаставила ссылок туда-сюда, отправила френдам, с которыми познакомилась в “Постпете”, и кто-то даже стал писать мне на форум, хотя я не просила. Удивительное дело, но мне приходили письма с просьбой продать вязаные игрушки и одежки для мишек Тедди. Сначала было интересно, но контента у меня не было. Дневник тоже не разместишь — ничего особенного не происходило, и писать нечего. Честно говоря, мне начало это надоедать.

Я обняла Малыша Кэна за голову. Прикоснулась губами к его губам, улыбнулась, играя с ними. Я подумала, что люблю этого парнишку. Но любовь эта была похожа на мои увлечения рукоделием и интернетом — сначала загорюсь, а потом сразу охладею. Я сама удивлялась своей безответственности, но сдержать дикие порывы не могла. Я разделась, даже не приняв душ, и занялась с ним любовью, разок.

Кондиционер работал на полную. Мы валялись голыми в постели, завернувшись в простыню. Малыш Кэн сказал:

— Извини, если что не так, но сейчас ты мне гораздо больше нравишься, чем когда ты работала в компании.

Меня это удивило.

— Все говорят: скорее возвращайся, мы хотим, чтобы ты стала прежней.

— Угу. Когда ты сказала, что вышла замуж и уходишь из компании, ты была такая счастливая и очень красивая. Но до этого я считал тебя суровой. Ты говорила всегда строго и была непривлекательной.

— А сам говорил, что я тебе нравилась.

— Нравилась. Ну, это… Потому что ты, в отличие от меня, была из отряда успешных.

Была. Прошедшее время меня задевало, но я решила об этом не думать. Я обнимала голову Малыша Кэна, как плюшевую игрушку, и беспрестанно гладила его по волосам.

— Почему ты развелась? — пробормотал он себе под нос.

Увидев, что я замешкалась с ответом, он поспешно добавил:

— Если не хочешь говорить, не надо. Извини.

— Обара, тебе больше идет быть голым.

Я попыталась переменить тему, а он засмеялся. Но выражение лица у него было непростое.

— Это комплимент? Просто у меня дешевый костюм. По работе каждый день хожу пешком по жаре — вот и нужно таких несколько. Голым-то

на улицу не выйдешь.

Кажется, Малыш Кэн обиделся. Я поцеловала его в лоб, чтобы он замолчал.

С тех пор Малыш Кэн пару раз в неделю стал заходить ко мне после работы. По воскресеньям он появлялся в футболке и шортах-бермудах и подклеивал обои, или мы шли с ним вместе развеяться в манга-кафе. Встречаться с ним было легко: он никогда не спрашивал меня: “Я тебе нравлюсь? Ты меня любишь? Будем жить вместе? Как долго ты еще будешь сидеть без работы?” И я могла ни о чем не задумываться.

Летом в центре Токио асфальт становится горячим, как сковородка, а в новостях говорят, что ощущаемая температура бывает и выше сорока. Даже от похода в ближайший минимаркет темнело в глазах. Вот уж действительно мне повезло, что Малыш Кэн починил телевизор и кондиционер до начала жары. Днем на улице чуть в обморок не падаешь, а вечером температура не опускается ниже тридцати градусов. Интернет мне надоел, и я круглые сутки оставляла кондер на полную мощность и рассеянно смотрела телик или спала, а кроме этого, ничего больше не делала. Аппетита не было, и я питалась небольшими порциями холодной лапши по-китайски,

которую приносил Малыш Кэн, или мороженым. В общем, как-то жила.

Но в начале августа я подхватила летнюю простуду, и у меня начался жар. В общем-то совершенно естественно: каждый день я лежала под кондером, выкрученным на минимум. Когда Малыш Кэн пришел ко мне вечером как обычно, у меня была температура тридцать девять. Он сильно разволновался, стал искать клиники, которые работают ночью, потом потащил меня сюда. Врач сказал, что у меня сильное малокровие и дефицит питательных элементов, и от всего этого ослаб иммунитет. От этого Малыш Кэн пришел в куда больший шок, чем я. Врач предостерег: “Запустите себя — так и умереть недолго. Питайтесь нормально”. А Малыш Кэн буквально силой затащил меня в такси и привез к себе.

Его квартира находилась в тридцати минутах езды от центра по линии частных железных дорог, в старом двухэтажном деревянном доме. Но вокруг было много зелени, в открытое окно приятно задувал ветерок. Он уложил меня в кровать и спрятал куда-то пульт от кондиционера. Сказал, что, к счастью, в летнее время может взять выходной, и провел со мной целых три дня, пока у меня не упала температура. Он кормил меня

трижды в день, хотя не могу сказать, что вкусно, а когда мне было жарко, обмахивал меня веером. В квартире у него царил такой же беспорядок, как у меня, но босым ногам было приятно ступать по татами. Малыш Кэн был настолько добр, что помимо благодарности у меня возникли большие сомнения. Я не могла понять, почему он так внимателен ко мне. Может, с точки зрения общества, он и относится к отряду лузеров, но черты лица у него в общем-то симпатичные и характер нежесткий. На работе, с его слов, начальник его любит, а подчиненные уважают. И наверняка он пользуется какой-никакой популярностью у женщин. Интересно, чем я ему приглянулась, что он так заботливо ухаживает за мной.

Температура у меня наконец упала, и я впервые за долгое время спокойно приняла ванну, а не ополоснулась в душе. Мне было приятно погрузиться в его ванну — хоть и старую, но он держал ее в чистоте. Перед дверью в ванную комнату стояли напольные весы. Из интереса я встала на них и была поражена: тридцать девять килограммов. Встала еще раз — та же самая цифра. Рост у меня — метр пятьдесят восемь, так что такой вес никуда не годился. Наверняка весы сломаны, убеждала я себя.

В воскресенье я сказала Малышу Кэну, что уже выздоровела и мне пора домой. Он погрустнел, а потом предложил проводить меня до Синдзюку. Я постеснялась и сказала: “Я и так слишком много пользовалась твоей добротой, проводи меня только до вокзала”. Мне было ужасно неудобно, что я лишила его летних выходных.

В десять утра в разгар лета уже припекало, и по дороге на вокзал Малыш Кэн предложил зайти в парк. Зелени там было как в джунглях, и мы сели на скамеечку в прохладную тень.

— Твоя квартира в Синдзюку никуда не годится, — сказал Малыш Кэн, отпивая улун из банки, купленной в автомате.

— Не могу же я просто так оттуда съехать.

— Прямо чувствую, что она проклята.

— Что за страсти, — с улыбкой ответила я. Но Малыш Кэн выглядел серьезно.

— Я никак не мог тебе сказать, — сказал он, опустив глаза, и замолчал. Если он предложит жить вместе, то что мне ему ответить? Я напряглась.

— После того как я впервые у тебя остался на ночь, я задумался и пошел к Большому Кэну.

— Что?

— Большой Кэн стал начальником. Он настолько важный, что даже и не скажешь, что мы

ровесники.

Как только я поняла, что он говорит об Обаре, с кем они в одно время устроились на работу, я догадалась, о чем пойдет речь.

— Конечно, это не дело, но я расспросил его о тебе. Нелегко тебе пришлось.

Наш бизнес — тесный мирок. Наверняка слухи о том, что я развелась с мужем, распространились моментально. Хороших слухов не бывает, так что мою историю расцветили яркими красками и выставили в дурном свете, факт.

Мой муж захотел развестись не из-за каких-то сложных обстоятельств, о которых можно было подумать. Дело в том, что я стремилась добиться процветания нашего магазина, несясь впереди планеты всей. У придуманной мной серии оригинальных полотенец-тэнугуи и японских свечей с прикольными узорами были очень хорошие отзывы. Я стала наполнять полки товарами массового производства с низкой закупочной ценой, и продажи стремительно рванули вверх. На этой волне я решила открыть второй магазин в районе Сэндаги и третий в Аояме, хотя получила согласие мужа практически после открытия. Но он, родившийся и выросший в Асакусе, хотел больше уделять внимания традиционным япон-

ским товарам, а его старые знакомые и родители критиковали меня: “Как можно продавать такую безвкусицу?” Я частично об этом догадывалась, но делала вид, что не замечаю. Я хотела ребенка, но в таком случае я бы не смогла заниматься магазином с утра до вечера, поэтому мне нужно было как можно быстрее поставить бизнес на прочные рельсы и повысить годовую прибыль хоть на иену.

Товары расходились хорошо, но вскоре наши отношения с мужем стали давать трещину. Мы вернулись в квартиру, которую родители мужа купили в качестве инвестиции, и мной овладела тоска. Я стала чаще оставаться ночевать в магазине, хотя понимала, что так нельзя. Меня охватила злоба: муж — единственный сынок богатых родителей, не хочет что-либо делать, ничего не понимает в бизнесе и вообще он какой-то немужественный и так далее.

У мужа в это время появилась любовница. Ладно бы он просто мне изменил. Его мать преподавала японские танцы, официальной школы у нее не было, но она учила молоденьких девушек по рекомендациям. И муж влюбился в одну из ее учениц. Она несколько раз приходила в магазин. Как ни странно, кимоно шло к ее очень коротко

остриженным волосам. Она чем-то напомнила мужа во время первой нашей встречи.

И когда муж сказал, что хочет начать новую, осмысленную жизнь с ней, не думая о том, как бы заработать, все уже было решено.

Он распростерся передо мной и стал умолять: “Я сделаю все, что в моих силах, только выпишись из моей семейной книги”. Я рыдала, кричала, канючила, что никогда не поставлю свою именную печать на документах о разводе, но на самом деле я понимала, что дело уже проиграно. Муж заметил: “Ты живешь и думаешь только о себе”. Действительно, я так и жила. Упорно двигаться только все выше и выше, вперед и вперед, не смотря по сторонам, не думая о том, что чувствуют другие, — это вошло в систему. И если всю эту систему подвергают отрицанию, то я больше ничего не могла сделать.

— Меня это не касается, но ты настолько изменилась, что я забеспокоился. Если не возражаешь, давай снимем квартиру вместе где-нибудь неподалеку? Так и мне будет поспокойнее.

Не знаю, насколько Большой Кэн был в курсе всего и что рассказал, но я поняла, что Малыш Кэн мне очень сочувствует. Это был еще один укол по моему самолюбию, чего давно уже не бывало.

Гордыня, от которой я вроде как отказалась.

Мы с Малышом Кэном замолчали. Стрекот цикад, запах земли. На его шлепках бликовал свет, пробивавшийся сквозь деревья. Я не знала, что и сказать.

— На самом деле один человек позвал меня поработать в новый магазин, — сказала я, прежде чем подумать.

— А, да? Классно. Видишь, как здорово. — Малыш Кэн выглядел таким радостным, будто речь шла о нем.

— Но я не могу толком понять, хочу я туда или нет.

— Я понимаю, что ты колеблешься. Ведь ты столько всего пережила.

— Я не об этом, — внезапно жестко сказала я. У Малыша Кэна округлились глаза. Я понимала, что скоро приду в себя и, наверное, опять стану работать в компании. Несмотря на сомнения, буду рваться вперед и вперед. Не знаю почему, но мне было очень досадно. Упадешь, получишь травму, а когда раны заживут, снова нужно вставать. В этом весь человек. И это-то мне и не нравится. Незаметно для себя я почувствовала, что мне противна способность к восстановлению, которой обладает человек: и душой, и телом.

— К тому же, если у меня не будет свободного времени, я не смогу оказывать тебе столько внимания, — брякнула я и подумала: “Что за черт”.

— Вот как? А я, значит, с тобой встречаюсь, потому что мне делать нечего, — пробормотал он, опустив голову.

— Я не в этом смысле.

— Ладно, я понял. Начнешь увлеченно работать и больше не взглянешь на такого невзрачного парня, как я.

— Нет, не так, — сказала я, но Малыш Кэн встал и выкинул банку с недопитым чаем в урну, стоявшую рядом со скамейкой. Мы пошли обратно по дорожке в парке, по которой совсем недавно шли, взявшись за руки. Я смотрела в спину Малыша Кэна и не могла его окликнуть.

Я впервые так сильно ждала телефонного звонка. Но прошло три дня, неделя, десять дней, а от Малыша Кэна не было никаких известий. Однажды вечером я решила сама позвонить ему на мобильник, но не смогла найти бумажку с его телефоном. В конце концов я остыла. Наверное, Малыш Кэн был прав. Иначе я бы не потеряла записку с его телефоном.

На следующий день у меня зазвонил телефон. Я поспешно подбежала к нему — Асука. Почему-то

она была очень смущена и несколько раз попросила у меня прощения. Сначала я не понимала, почему она извиняется, а потом догадалась, что она имеет в виду кукол, которых отправила мне обратно.

— Я подумала, что ты рассердилась на меня. Сколько я ни писала тебе мэйлов, ты не отвечала.

Я объяснила ей, что не сержусь, и, наоборот, даже сделала сайт в интернете, где разместила игрушки. Услышав это, Асука, похоже, наконец-то успокоилась. Мы с ней с детства ссорились неоднократно, но ни разу не было такого, чтобы мы не помирились.

— Это наглость с моей стороны просить тебя об одолжении после того, что я сделала, — и затем Асука продолжила: — Ты не поможешь моим детям сделать домашку на лето?

Оказалось, что последние два дня августа каждый год ее муж помогает детям с поделками для школы, но в этом году он уехал на пять дней в командировку с захватом сентября.

— Асука, у тебя же оценки по труду и рисованию были ужасные.

— В том-то и дело. У папы золотые руки, а у меня с этим все совсем плохо. К тому же днем работа,

совсем не знаю, что делать.

Я уже лет пять не видела детей Асуки. Вообще с детьми у меня ладить не получается, и смысл домашки на летние каникулы в том и состоит, чтобы они, пусть и неумело, делали ее сами. Но без мужа Асуки мне проще, к тому же я догадывалась, что она зовет меня к себе, чтобы помириться, так что я согласилась. Тем более это лучше, чем сидеть и хандрить в моей нездоровой квартирке.

Дети хотели сделать те самые вязаные игрушки, которые их мать по какой-то причине отдала назад. Но как ни крути, ученикам начальки за два дня такое не под силу. Я подумала, что учителям понравилось бы что-то более детское, посмотрела в сети, как делать папье-маше, и отправилась к Асуке.

Она жила в квартале высотных многоквартирных домов где-то в часе езды на скоростной электричке от центра города. Размер квартиры был таким же, как и наш с мужем дом, но у Асуки — семья из четырех человек: она, муж и двое детей.

Старший мальчик уже учился в шестом классе и вел себя как взрослый, он посмотрел на меня и вежливо поздоровался. Младшая дочь,

стеснительная и тихая третьеклассница Ринко, нерешительно стояла, прячась за мамину юбку. Пока мы пили с Асукой чай, старший мальчик беззаботно болтал с нами: то предлагал поиграть в компьютерную игру, то просил сделать задание по математике. Девочка же просто молчала, сидя в углу комнаты и порой бросая на нас взгляды. Дети — это геморрой, неважно идут они с тобой на контакт или нет. Но мне надо было потерпеть всего двое суток. К тому же Асука была очень рада, так что я решила остаться.

Папье-маше продается в магазинах, но я решила сделать его из старых газет, чтобы продемонстрировать школе творческий порыв детей. Я стала рвать газетную бумагу на мелкие кусочки. Девочка робко подошла ко мне и спросила тихим голосом:

— А мне можно попробовать?

— Так это же твое домашнее задание, Рин-тян. Нам нужно сделать его вместе, — сказала я и дала ей газет. Она начала старательно рвать их на куски. Мы положили их в воду, чтобы они как следует размякли, а потом сварили в кастрюле. В первый день мы закончили на этом, и я поела вместе с детьми ужин, который приготовила Асука. Перед сном я пошла принять ванну и встала

на весы в гардеробной — сорок один килограмм.

На второй день Асука ушла на работу, а мы добавили в газетную кашу порошок-загуститель, воду и все перемешали. Здесь старший брат сказал, что дальше справится сам, и тщательно все перемешал. У нас получилось сырье для папье-маше. В качестве образца я взяла сначала чашку, обмотала ее пищевой пленкой, нанесла на нее сырье и размазала тонким слоем. Я вынула чашку, папье-маше держало ее форму. Вроде такая ерунда, а дети были в восторге.

Старший брат, как и подобает мальчику, сделал монстра, машину, какашку, а младшая сестра, похоже, не могла придумать, что бы сотворить. Я достала другие виды посуды, чтобы она попробовала по образцу, но у нее не особо получалось. Но несмотря на то, что работы были неумелые, в них было что-то милое, и я решила их не исправлять. К мальчику пришли друзья, и он пошел гулять с ними, а мы с девочкой решили раскрасить папье-маше акриловыми красками. У Рин-тян было хорошее чувство цвета. Я предложила ей нанести узор на чашку, и у нее отлично получилось. По-видимому, она хорошо владела кистью. Я похвалила ее, а она смущенно улыбнулась.

— Тетя, это ты сделала нам Пикачу? — робко

спросила она. Я сидела на полу, устланном газетами, и раскрашивала сделанные нами вещи. В комнате было тихо — мы были одни.

— Он был такой хорошенький, а мама унесла его. Сказала, что нам его дали поиграть.

— Хочешь, я тебе его подарю, — сказала я, а она на мгновение задумалась.

— А самой его сделать сложно?

— Да. Ты когда-нибудь вязала крючком?

— Нет.

— Тогда научу тебя в следующий раз.

— Правда? — Глаза у нее загорелись. — И я смогу?

— Сможешь, сможешь.

Мы раскрасили все поделки, отловили старшего брата с прогулки и заставили его раскрасить монстра, машину и какашку, которые он сделал. У него было ужасное чувство цвета, но поделки учеников началки, наверное, такими и должны быть.

Младшая сестра, видимо, перестала меня стесняться и настаивала на том, чтобы вместе принять со мной ванну или спать в комнате с татами. Асука рассердилась: “Не надоедай”, а мне было очень приятно. Не от того, что у меня будто появились дети, — скорее я будто стала ребенком

Асуки. В девять часов вечера, в такое здоровое время, что даже поверить трудно, я и Рин-тян легли спать под одной махровой простыней. Я выключила свет — выключатель был около изголовья, Рин-тян зарылась головой в подушку и тихонько сказала: “Завтра в школу-у”.

— Не хочешь туда?

— Что? Хочу. Чашку мы сделали, буду всем показывать!

Я ненадолго задумалась и спросила, посмотрев в потолок: “Почему ты ходишь в школу?” Такие вопросы могут смутить ребенка. Но Рин-тян сразу же ответила:

— Мне там нравится. Могу видеться с друзьями.

Я не знала, что мне еще сказать, а Рин-тян быстро уснула. Закинула на меня ручки и ножку, крепко обнялась. Когда в такую жару к тебе еще прижимается ребенок, спать становится еще жарче, но меня это не раздражало. Детские волосы слегка пахли арбузом, который мы ели после ужина.

Я закрыла глаза, ощущая рядом с собой тепло детского тела, и вспомнила, как однажды мы с Асукой провели вместе летние каникулы. В началке Асука была маленькой, слабенькой и

часто плакала — над ней издевались мальчишки. Я схватила мальчишку, который довел Асуку до слез, и подралась с ним. А мои родители улыбались только когда я им показывала свой табель с оценками, так что я на самом деле рыдала на порядок больше, чем Асука. В такие моменты она всегда была рядом и держала меня за руку.

Сегодня мои летние каникулы заканчиваются. Несмотря на это, я до сих пор так ничего и не решила по поводу предложения Хёдо. Наверное, в моем возрасте уже не пристало думать о том, что мне нравится видеться с друзьями. Я захотела посоветоваться с Малышом Кэном. Но он меня уже не любит. Я думала зайти к нему, но ужасно боялась, что он даст мне от ворот поворот. Вообще-то раньше он говорил мне то же самое.

Крепко обняв дочь моей подруги, я заплакала. Слезы, стоило им появиться, потекли потоком и вскоре сменились рыданиями. Девочка проснулась и испугалась.

— Мама, тетя плачет, — сказала она и почему-то сама расплакалась. Потом послышались шаги. Она поспешила за помощью к матери.

Здесь, а не где-то еще

Дочь уже четыре дня не возвращалась домой. Но каждый вечер она сухо сообщала по телефону: “Сегодня опять ночую у подруги” — то ли хотела подчеркнуть, что она не ушла из дома, то ли все-таки чувствовала себя виноватой. А сегодня вечером — ну сколько можно терпеть — я пристала к ней с расспросами.

— Хватит уже! Где ты шляешься каждую ночь?

— Я же сказала: у подруги, — бросила она, на заднем плане послышался девичий смех и объявления, которые делают на станциях. Наверное, стоит где-то на платформе.

— Так я тебе и поверила. Короче, сегодня ночуешь дома.

— Отстань от меня. Ладно, пока, поезд пришел. Завтра вернусь, наверное.

— Что значит “наверное”? Хина, а в школу ты ходишь?

Проигнорировав мой вопрос, дочь бросила трубку. На самом деле я заранее знала ответ: сегодня днем звонила в школу узнать, ходит ли она туда. Ее классный с раздражением сказал: “Не

пропускает, но часто опаздывает". Я извинилась, пообещав проследить, чтобы она приходила вовремя. И прежде чем он успел что-то сказать, я, точно так же, как и дочь, бросила трубку. Второй триместр третьего класса старшей школы. Дочь уже заявила, что не собирается ни поступать в вуз, ни идти работать. Школе было все равно, лишь бы она не создавала им проблем.

— Не-е. Ты, мам, даже когда сердишься — совсем не страшно, — с усмешкой сказал сын, валяясь на диване. Он пришел сегодня из института необычно рано. — С давних пор такое. Нельзя же так. Не хотел говорить, но все-таки скажу. Ты в глубине души и не сердишься вовсе. Я с детства думал, что наша мама добрая. А когда вырос, понял: тебе просто все равно. Поэтому и Хина к тебе так относится, — продолжал мой сын, запустив руку под рубашку и почесывая живот.

Ему недавно минуло двадцать. С детства был очень говорливым. И когда хотел прогулять физкультуру, которую не любил, и когда отказывался идти в школу, потому что над ним издевались старшеклассники, он всегда пускался в пространные рассуждения, в которых не было никакой логики. Но он вроде бы хорошо соображал: у него всегда были высокие оценки, что радовало нас,

родителей; с первого раза поступил в известный частный университет. Он тоже не всегда ночует дома, проводя время неизвестно где. Тут послышался шум раздвигаемой двери. Муж вышел из ванной.

— Сю-тян, ты будешь ужинать?

— Прекрати называть меня так! Сколько раз тебе говорил. Неохота мне с отцом вместе есть. Лучше пойду в минимаркете что-нибудь куплю. — Сын встал, воодушевившись, и вышел из дома в том, в чем был. Раз он вернулся пораньше, что бывало редко, я наготовила побольше еды, а он взял и пошел в магазин, купит там бэнто, коробку с готовой едой, и уйдет есть в свою комнату. Понимаю его нежелание есть лицом к лицу с отцом, но неужели он хотя бы иногда не хочет поесть домашнюю пищу? А может, где-то в маленькой квартирке есть девушка, которая готовит ему еду?

— Сюити ушел? — разминувшись с сыном, муж зашел в комнату. Еще семи нет, а он уже в пижаме. Даже если он хочет расслабиться после ванны, откровенно говоря, меня это раздражает.

— А где Хина? — не дожидаясь моего ответа, спросил он.

— Они оба едят не дома.

— Все ли в порядке? — Видно было, что он действительно волнуется. Я отвлеклась от тушения овощей. Муж наклонился к двери холодильника и достал оттуда банку с пивом, а мне захотелось ответить ему тем же вопросом на его вопрос, но я решила этого не делать. Но как бы там ни было, мы спокойно поели ужин вдвоем под странноватой модной люстрой оранжевого цвета, которая изначально висела в нашей квартире в элитной многоэтажке, и нам не было ни особенно одиноко, ни неловко. Я уже давно привыкла к тому, что детей нет за нашим столом. Прогноз погоды по каналу “Эн Эйч Кей” и семичасовые новости. Запах пива, налитого в бокал, который, похоже, ему дали в баре, и имбиря с мисо.

— Достать тебе зимнюю пижаму? — спросила я мужа — Пора уже, в хлопчатобумажной пижаме, наверное, холодно.

— Угу, — легонько кивнул муж, не отрываясь от телевизора. В профиль они с сыном были на одно лицо.

Я постирала, потом залезла в ванну, удержалась от того, чтобы переодеться в пижаму, поменяла только нижнее белье и опять надела рубашку и свитер. Посмотрела на настенные часы — уже далеко за девять. Надо спешить.

— Ну, я пошла, — сказала я мужу, который, как обычно, рассеянно сидел, не меняя положения, на диване у включенного телевизора. Я спустилась на лифте на подвальный этаж и пошла на велосипедную стоянку. Горный велосипед сына стоял рядом с моим, на котором я ездила за покупками. Сын сказал, что пойдет в минимаркет, но так и не вернулся. Я-то думала, что он наверняка поехал на велосипеде к вокзалу, но, может быть, он поменял свои планы и отправился куда-то еще. Куда же он ушел в такой холод без куртки? Я застегнула до самого подбородка молнию флиски сына, надела старый камуфляжный рюкзак дочери, села на велосипед и поехала по вечернему октябрьскому городу.

Я выехала из жилого квартала на мостовую вдоль шоссе. После ванны я совсем не хотела куда-либо выходить, но пока я, тяжело дыша, крутила педали, меня постепенно охватывала радость. До сих пор я никуда особенно не выбиралась поздно вечером, так что, может, еще и поэтому мне все в новинку. Мой глаз радовали и сверкающие торговые автоматы на пути, и возвращающиеся с вечерних курсов школьники, которые наклонялись перед этими автоматами,

и неоновые огни патинко[8], и пожилые пары в полной экипировке, в столь поздний час занимающиеся спортивной ходьбой. Но не успею я оглянуться, как все это превратится в привычный пейзаж. На прошлой неделе все было хорошо, а сегодня замерзли руки и уши. Надо одолжить у детей шапку и перчатки, подумала я, повернула на перекрестке, и вот передо мной до странного яркий дисконт-центр, похожий на дешевые декорации в кино. Я бросила взгляд на наручные часы — без пяти десять. Поспешно поставив велосипед, я на бегу открыла дверь служебного входа. Сразу после я быстро вставила карточку в рекордер времени посещаемости. Без одной минуты десять. Если опоздаешь, время на карточке загорится красным. На третий раз тебя лишают дневного заработка.

— Клевый джемпер, Като-сан, — сказал кто-то из молодых девчонок, только я открыла дверь раздевалки.

— Добрый вечер. Извините, опоздала.

— Вау! Какой узор из вишенок.

— О! И Ацуки Ониси[9]. И рюкзак с камуфля-

---

[8] Примечания: 8
Патинко — заведения с игровыми автоматами.

[9] Примечания: 9
Ацуки Ониси — дизайнер молодежной одежды стиля “лолита”.

жем.

— …Это дочка мне отдала.

Девчонки на подработке, все как на подбор с крашеными в темно-рыжий цвет волосами, были для меня на одно лицо. Уже прошел месяц, как я тут работаю, а до сих пор не могу запомнить, кто есть кто. Я положила рюкзак в шкафчик и надела люминесцентно-желтый фартук. Девицы внезапно потеряли ко мне интерес, окружили единственную пепельницу, похожую на дымовую трубу, и вернулись к своим разговорам. Видимо, я прихожу именно в то время, когда у них перерыв.

Быстрым шагом я прошла в торговый зал. Как я и предполагала, у шести кассовых аппаратов было только два сотрудника, скопилась очередь.

— Като-сан, ты опаздываешь, иди скорее за кассу, — рассердилась на меня менеджер торгового зала. Я опустила голову в поклоне и включила кассу. Считала штрихкод с именного бейджика, приколотого к груди, и передо мной сразу же образовалась очередь. Несмотря на одиннадцатый час вечера, покупателей было много — до сих пор не перестаю этому удивляться. В нашем магазине кроме свежих продуктов продавали практически все товары повседневного спроса.

У первого покупателя в корзине лежала всякая всячина: и шампунь, и одноразовые подгузники, и кошачий корм, и презервативы. Стараясь не смотреть ему в лицо (хотя у меня и времени на это не было), я считывала штрихкоды товаров. Только в самом начале мне требовалось время на раздумья, а так это простая работа.

Три раза в неделю с десяти вечера до двух ночи, когда магазин закрывается, я работаю на кассе за тысячу иен в час. Я домохозяйка, и днем у меня порой возникает куча внезапных дел, поэтому я решила работать в ночное время. Почасовая оплата гораздо выше, а если отработать все смены месяца, то еще дают премию в десять тысяч иен.

После двенадцати ночи оживленная атмосфера магазина сменилась спокойствием, и, кроме обслуживания редких покупателей, больше работы у меня не было. Я просто рассеянно смотрела на большой торговый зал. Продавцы, отвечавшие за раскладку товара или складские запасы, тоже стояли в разных местах, болтали и смеялись. Я с удивлением наблюдала, как девушка, на вид ровесница моей дочери, весело беседует с внештатным сотрудником, который мне в отцы годится. Тут передо мной появился молодой парень-продавец и сказал:

— Като-сан, у тебя такой милый свитер.

Опять про этот свитер. Просто ношу его, потому что дочке он надоел, а мне он по размеру подходит и на ощупь приятный. Почему надо о нем постоянно говорить?! Но по своей старой привычке я улыбнулась.

— Дочка мне отдала. Странный, да?

— Ничего странного. Я же сказал, что милый. Ты не слышала?

Его детское лицо расплылось в улыбке. Хоть я и назвала его “молодой парень”, но ему уже хорошо за тридцать. Помню, он говорил, что женат и ребенок уже пошел в детский сад. Для моей дочери он попадает в категорию “дядек”, но я в нем видела не “дядьку” и не мужчину, а только молодого парня.

— Мы сегодня хотим пойти выпить после работы. Като-сан, давай с нами?

Я посмотрела на табличку с именем на его фартуке: “Хамадзаки”, и опять делано улыбнулась.

— Вы уж давайте как-нибудь сами, молодые.

— О чем ты говоришь?! И Матцун придет, и Саорин.

Матцун — это Мацуда, семидесятилетний дед — внештатный работник, а Саорин — Саори Иноуэ, менеджер торгового зала. Хамадзаки,

кстати, Хама. Только я начала тут работать, как кто-то мне сказал, хотя я и не спрашивала, что мы с Саори однолетки. Она не замужем, жила одна и выглядела лет на десять моложе меня. Неудивительно, у нее нет семейных обязательств, да и не похожа она на домохозяйку. Сколько бы я ни надевала дочкиных свитеров Ацуки Ониси, как ни посмотри, а мне сорок три года — возраст матери студента. Иначе бы мне никто про этот свитер столько не говорил.

— Посиди с нами хотя бы часок.

Почему-то Хама никак не хотел отставать от меня.

— Мне утром рано вставать.

— Вот как? Ну да, у тебя ж семья. Во сколько встаешь?

— Полшестого.

— У-у. Так ты всего три часа спишь? — нарочито удивился Хамадзаки. Ну, это-то ладно. А вот почему он водит вокруг меня хороводы? Мне надоело вежливо улыбаться ему, и я равнодушно отвела взгляд.

— Вот бы моя жена это услышала. Она спит допоздна, и дочка из-за нее садик пропускает.

— А твоя жена — домохозяйка?

— Нет, она работает. Практически ночная ра-

бота в баре. Так что зарабатывает больше меня. Поэтому я и сказать-то ей ничего не могу.

Тут мимо прошла Саори и отругала его: “Хамадзаки, нечего болтать, иди работать”. Вот и хорошо. Интересно, что за странная фраза: “практически ночная работа в баре”. Что значит “практически”? Он это говорит уничижительно или наоборот? И поэтому тоже Хамадзаки мне не нравился.

За пятнадцать минут до окончания работы магазина я закрыла кассу. Поначалу у меня ничего не сходилось, за что меня ругали, но сегодня все было идеально вплоть до иены и можно было расслабиться. Я на подработке, так что, если с расчетами все в порядке, я могу уйти в два. Постоянные сотрудники еще остаются: провожают последних клиентов, делают уборку, участвуют в летучке.

— Всего доброго, — сказала я Саори, а она, ничего не ответив, наклонив голову, пристально посмотрела на меня. Похоже, она что-то хотела мне сказать, и я смутилась, не зная, могу ли я уйти, проигнорировав ее взгляд. Она же слегка улыбнулась — весьма необычно для нее — и заметила:

— Ты поосторожней с Хамой.

— Угу, — автоматически ответила я и, снимая

фартук в раздевалке, задумалась, что она имела в виду.

Я вышла на улицу, и хотя магазин уже закрылся, перед ним толпились ребята, с виду лет двадцати. Кто-то сидел на корточках, кто-то пил кофе из банки, были и парочки, обнимающие друг друга со спины. Я остановилась и некоторое время смотрела на них. Удостоверившись, что среди них нет сына и дочери, я открыла замок велосипеда и ехала домой двадцать минут по ночной автостраде.

Муж каждый день, кроме субботы и воскресенья, встает в полшестого. От нашего дома на окраине Токио до работы ему ехать два с небольшим часа, но он не любит переполненные вагоны в час пик, поэтому выходит в шесть, чтобы хотя бы немного избежать толкучки.

Даже когда я ложусь спать сразу же после возвращения домой с подработки, три часа сна — это мало. Муж сразу же заснул после того, как я уехала работать, так что он-то наверняка выспался, но он брился в ванной с лицом, которое было каким угодно, только не бодрым.

Я налила ему кофе и поджарила хлеб. Сделала яичницу, порезала салат. Двадцать один год нашего брака я вместе с ним встаю по будням в

полшестого, чтобы приготовить мужу завтрак. Некоторые, как Хама, сильно удивляются этому, но я люблю просыпаться рано, и мне это не особенно тяжело. Правда, с тех пор как я устроилась в магазин, на следующее утро после работы стало вставать слож– новато.

— Как дела в компании? — спросила я. Иначе мой неразговорчивый муж вообще ничего не скажет.

— Да освоился уже. А твоя подработка как?

— И я освоилась. Больше на меня и не ругаются почти.

— И на меня тоже.

Мы рассмеялись, и я пошла на кухню разложить рис в коробки бэнто. Вот уж не думала, что в нынешнем возрасте буду каждый день готовить еду для бэнто. Я положила в три коробки приготовленные вчера тушеные овощи и по одной котлетке, которые первым делом сделала с утра. Одну мужу, одну себе и одну своей матери.

Я завернула бэнто в клетчатый платок, куда раньше заворачивала бэнто для сына, когда он еще учился в старшей школе. Было без пяти шесть. Муж посмотрел прогноз погоды по ТВ-каналу “Эн Эйч Кей” и встал. Вероятность дождя вечером — шестьдесят процентов. Я передала

мужу бэнто и складной зонт.

— Надо же, как будто мы вернулись в то время, когда только что поженились, — немного радостно сказал муж. Я с невероятным усилием улыбнулась ему и ответила: “Ну да”.

Через пять минут после того, как муж ушел и я прилегла на диван и задремала, послышался робкий звук открываемой ключом входной двери. Я встала, протерев глаза, — приоткрыв дверь, в комнату заглядывала дочь. Я вспомнила, как вчера сын сказал мне: “Ты, мам, даже когда сердишься — совсем не страшно”. Но мне так сильно хотелось спать, что я не могла решить, как вести себя в данной ситуации: то ли наорать, то ли, наоборот, быть доброй.

— Я с папой встретилась, — тихонько сказала дочь. Момент рассердиться был упущен. Я даже почувствовала облегчение, что могу не орать. Как заметил сын, у меня не получается поднимать голос даже на собственных детей.

— Ладно, заходи уж. Он тебя отругал?

— Не-а. Сказал только: не доставляй нам хлопот.

На дочери была надета школьная форма, на плече висела большая сумка с Хелло Китти. Мне хотелось сказать ей кучу всего, но я не знала, с

чего начать. Что я ее ни спрошу, она наверняка начнет огрызаться. С этих летних каникул дочь стала ночевать вне дома без разрешения, и я неоднократно неумело пыталась ее вразумить, но постепенно у меня пропали силы. Мне все равно, лучше посплю. Может, я плохая мать.

— Сегодня в школу?

— Ага. Я наберу ванну?

— Ну, набери.

— А поесть можно чего-нибудь?

— Это же твой дом, Хина. Конечно, можно.

Почему-то дочь в ответ на мою фразу надулась и быстро ушла в комнату. Если с ней по-доброму, то она злится. Если сделать ей замечание — злится еще сильнее. Короче говоря, что ни скажи, ей все не нравится. Я почувствовала себя идиоткой и снова завалилась на диван.

Не открывая глаз, я задумалась: моя дочь — оторва? Волосы она не красит, дурацкий модный макияж не носит, форменную юбку не подшивает. Но наверняка она уже не девушка, рассеянно подумала я. Изящная шея или жест, которым она отбрасывает челку, принадлежат уже не ребенку. Где же она вообще ночует? Я начала волноваться. Девчонки на моей работе, бросившие старшую школу, рассказывают без всяких угрызений со-

вести, как ходят по барам и караоке, знакомятся с мужиками и едут с ними в лав-отели. Чужим детям можно сказать: “Весело вам”, но представишь на их месте собственную дочь — и тут же начнешь беспокоиться. Ведь мир полон ужасных людей. Подумаешь только, каким опасностям подвергает себя дочь по ночам, так и хочется запереть ее в комнате. Она еще слишком молода, чтобы отправиться в большой мир. И слишком глупа.

Хина вышла из ванной и вернулась в комнату в одной футболке. Открыла холодильник, достала пакет с молоком и стала пить прямо из него большими глотками.

— Скажи мне хотя бы, где ты ночуешь, — бросила я в спину дочери, поднявшись.

— Говорю же тебе, у подруги.

— Нечего из родителей идиотов делать. Мы же на самом деле за тебя переживаем.

— Так не переживайте.

На это я не знала, что сказать.

— Ты еще в школе учишься. Естественно, родители за тебя переживают.

— Перестань, а? Поэтому-то я и не хочу возвращаться домой. А если я брошу школу и устроюсь на работу, ты от меня отстанешь?

— Что за глупости!

Не ответив, дочь открыла холодильник и принялась искать еду.

— Я сделала бэнто, поешь?

— Так это, наверное, для бабушки.

Дочь достала хлеб из холодильника и положила его в тостер.

— Яйцо или салат?

— Не надо мне ничего. Оставь меня в покое, — резко сказала она, а я вздохнула, потерев шею. Разумеется, я родила ее, но так давно, что это похоже на неправду. Собственную дочь мне так же невозможно понять, как молодежь на моей работе. Я опять легла на диван и закрыла глаза, но тут же открыла их.

— Ой, Хина.

— Чего тебе? Надоела.

— У тебя нет ненужной шапки и перчаток?

Дочь, приготовившись услышать упреки, с удивлением спросила:

— Ты о чем?

— У меня руки и уши мерзнут, когда на велосипеде еду.

— Так купила бы себе.

— У тебя же их полно.

Сидя за обеденным столом, дочь ненадолго

задумалась и пристально посмотрела на меня.

— То-то я смотрю, знакомая футболка. Это же та, которую я в средней школе носила? — сказала дочь и захихикала. Давненько я не видела ее смеющейся. Я посмотрела на Винни-Пуха, который глядел на меня с ее груди, и пробормотала: “А что, нельзя?”

Дочь, ничего не ответив, допила молоко. Я мысленно записала в список для покупок: “молоко”.

Днем я запустила стиралку, развесила белье всех членов семьи на балконе, вытерла заметную пыль, включила пылесос. Уже наступила половина двенадцатого, и я выехала из дома на велосипеде, взяв с собой два бэнто. Дочка одолжила мне шапку и перчатки, мне было очень тепло и приятно. Но и на шапке, и на перчатках было написано “Ральф Лорен”. Откуда и как она их взяла? Только стоит об этом глубоко задуматься, как опять начнешь беспокоиться, поэтому я решила не думать. Вроде и сын, и дочь где-то подрабатывают, но сколько их ни спрашивай: что за работа? где? — не говорят. Последнее время они сами стали покупать себе одежду. Так что можно уже, наверное, не давать им деньги на карманные расходы, но тогда у дочери появится резонная причина пойти работать. Сыну уже

двадцать, куда ему карманные деньги?

До дома матери на велосипеде ехать полчаса. Он расположен в не очень удобном месте с транспортной точки зрения — нужно ехать на автобусе и электричке, на что уходит целый час. К тому же стоимость проезда туда-обратно немаленькая, а на велосипеде можно сократить время в два раза.

Я езжу к матери раз в три дня, по извилистой дороге между домами, проезжаю без спросу через территорию большой ткацкой фабрики, потом через переезд линии частной железной дороги. Вот, сегодня доехала за двадцать шесть минут. Мой личный рекорд.

— Что ты там, запыхалась? — сказала мать, заметив меня. Она стригла ногти на ногах, сидя на веранде.

— Угу. Дашь попить?

— Не мучала бы ты себя этим велосипедом, — пробормотала мать, встала довольно-таки резко и скрылась внутри дома. Я тревожно посмотрела ей вслед, припарковала велосипед, закрыв на замок, и раздвинула входную дверь. В этом старом доме, где я родилась и выросла, все оставалось по-прежнему, но в жилой комнате стояли вещи, которых раньше не было, что до сих пор вызы-

вало у меня дискомфорт. Это был буддистский алтарь в память отца и мягкая мебель на татами. При жизни отца здесь был расположен столик-печка котацу и лежали подушки для сидения.

— Вот, держи бэнто.

Я достала два бэнто, завернутые в платок, прямо когда мать принесла воду.

— Спасибо тебе большое. Извини, что тебе приходится каждый раз…

— Не за что. Не беспокойся.

Мы стесненно обменялись поклонами, и я выпила воду залпом.

Отец умер внезапно, два года назад — попал в аварию на отдыхе. Они поехали с матерью на горячие источники отметить ее семидесятилетие. Отец вел машину, не справился с управлением на резком горном повороте и врезался в ограждение. Он умер мгновенно, а мать отделалась переломом ноги и ссадинами по всему телу.

Отец любил машины, водительский стаж у него был большой, ни аварий, ни нарушений. Конечно, возраст сыграл свою роль: ему исполнилось семьдесят пять, но он был абсолютно здоров и вроде не устал, не пил и выспался. К тому же он был в трезвом уме. Свидетелей не было, мать пребывала в прострации, а когда пришла в себя,

плакала не переставая. Причина аварии так и осталась непонятной. По словам полицейских, они обнаружили следы резкого торможения, так что, может быть, на дорогу выскочила обезьяна или енот.

Оставшись без супруга, с которым они прожили бок о бок долгие годы, мать плакала, но она получила страховые выплаты, ссадины зажили, и в последнее время она по большей части пришла в себя. Я единственная дочка, и мой муж тоже переживал, как можно оставить маму одну, поэтому предложил взять ее к нам. Но мать не соглашалась: она не хотела уезжать из дома, к которому привыкла. С другой стороны, наша семья из четырех человек тоже не могла переехать в одноэтажный дом, построенный где-то сорок лет назад, так что я стараюсь заезжать к матери и проверять, как у нее дела.

Я налила приготовленный матерью суп-мисо, мы уселись на диван и распаковали бэнто. У мамы правая нога так и не пришла в норму после аварии, и она попросила поменять диван на такой, с которого было бы удобно вставать и садиться, — и муж купил ей такой.

Теперь с ногой у матери стало значительно лучше — хотя она передвигалась медленно, слегка

прихрамывая, но все-таки могла ходить за покупками в ближайший супермаркет и готовить. Так что на самом деле мне не нужно было сильно беспокоиться и часто привозить ей бэнто, однако момент был упущен.

С тех пор как я начала подрабатывать по ночам, мне стало тяжело ездить к ней, и я хотела сократить посещения до одного раза в четыре-пять дней.

— Надо же, они что, разводятся? — сказала мать, смотря дневную программу по телевизору. Разумеется, говорила она не про своих знакомых, а про звезд шоу-бизнеса.

— Нетерпеливые какие, эта молодежь. Кстати, а Румико Коянаги[10] уже развелась?

— И не знаю даже.

— А мадам Деви[11], она все еще мадам?

— Угу, — пробормотала я, и палочки выпали из рук — на меня вдруг напал сон. Я поспешно подобрала их — еще не хватало, как дитя малое, заснуть во время еды.

---

[10] Примечания: 10

Румико Коянаги — японская актриса и певица.

[11] Примечания: 11

Мадам Деви, или Деви Сукарно — японская бизнес-леди, светская львица и телеведущая, одна из жен первого президента Индонезии Сукарно.

— Ты чего такая сонная?

Я не говорила матери, что работаю по ночам. Не потому, что не хотела ее беспокоить — она бы начала мне высказывать, мол, зачем мне это нужно…

— Да немного не выспалась.

— Так и не надо было приходить.

Последнее время мать часто так говорит. Не приезжай — не мучай себя. Стараешься из всех сил, по-доброму относишься — а ей нерадостно. Когда-то давно сын сказал что-то такое мужу, который баловал только дочь: “Да мне и не нужно, чтобы ты со мной играл”.

— Как там твой Като? Как ему работается на новом месте? — бодро спросила мать, видимо, заметив, как я помрачнела. Като — мой муж.

— Бодр и весел. Уже привык к новой компании.

— Но вообще, как такой серьезный человек мог попасть под реструктуризацию, не пойму, — сказала мать со вздохом.

Этой весной мужа, который долгие годы работал в фармацевтической компании, перевели в мелкую фирму-подрядчика. Я не хотела говорить об этом матери, но, когда мы пришли к ней с мужем, тот сболтнул как ни в чем не бывало: “Я

попал под реструктуризацию, она сейчас везде сплошь и рядом". Мать не понимала, что такое реструктуризация, и думала, что моего мужа уволили. На лице у нее было написано громадное беспокойство, но на самом деле ее мучило любопытство: хотелось разузнать все получше, будто подробности очередного скандала в шоу-бизнесе.

— А как у него с зарплатой? На жизнь хватает?

Ставка у мужа небольшая, переработок нет, так что чистыми получается в два раза меньше, чем в прошлой компании, да и премии, наверное, не будет, поэтому ипотеку теперь досрочно не погасить. Да что там досрочно — ежемесячные платежи и то еле тянем, а чем платить за обучение сына в следующем году, вообще непонятно. Поэтому я и вышла на подработку — хотя бы на еду зарабатываю.

Я хотела было об этом сказать, но, увидев полные любопытства глаза матери, передумала. Наверное, если бы я все объяснила, мать одолжила бы денег из отцовской страховки, но почему-то это казалось мне неестественным.

— Мы стараемся, экономим.

— Да, пока Сю не женится и Хина не выйдет замуж, на них тоже деньги нужны. Кстати, ты знаешь, дочь Ёсикавы-сан замуж выходит.

Пытаясь вспомнить, кто такая Ёсикава, я взяла опустевшие коробки бэнто и подошла к маленькой раковине. Пока мыла посуду, я слушала, как мать поносит эту Ёсикаву на чем свет стоит. Сама улыбается и перемывает косточки. И что она убирается плохо, и что бэнто от муниципалитета невкусные. Тут я вспомнила, что Ёсикава — это помощница, которую направил маме муниципалитет. Волонтерка, которая несколько раз в неделю приходит к матери поделать работу по дому.

— Зачем ты о ней так плохо? — спросила я, налив чаю и вернувшись к матери.

— Да мы с тобой редко видимся, вот ты ничего про нее и не знаешь.

Это точно, кивнула я. Я покинула этот дом двадцать один год назад, когда вышла замуж. И хотя живу не так уж и далеко, до сих пор встречалась с матерью только на праздник Бон и на Новый год. Так что теперь я удивляюсь, какой оказалась мать на самом деле. Я думала, она для меня — одна из самых близких на этом свете и я ее хорошо знаю, — а получается, ошибалась. Моя мама не болтала все, что ей вздумается, мне казалось, она более внимательна, более терпелива. Сначала я считала, что мать потеряла душевную стабиль-

ность из-за того, чтоушел из жизни отец, но, похоже, проблема в ее характере. Я поражаюсь, как отец прожил с ней долгие годы. То ли он был святым, то ли не прислушивался к тому, что она говорит.

— А ты все так и ходишь туда, к Като? — с ненавистью спросила мать. Туда — это значит в больницу, где лежит отец мужа. Борясь с очередным приступом сонливости, я легонько кивнула.

— Тебе тоже тяжело, — заметила мать, очищая от шкурки мандарин.

Вчера ночью подработки не было, и я смогла крепко поспать. И сын, и дочь, хотя и поздно, но вернулись домой и утром, я надеюсь, в обычное время отправились на учебу. В первой половине дня я сложила летние вещи и вместо них достала зимние. Погладила белые офисные рубашки мужа, повесила сушиться дома постиранную одежду и стала собираться. Только я достала велосипед, приехал почтальон на мотоцикле, я взяла у него почту и положила в сумку.

Все десять минут поездки на велосипеде я думала, что взять на обед. Вчера дочка неожиданно съела рис, так что я не смогла сделать о-нигири. Может, поесть собы в стоячке на вокзале? Но нужно поторопиться — времени нет. Это даже не

пригород, а деревня: пропустишь днем электричку, придется ждать около тридцати минут.

Сегодня — день, когда я еду “туда, к Като”. Отец мужа уже четыре года лежит в больнице. Изначально у него случился, кажется, приступ стенокардии, но стоило ему госпитализироваться, как моментально развилась деменция. После целой череды возрастных болезней, одна за другой, врачи решили, что он долго не протянет, но вопреки прогнозам он до сих пор жив. Он уже не узнает своих детей, в больнице лежит под полным уходом, так что в принципе можно к нему и не ездить, но просто платить деньги тоже не годится. Свекровь умерла очень давно, так что его дети и их жены по очереди ходят к нему. А так как я теперь домохозяйка, у которой нет маленьких детей и куча свободного времени, то я приезжаю чаще остальных. Вот и сегодня — один раз в пять дней — я пришла навестить свекра. В больницу, до которой добираться час на электричке и потом пятнадцать минут на автобусе.

Когда я приехала на вокзал, электричка уже отходила, так что я купила булку с якисобой в хлебном, взяла билет на самую короткую зону, вбежала на платформу и запрыгнула в поезд. В вагоне было пусто, я села у освещенного окна

и грелась на солнышке. Ела булку с якисобой и смотрела в окно на пролетающие мимо пейзажи. Пила чай из термоса, взяла оставленную кем-то газету с сетчатой полки и просмотрела ее по диагонали. Внезапно мне захотелось спать, но я шлепнула себя по щеке, чтобы не уснуть, потому что однажды я так проехала свою остановку аж до следующей префектуры.

Кстати, я вспомнила о почте, которую получила перед выходом из дома, и достала письма из сумки. В основном рекламная рассылка. Объявление о распродаже в универмаге, оповещение о переезде для мужа от кого-то незнакомого, открытка с рассказом о новых фильмах из видеопроката для сына. Я открыла счет от телефонной компании "Эн Ти Ти", и сон как рукой сняло. Примерно сорок тысяч иен.

— Это что за…?

Я неосознанно повторяла эти слова, вновь и вновь рассматривая счет. Я подумала, что это какая-то ошибка — ведь в прошлом месяце еле на пять тысяч набралось. Тут я вспомнила, что сын недавно купил компьютер. Он подсоединил его к телефонной сети — может, в этом дело? Вернусь — надо его расспросить хорошенько. Нам столько не оплатить. Надо успеть снять все деньги с

банковского счета, откуда списываются расходы за коммуналку.

Я думала о семейных финансах, пока вокруг менялись пейзажи рисовых полей и гор. Мы потратили почти все накопления на покупку квартиры, осталось только так, для временного успокоения. Сейчас я понимала, что, когда муж работал на прежнем месте, мы жили богато. Я особо не роскошествовала, но у детей были и одежда, и игрушки не хуже, чем у других. Они могли ходить в кружки и в вечернюю школу.

Но сейчас зарплаты мужа, которая уменьшилась вдвое, и моего заработка еле хватает на поддержание семьи. Каждый месяц сто пятьдесят тысяч иен уходит на ипотеку. Мужу на расходы — двадцать тысяч иен. Сыну — десять тысяч, дочери — пять. Электричество и отопление — тридцать тысяч. На еду — тридцать пять, страхование жизни мужа — еще двадцать. Мы частично оплачиваем больницу свекра, а есть еще всякие другие мелкие расходы — тоже не шутки. На всем, на чем можно сэкономить, мы экономим. В декабре нужно выплатить около четырехсот тысяч иен — вот и все наши сбережения.

Вагон покачивался, а я сидела и думала, до чего же заурядная у меня жизнь. С того момента, как

мы поженились, у мужа стабильно росла зарплата, но я и представить себе не могла, что все сложится таким образом, что муж попадет под реструктуризацию, что мне придется поспешно искать подработку. Я не читаю книг, я не знаю про войны в далеких странах. Единственно, что связывает меня с внешним миром, так это телевизор и журналы, но теперь у меня нет времени даже на телевизор. Я переживаю по поводу детей, мужа и матери; я хочу денег и времени на сон — все очень банально.

Пока я об этом думала, поезд прибыл в место назначения. Я вышла из него и, вместо того чтобы сразу пройти через турникеты, села на скамейку. На такой, деревенской станции люди сразу уходят. Работников железных дорог тоже не было видно. Выждав момент, я встала и подошла к краю платформы. Протянула руки к ограждению, которое было немного выше моего роста, и, не обращая внимания на задравшуюся юбку, быстро перелезла через него на обратную сторону станции. Глаза мужчины, стоявшего на противоположной платформе, округлились, но я невозмутимо быстрым шагом дошла до остановки и села в только что подошедший автобус до больницы. Так я сэкономила деньги на проезд

обратно.

Когда я приехала в больницу, свекр полусидел на кровати, как обычно — в прострации.

“Добрый день”, — сказала я. “Добрый день”, — ответил он мне. “Как ваши дела?” — спросила я. Он ответил: “Как ваши дела?” Я сказала: “Похолодало, правда?” Он ответил: “Похолодало, правда?” Свекр, как попугай, повторял то, что ему говорили. Мимо прошла молодая медсестра и обратилась к нему бодрым голосом:

— Дедуля, у вас последнее время такой аппетит хороший.

Я улыбнулась, похлопав свекра по колену через одеяло.

Я вернулась из больницы на вокзал, заехала в супермаркет за покупками, а когда вышла, стал накрапывать дождь. Сегодня вечером я работаю — не повезло. Время около семи, муж, может быть, уже дома. Я позвонила домой из автомата. Неожиданно к телефону подошел сын.

— Сюити, послушай, — я невольно повысила голос.

— Что, ма-ам? — насмешливо ответил он.

— Ты знаешь, что в этом месяце нам за телефон начислили сорок тысяч? Это, наверное, из-за твоего компьютера? Я столько заплатить не могу.

Оплачивай сам.

— Что? Я? Это же Хина вечно трепалась по телефону.

— А кто еще, кроме тебя? Хина в отличие от тебя за свой сотовый деньги платит. Отец пришел?

Среди вечерней суматохи в супермаркете я без умолку задавала вопросы в телефонную трубку. Но ответа не было.

— Ты слышишь меня? Ты или отец, неважно кто, поставьте варить рис.

Я наоралась вдоволь и бросила трубку. Подумала, достаточно ли я рассердилась, положила в корзинку велосипеда дайкон и молоко по распродаже и поехала домой.

Когда я вернулась, муж лежал на диване и читал вечернюю газету. В пижаме. Похоже, он уже принял ванну и пил пиво в теплой комнате. Я хотела было рассердиться, но сдержалась. “Привет”, — буднично сказал муж.

— А где Сюити?

— Ушел куда-то. Рис я приготовил.

Значит, он передал мои слова, а сам сбежал. Я посмотрела на настенные часы: около восьми. Муж читал вечернюю газету при включенном телевизоре. Я заглянула на кухню, из рисоварки шел пар, но и только. Ну, для кого-то и кнопку

рисоварки нажать — достижение, сказала я себе.

Муж — не глава семьи, он мягкий, даже робкий. Поэтому он делает то, о чем я его прошу, но на большее не способен. Наверное, поэтому и попал под реструктуризацию, подумала я. Но вслух об этом, конечно, не сказала. Потому что этот недостаток — его достоинство. Правда, когда стало известно, что его переводят в другую компанию, он так сильно огорчился, что из него слова было не вытащить. Он не то чтобы дулся, а напротив, был крайне потрясен. И все равно каждый день он вставал в шесть утра и выгонял себя на работу.

Однажды муж сказал, что хорошей столовой для сотрудников, как на прежней работе, здесь нет, а есть в кафе накладно, и я стала готовить ему бэнто. Теперь муж стал гораздо бодрее. Ему осталось только перестать смотреть куда-то с отсутствующим видом и иногда готовить, когда я занята.

Я нарочно шумно стала доставать купленные продукты и громко резать соленья, но муж, похоже, ни о чем не догадывался. “Все готово”, — крикнула я. Муж подошел и сел за стол. Начинать разговор самой мне не хотелось, поэтому я стала молча есть.

— Ты сегодня ездила к отцу, да?

Ну, хотя бы это помнит. Я решила не говорить гадостей, а улыбнулась ему:

— Он был в хорошем расположении духа. Последнее время вроде бы неплохо себя чувствует.

— Вот как? Нехорошо получается. В следующие выходные я тоже загляну к нему.

Мы улыбнулись друг другу, и напряжение улетучилось. Я хотела высказать ему все, потребовать, чтобы он уделял время и домашним делам, и детям, но стоит мне заговорить с ним, как желание сердиться пропадает. “Что ж”, — сказала я и встала. Почти девять. Времени принять ванну перед работой не оставалось.

— Я помою посуду, — сказал муж, надев резиновые перчатки и взяв губку. Я удивилась: до сих пор сам он ни разу не проявлял инициативы.

— Спасибо. Значит, можно на тебя полагаться?

— Сегодня идет дождь. Не надрывайся — поезжай на автобусе, — добавил муж с улыбкой. Я еще раз сказала “спасибо”, улыбаясь ему в ответ. В его стиле не знать, что ночью автобусы уже не ходят.

Я надела виниловый дождевик, взяла зонт и села на велосипед. И все равно я приехала в магазин мокрая с головы до пят. Все-таки плащ из минимаркета не годится, подумала я, вполглаза

посмотрев на настоящий непромокаемый плащ охранника парковки. Может, такой можно взять в аренду? К тому же из-за дождя я потратила больше времени на дорогу, и когда вставила карточку, загорелись красные цифры: опоздание на тридцать секунд. Только подумала, что теперь прощай десять тысяч иен, и на меня навалилась слабость.

— О, Катрин, ты вся мокрая, — громко закричала одна из девушек, как только я открыла дверь раздевалки. Интересно, что это за Катрин.

— Добрый вечер.

— Да какой добрый! Переодеться есть во что? — спросила девчонка с серебристыми волосами. Я покачала головой, она открыла ящик, достала из него свитшот и передала мне. С другой стороны кто-то бросил мне полотенце. Оно попало в лицо и упало на пол. Я скользнула в угол раздевалки, разделась и надела одолженный свитшот с узором из цветов гибискуса.

Когда я вышла в торговый зал, менеджер Саори пристально посмотрела на меня и произнесла: “Опаздываешь”.

— Извините за опоздание.

— У тебя что, зонтика нет?

— Есть. Но я на велосипеде приехала.

С полотенцем на голове я включила кассу. Покупатель грубо поставил корзину на прилавок с таким видом, будто ему надоело меня ждать. Спиной я ощутила взгляд Саори со стороны кассы. Я слегка разозлилась и сказала: “Спасибо за покупку”, громче, чем обычно. Как только в магазине стало свободно, снова подошел Хамадзаки, чтобы, как обычно, поприкалываться надо мной.

— Сегодня ты опять в модном молодежном прикиде, Катрин.

От этого прозвища, которое мгновенно прилипло ко мне, я горько улыбнулась.

— Мне Мариан одолжила. Я вся промокла под дождем, — сказала я, вспомнив, что свитшот одолжила мне Марико Андо.

— Тебе идет. У тебя, Като, бэби-фейс. В такой одежде ты кажешься даже моложе, чем моя жена.

Меня же больше интересовали не слова Хамадзаки, а зимняя пижама в контейнере напротив моей кассы. Фланелевая мужская пижама, которая раньше стоила тридцать тысяч иен. Красивые пижамы распродали, а оставшиеся выставили в контейнере по цене около двух тысяч, да и осталось только несколько комплектов. Зимняя пижама мужа уже старая, и мне очень хотелось

купить эту.

— Хамадзаки, а вещи из контейнера можно купить со скидкой для сотрудников?

— А? Да. Все что угодно, со скидкой в двадцать процентов.

— Хочу пижаму мужу купить. Могу тебя попросить?

Для тех, кто не входил в штат, эта скидка не действовала, и если кто-то хотел что-то купить, то просил постоянных сотрудников.

— Конечно, можно. Но, Като, ты действительно — все в семью. Такая счастливая, даже завидно.

Для меня в его словах таился какой-то двойной смысл, и я немного раскаялась, что не попросила вместо него Саори.

От одной лишь мысли о том, как я обратно поеду в дождь на велосипеде, на душе делалось тяжко. Правда, ехать было не так тоскливо, как сюда: дома меня ждали теплая ванна и одеяло. Я снова надела промокший плащ, вышла через служебный вход, добежала до парковки, в углу которой стояли велосипеды, но моего не было. Сколько я ни искала свой кирпичный велосипед среди велосипедов покупателей, сотрудников и просто брошенных — безрезультатно.

Ой, точно, я так спешила, что забыла закрыть

его на замок. Я вспомнила, что оставила зонтик в корзинке, и тяжело вздохнула. С самой молодости я езжу на велосипедах, и их у меня воровали не раз. Но чтобы в такой дождливый день…

Вряд ли он где-то рядом, думала я, но все равно решила проверить окрестности. Сделала один круг, не смогла успокоиться и пошла по второму. Охранник парковки заканчивал работу ровно в два, так что его уже не было. На третьем круге я заметила, как кто-то вышел из хода для погрузки. Это был Хамадзаки. Он подбежал ко мне и схватил за плечи:

— Като, что случилось? Почему ты плачешь?

— Что?

Пока он мне не сказал, я и не замечала, что плачу.

— Похоже, у меня украли и велосипед, и зонт.

— Не может быть! Ты хорошенько поискала?

Прежде чем я успела ответить, Хамадзаки бросился к велосипедной стоянке. Я поспешила за ним.

— Какой у тебя велосипед? С корзинкой, как у домохозяек? А фамилия твоя на нем написана?

— И имя с фамилией, и адрес краской. Он красно-коричневого цвета, с корзинкой… Я здесь уже все обыскала.

Хамадзаки, даже не посмотрев в мою сторону, начал с грохотом двигать стоявшие велосипеды. Не слушая, как я прошу его остановиться, он бросил: “Жди меня здесь”, и побежал куда-то. Я осталась стоять одна под козырьком склада. Хамадзаки казался мне героем телесериала: хороший парень, в котором есть что-то подозрительное. Ну, если велосипеда нет, значит, придется бросить поиски и пойти домой пешком. Тогда зачем здесь стоять? Я как можно скорее хотела оказаться дома. От холода я перестала чувствовать кончики пальцев.

— Все-таки нет его. Я посмотрел около минимаркета и видеопроката.

Я прождала его около пятнадцати минут и промерзла до мозга костей. Хотела было зайти обратно в магазин, но подумала, что это нехорошо по отношению к Хамадзаки, который разыскивал мой велосипед под дождем.

— Спасибо большое. Я пойду пешком.

— Так у тебя и зонтика нет. Подожди еще немного, я подвезу тебя на машине.

Я не могла ничего ответить. Будь я на десять лет моложе, я бы сразу же отказалась. Но я женщина средних лет, у которой сын — студент. Не думаю, что со мной что-то произойдет. К тому же я так

устала, что мне просто больше всего хотелось куда-нибудь сесть. Но на всякий случай я подготовила компромиссный план.

— А ты не мог бы одолжить мне зонт?

— Конечно, могу. Но я через десять минут закончу. Может, подождешь меня в машине? Я тебя провожу. Так же лучше.

Мне стало лень настаивать на своем, и я кивнула. Хамадзаки погремел ключами, которые всегда висели у него на поясе, и открыл пассажирскую дверь. Я без кокетства сразу же уселась. В автомобилях я разбираюсь плохо. У Хамадзаки была белая японская машина, которая выглядела весьма представительно, но совсем не подходила ему, похожему на ребенка. Внутри валялись кассеты с музыкой для детей и игрушки — это внушало спокойствие. Он действительно вернулся через десять минут и завел двигатель. Я назвала адрес, и он засмеялся: “Как близко, оказывается”. Он так открыто улыбался, что я подумала: “Может, он на самом деле хороший человек”, и мне стало перед ним как-то стыдно.

Машина ехала по автостраде под шум дворников. В каплях дождя на окнах мелькали огни патинко и торговых автоматов, мимо которых я всегда проезжала. Дорога, по которой я ехала, изо

всех сил крутя педали, изменилась в мгновение ока. Машина остановилась на перекрестке на красный сигнал светофора. Автомобилей на перекрестке не было. Через несколько светофоров показался семейный ресторан. Мой дом за ним, направо.

— Завтра тоже в полшестого вставать? — спросил Хамадзаки, который до этого подпевал радио.

— Да. Но завтра впервые за долгое время у меня нет никаких дел, так что, как муж уйдет, я посплю, — ответила я как можно более бодро. Молчать с человеком, который согласился тебя подвезти, тоже не дело.

— Да-а? Здорово. Может, тогда пойдем выпьем чаю где-нибудь?

Я ожидала такого, и это меня совсем не удивило.

— Спасибо, что подбросил. Но я все-таки немного устала, — честно сказала я. Загорелся зеленый свет, и Хамадзаки резко нажал на газ. От внезапной скорости меня вжало в сиденье. Хамадзаки усмехался, и у меня похолодела спина. Я прижала к груди сумку, в которой лежала пижама для мужа.

— Давай покатаемся? — сказал Хамадзаки,

не смотря на меня. Все разворачивалось так, как я и ожидала, и это одновременно пугало и разочаровывало. Как дешево. Этот парень явно насмотрелся плохих телесериалов. Я молчала. Он проигнорировал перекресток, на котором, как я говорила, нужно повернуть, и поехал прямо. Показался указатель въезда на скоростное шоссе. Вокруг стало появляться все больше лав-отелей. Я вдруг подумала, что дочь могла попасть в такую же ситуацию, и заволновалась о ней, хотя сейчас явно было не до этого.

— Не волнуйся, до полшестого вернешься домой, — воодушевленно произнес Хамадзаки. Видимо, он обрадовался отсутствию сопротивления с моей стороны. Я слегка улыбнулась ему. Неужели это происходит со мной? — подумала я, охваченная странным чувством. Субъективно говоря, я тетка-домохозяйка средних лет, а если посмотреть со стороны, то именно поэтому я — легкая нажива. Я впервые задумалась об этом. Ни минуты не сомневаясь, он заехал в один из отелей.

— Ты здесь часто бываешь? — спросила я, расстегнув ремень безопасности.

— Ну, не очень как бы.

Что за “как бы”? — проговорила я про себя,

открыла дверь и вышла из машины. Конечно, я нервничала. Хамадзаки пошел вперед по направлению ко входу. Я была благодарна уже за то, что он не тащил меня за руку и не лез целоваться. В принципе Хама не производил впечатление опасного парня. Просто бабник.

Я незаметно достала из кармана портативную сигнализацию и дернула за шнурок. По темной парковке пронесся сигнал тревоги. Хамадзаки, видно, не понял, что это, и стал беспокойно озираться.

Сотрудник отеля уже открывал дверь. Вскоре он подбежал к нам. Я ткнула пальцем в Хамадзаки и четко сказала: “Он насильно привез меня сюда”.

В результате я всю ночь не сомкнула глаз, но как ни в чем не бывало приготовила мужу завтрак и бэнто. Как только я проводила его, мгновенно легла под одеяло, не раздеваясь и желая как следует выспаться. Но в десять утра меня разбудил звонок матери.

— Ты чего, спала что ли? Хорошая у тебя жизнь, — пробурчала мать, услышав мой заспанный голос. — Ты сегодня ко мне не собираешься?

— А, прости. Я что-то устала. Приеду к тебе завтра, — сказала я и уже собиралась было положить трубку, как услышала всхлипы.

— Кто, кроме тебя, выслушает меня? Ты тоже решила меня бросить? — предъявила она мне, и ее голос перемежался рыданиями. “Вот, опять”, — подумала я и потерла висок. В первый раз я испугалась и бросилась к ней, успокаивая ее изо всех сил: “Это не так!” Но сейчас я уже сбилась со счету. Нехорошо так о матери, но чем больше она это говорит, тем сильнее мне хочется ее бросить.

Мать, как всегда, жаловалась: “отец всегда делал, что хотел, да и умер, никого не спросив, оставил меня одну-одинешеньку, а я о нем заботилась, на работу даже не выходила ни разу, никаких подруг не завела. Что мне дальше делать? Я не знаю”.

— Хорошо, переезжай к нам?

— Да не хочу я в вашу крошечную квартирку! Говорю же тебе, не в том я возрасте, чтобы в тесноте ютиться. — У нее всегда был один ответ. Мне уже стало ясно: она успокоится, только если сказать: “Все, я еду к тебе”. А когда примчишься к ней, она как ни в чем не бывало нальет чаю со словами: “Да что ты приехала, и не надо было вовсе”.

Неужели я тоже когда-нибудь такой стану? Буду навязывать исковерканную любовь и привязанность собственной дочери? Я пыталась

представить свое будущее, прижав трубку к уху, а свободной правой рукой собирая волосы с пола. Думаю, нельзя отрицать вероятности того, что так и будет. Во мне перемешались ненависть, страх и сострадание, но я понимала, что испытываю какие-то другие чувства к матери. Близкие к тем, которые я испытываю к чужим. Ситуацию я понимаю. Что творится у нее на душе — тоже. Но со мной будто это не связано. Может, что-то похожее я ощущаю по отношению к Хамадзаки. Понимаю, он ищет секса на стороне. Понимаю, он решил, что со мной, небогатой жизненным опытом, это проще простого. Понимаю, его заботливость не была показной. Но от его навязчивости становится грустно.

— Ну ладно, пока. Ко мне доставка приехала, — схитрила я и положила трубку. Мать могла позвонить снова, так что я выдернула телефонный провод. Мне хотелось поспать хотя бы еще чуть-чуть.

Я легла на диван и, когда закрыла глаза, провалилась в сон. За окнами стоял теплый осенний день, на балконе дома напротив сушилось белоснежное белье. Мне тоже нужно постирать и развесить одежду, ведь завтра буду занята, а еще и пропылесосить бы не мешало, думала я, но тело

мое не двигалось.

При этом я пребывала в очень счастливом расположении духа. Лежать и дремать на утреннем солнышке в рабочий день — вот в чем очарование жизни домохозяйки. Слезы и всхлипы матери мгновенно оказались где-то далеко, и передо мной возникло вчерашнее лицо Хамадзаки.

Открытый рот лежавшего на асфальте Хамы, омерзительное гудение портативной сигнализации. Его схватил за кисть сотрудник отеля, щуплый мужчина лет шестидесяти. Хамадзаки громко вскрикнул. Наверное, мужчина занимался айкидо. Потом я узнала, что это был владелец.

— Только не звони в полицию. Я не хотел причинить тебе вреда. Ты молчала, вот я и подумал, что можно. — В глазах Хамадзаки показались слезы, он упал на колени: “Меня могут уволить. Я этого не переживу”.

Владелец гостиницы сказал: “Давай вызовем полицию: от таких парней одна беда”. Но я устала, и мне не хотелось скандала, к тому же от шумихи у меня бы тоже начались проблемы — пришлось бы, например, бросить работу, поэтому я решила не заявлять об этом. Я не знала, кто он на самом деле: простой бабник или безумный маньяк-извращенец. Но страшно мне не было, да и бросать

работу не хотелось.

А сын и дочь вчера опять не ночевали дома. Про сына я думала: пусть уже куда-нибудь съедет. А вот о дочери не могла не беспокоиться. Что если она попадет в такую же ситуацию? Я не знала, что портативная сигнализация может быть настолько эффективной. Надо и Хине купить.

На этом месте сон окончательно одолел меня, и я почувствовала, как сознание куда-то улетучивается. И только я заснула, как внезапно меня кто-то затряс.

— Мам, проснись.

— Отстань, — сказала я на автомате, но все-таки открыла глаза. На меня обескураженно смотрела Хина. У двери в комнату стояла молодая женщина. На мгновение мне показалось, что это ее учительница. Я встала, пытаясь отогнать остатки сна от тела и мозга. Незнакомая женщина склонила голову. Одета хорошо, с виду серьезная, ничего необычного. Кажется, я где-то ее видела, но вспомнить где не могла.

— Простите, что беспокою вас, несмотря на вашу занятость.

— Что вы! Как видите, у меня дневной сон.

— Я звонила тебе, но ты не подходила. Хорошо ты, мамуля, устроилась, — как всегда нагло

заметила дочь. Пока я пыталась сообразить, что к чему, женщина легонько подтолкнула дочь в спину, и та кивнула.

— Мам, есть разговор.

— Значит, получается, ты вчера опять не ночевала?

— Я с сегодняшнего дня уезжаю из дома.

— Что?

— Ты, наверное, думаешь, что я эгоистка, но я хочу закончить старшую школу, осталось совсем немного. И до тех пор, пока я не смогу сама снимать жилье, я решила, что поживу у Итакуры-сан.

Дочь смотрела мне прямо в глаза, не отводя взгляда и ожидая моего ответа. Я растерянно встала.

— Ты о чем вообще?

— Мама, не переживайте — сказала незнакомка, а я вздернула головой.

— Я вам не мама. Не говорите ерунды.

— Это не ерунда. Мам, послушай внимательно. Я сейчас все объясню.

— Что ты мне объяснишь? Не слишком ли много ты на себя берешь? Ты хоть понимаешь, как мы за тебя переживаем?

Я распалялась все сильнее, но внутри сидела

еще одна, хладнокровная я. Она расчетливо думала: вот сейчас нужно рассердиться. Нельзя быть всепонимающей матерью.

— Я же говорю, прекрати переживать!

Дочь, как можно было предположить, повысила голос в ответ на мои эмоциональные высказывания.

— Мне невыносимо тут. Вы с папой добрые, и я благодарна вам, что могу учиться в школе. Но меня такая тоска охватывает, когда я сюда возвращаюсь. Не хочу видеть тебя, мама. Меня все бесит

— Хина, — возразила незнакомка, но дочь не унималась.

— Я не хочу быть такой, как ты. Хочу стать свободной, начать работать как можно раньше. Я ненавижу то, как ты живешь.

Ее лицо исказилось в плаче — совсем как в детстве. Она боялась оставаться одна, и стоило мне ненадолго тогда выйти в магазин, капризничала и плакала, что мама ее бросила.

Дочь вытерла слезы, бросила: “Я еще вернусь”, — и выбежала из комнаты, со всей силы хлопнув входной дверью. В комнате остались мы с незнакомой женщиной. Кажется, она подозревала подобное развитие событий. Сохраняя

спокойствие, она извинилась и склонила голову. Хина сказала, что ее фамилия Итакура. И тут я наконец вспомнила, кто она.

Итакура была новенькой медсестрой в больнице, куда положили Хину с приступом аппендицита, когда она училась в средней школе. Несмотря на разницу в возрасте, они подружились и после выписки Хины стали переписываться.

Нацуми Итакура, двадцать пять лет. По ее словам, сейчас она работала в университетской больнице в центре города. Несколько раз после выписки дочь была у нее в гостях, но, как она сказала, близко они не дружили. Но где-то с год назад Хина пришла к ней за советом и сказала, что хочет бросить школу и устроиться на работу. К тому моменту дочь накопила триста тысяч иен из карманных денег и после подработок. Она хотела уйти из дома, снять квартиру и попросила Итакуру быть ее гарантом.

Но Итакура долго не соглашалась, за что я поблагодарила ее. А она смутилась, как свойственно молодым девушкам, и замахала руками: “Что вы, что вы”.

— Я сказала ей: “Потерпи, закончи школу, устройся на постоянную работу и тогда объяснишь все родителям”. Я говорила ей это не

потому, что у меня какие-то высокие моральные принципы, или потому, что я такая добрая. Мне просто было страшно взять на себя ответственность, мало ли что.

Этим летом дочь стала реже ночевать дома. Могла не появляться по два-три дня подряд. Оказывается, иногда оставалась у Итакуры, иногда у одноклассниц, иногда ночевала в манга-кафе.

— Я ей, в общем-то, чужой человек, но и то стала беспокоиться. Хотя и понимала, что не мое это дело, — сказала Итакура извиняющимся тоном.

Дочь была на грани отчаяния, собиралась бросить школу и съехаться с нелюбимым парнем, чтобы уйти из дома. Видеть этого Итакура не могла и предложила Хине пожить у нее при условии, что она закончит школу и не будет ночевать где-то еще.

— Но как бы вы ни были добры, все-таки для вас это…

Она же абсолютно чужой человек. Как можно пользоваться ее добротой?

— Ничего страшного. У меня часто ночные смены, и я редко бываю дома. К тому же я бы отказала ей, если бы она была мне так неприятна.

Несмотря на диван, мы почему-то сидели по-японски на ковре.

— Но я тоже не могу так сразу… Нужно посоветоваться с мужем.

— Конечно. Но начиная с сегодняшнего вечера Хина будет каждую ночь оставаться у меня, так что не переживайте. Извините за наглость, но кажется, Хине тяжело видеть, как вы беспокоитесь.

Итакура дала мне свой номер телефона и номер телефона больницы, где она работала, а также номера книжного магазина и хлебозавода, где подрабатывала Хина. Вечером по будням она работала в книжном, а по воскресеньям целый день на хлебозаводе. После окончания школы она собиралась сконцентрироваться только на книжном и стать штатным сотрудником.

После того как Итакура ушла, я продолжала в прострации сидеть на полу, пока не стемнело. Я-то думала, что она решила ненадолго “сменить обстановку”, как сейчас модно, а оказывается, у Хины были четкие планы на самостоятельное будущее. Раз она даже попросила дать ей закончить школу, значит, хочет встать на рельсы как можно скорее. Нехорошо так думать, но, может, ей лучше бросить школу. Тогда у меня был бы повод оставить ее дома до того, как она “сдаст экзамены в институт” или “найдет нормальную работу”.

До выпуска осталось меньше шести месяцев.

Получается, я так сильно давила на нее, что она не смогла бы вытерпеть эти полгода? До сих пор мы спокойно жили на зарплату мужа, но теперь она уменьшилась, и мне срочно пришлось устраиваться на подработку в оптовый магазин по соседству. Может, дочери не по нраву наша бедная жизнь? Как ни посмотри, такую работу иначе как экстренной временной мерой не назовешь. Когда зарплата мужа придет в норму, а на детей перестанут уходить деньги, я, разумеется, брошу подработку. Может, Хина об этом догадывается? Может, она увидела, как я неохотно езжу к матери и навещаю свекра?

Так я рассуждала, загоняя себя, и тут нить моего рассуждения порвалась. Силы покинули меня, и я легла на ковер. Кажется, я впервые поняла, что чувствовал муж, когда его сократили. Что я сделала не так? Не знаю. Я старалась, чтобы все было на лучшем уровне. Но сама попала под сокращение из жизни дочери.

В комнате вдруг зажегся свет. Сверху на меня с удивлением смотрел сын.

— Ты что тут уснула? Не пугай меня.

Не вставая с пола, я посмотрела на часы. Скоро должен был вернуться муж.

— Сюити, — остановила я сына, который соби-

рался уйти к себе.

— Чего тебе? Если ты про телефон, то я заплачу, когда деньги за работу придут. Только мы едем с клубом на сборы, и потом, я обещал купить сноуборд у приятеля. Может, вычтете из подарка на Новый год?

Я удивилась, что он, как маленький ребенок, до сих пор ждет деньги на Новый год, и медленно поднялась.

— У меня вчера на работе велосипед украли.

— Да-а? — равнодушно спросил сын.

— Можно я возьму твой горный ездить на работу?

— Ну, возьми…

— Ведь вообще-то это я его тебе купила. Ты уж извини, теперь я на нем ездить буду. Так что не катайся без спросу.

— Ну-у. Ты же мне его на поступление в универ подарила. Ничего себе заявочки.

Сын повысил голос. Я подошла к нему, сжала руку в кулак и изо всей силы ударила его по голове. Сын, которого никогда до этого не били ни я, ни отец, ни, вероятно, кто-то другой, опешил, молча оперся руками о стену и заморгал.

— Больше я не буду платить за твою учебу. У нас таких денег нет. Хочешь учиться — зарабо-

тай сам.

Я стояла на кухне и промывала рис. Сын жалобно спросил, как будто не мог до конца поверить моим словам: “Мама?”

Удивительное ощущение — мое тело наливалось силой. Оказывается, ударить человека — это приятно. А я и не знала.

На следующее утро я проснулась в полшестого, сделала три бэнто и проводила мужа на работу. Утром я, как обычно, занялась стиркой и уборкой. В полдень вышла из дома, чтобы навестить мать. Поначалу было страшновато ехать на горном велосипеде, сильно наклонившись вперед, но я быстро привыкла, и крутить педали было даже приятно. Он был такой легкий и быстрый, что я даже удивилась, почему я долгие годы ездила на велосипеде с корзинкой для домохозяек. Вещи в него не положишь, но можно сложить их в рюкзак и повесить его за спину. Я доехала до дома матери всего за двадцать три минуты.

Мать будто забыла вчерашнее и вела себя как обычно, а я поддакивала ей невпопад, борясь со сном. Наверное, отец привык делать то же самое.

Вечером я зашла за покупками, вернулась домой, приготовила мужу ужин, приняла ванну и отправилась на работу. Сын крепко спал как ни в

чем не бывало, а потом незаметно куда-то исчез. Но горный велосипед остался на стоянке. Может, Сюити хоть немного одумался.

Рассекая вечерний ветер, я мчалась по краю шоссе на полной скорости. Я боялась сбить пешеходов, которые шли по тротуару. Настроение было отличное, я разогналась еще быстрее, тут что-то попало мне по лицу, и я поспешно затормозила. Я посмотрела наверх: рядом со святилищем бога Инари рос огромный дуб с желтыми листьями. Его ветви покачивались, листья падали вниз. Я смотрела на него, разинув рот, и на лицо мне опять спланировал лист. Я немного полюбовалась этой картиной, а потом снова принялась крутить педали. Ветер дул в лицо, но благодаря перчаткам и шапке, которые, как выяснилось, подарила дочери на день рождения Итакура, руки и уши у меня не мерзли.

Я приехала на работу, вернула в раздевалке Мариан ее свитшот, который я постирала, сказала: “Это тебе в знак благодарности”, и дала ей портативную сигнализацию. А она почему-то громко рассмеялась. Я вышла в торговый зал, и ко мне подбежал Хамадзаки с таким лицом, какое бывает у ребенка, который нашел мать. Сложив руки у лица, он повторял: “Прости”. Я хотела бы-

ло засмеяться, но подумала, что не стоит терять бдительность, и резко кивнула.

— Ты сегодня рано, — бросила Саори из-за спины. Она стояла на кассе.

— Я забрала у сына горный велосипед, так что доехала быстро, — ответила я, считав штрихкод с именной таблички.

— А-а. У тебя есть сын? А сколько ему?

— Двадцать.

— О, надо же. А у меня никого нет. Хотя мы с тобой ровесницы, Махо-тян.

Она назвала меня по имени, и я повернулась к ней, решив, что она меня подкалывает, но Саори выглядела серьезной.

— Не помнишь? Мы с тобой учились вместе в восьмом классе. Я сразу тебя узнала. Ты такая же, как в детстве. Все делаешь по-своему.

Я разинула рот, изо всех сил перебирая страницы воспоминаний в поисках нужного.

— Простите. Вот оно как? Вернусь домой, посмотрю выпускной альбом.

— Да не надо. — Саори посмотрела вниз, едва сдерживаясь от смеха. Интересно, что смешного она вспомнила. Подошел покупатель, и я поспешила к кассе.

Интересно, а что я делала каждый день, когда

училась в средней школе? Но работы в магазине было столько, что я никак не могла вспомнить. Куда я дела выпускной альбом, да и остался ли он у меня? Не знаю, не знаю.

Во власти дилеммы

На мой двадцать пятый день рождения парень, с которым мы давно встречались, сказал: “Надо бы скоро и пожениться”. Не “выходи за меня”, не “давай поженимся”, а как будто разрешение дает. Он улыбался, от одного бокала вина у него раскраснелось лицо, только улыбка самодовольная, и покраснел явно не от смущения.

— Скоро — это когда? — переспросила я, изо всех сил стараясь улыбаться, чтобы не испортить ему настроение.

— Ну, так ты же сама, Мито, говорила, что хочешь выйти замуж в двадцать пять.

— Я?

— Совсем у тебя память…

Я попыталась вспомнить, но у меня не получалось. К тому же, даже если я действительно так сказала, сейчас нам уж точно не до свадьбы.

В непримечательном итальянском ресторане рядом с его домом было шумно, наверное, потому что декабрь и все провожают старый год. Мы сидели за маленьким столиком в глубине зала и заглядывали друг другу в глаза, думая каждый о

своем. Лицо у меня от радости не светилось, а он смотрел на меня с подозрением. Я же не знала, что ему сказать, и мучительно пыталась что-то придумать.

Сегодня был мой день рождения, на столе стояла бутылка вина и полноценный ужин из итальянских блюд. Мы встречаемся уже семь лет, ссоры у нас бывали, но такой неловкой атмосферы — никогда. Официант спросил, может ли он убрать мою пасту — на тарелке осталась почти половина. Я извинилась за то, что не доела.

— Что-то у тебя аппетита нет, — сказал Асаока. Похоже, он был в бодром расположении духа.

— Что ты. Жду горячее и десерт.

— А в прошлом году ты все съела.

И что? — хотела спросить я, но удержалась. Разговор так замечательно ушел в сторону, что ссориться было не с руки.

— Да я уже на пять кило поправилась, с тех пор как работать начала.

— Разве от работы обычно не худеют? Это у тебя стресс. Вот и говорю тебе, пора уже официально оформить наши отношения.

Опять то же самое. Я улыбнулась, чтобы скрыть, как я расстроена, и хотела было взять бутылку вина. Он остановил меня с улыбкой и подлил

вина в мой бокал. На грани отчаяния я выпила вино залпом. Асаока практически не употреблял спиртного, и поэтому я обычно тоже воздерживалась, но сегодня праздновали мой день рождения, так что я решила напиться. И задвинуть тему замужества подальше.

Принесли горячее. Мы одновременно взяли в руки ножи и стали резать мясо.

— Тебе не хочется замуж? — спросил он с напускным спокойствием.

— Дело не в том, хочется или нет, — мы пока еще молоды…

— Это потому, что я еще учусь?

Ответить утвердительно я не могла и молча положила в рот кусок телятины.

— Можем просто оформить отношения. Не проблема. В конце концов, деньги у меня есть. И вообще, жить по отдельности и с финансовой точки зрения нехорошо.

И тут я поняла, почему он вдруг заговорил о женитьбе. Недавно я сказала, что мне пора уже съезжать из родительского дома. Хотя он и говорит, что деньги у него есть, но он все еще получает их от родителей. Сам не зарабатывает, а туда же, гордо предлагает пожениться. Я была возмущена. Но возражать ему — себе дороже,

это я уже знаю из собственного опыта. Он хоть и выглядит смирным, но язык у него хорошо подвешен, победить его в словесной перепалке мне не удастся. Сегодня я, чтобы не оставаться допоздна на работе, пришла рано и отказалась от обеденного перерыва. Энергии спорить с ним у меня совсем не осталось.

Я едва заметно кивнула и нарочно взяла меню, выбрать десерты.

После ресторана мы пошли к нему. Встречаемся мы уже давно и редко видимся где-то еще — чаще я заглядываю к нему. А если мы изредка куда-то выбираемся, как сегодня, то обычно не прощаемся, а я без всяких колебаний иду к нему.

У него, как обычно, убрано. Старый дом, неподалеку от университета, такая студенческая квартирка: две комнаты в японском стиле, одна на шесть, другая на три татами и кухонька. Он хорошо за ней ухаживает, здесь царят чистота и порядок. Только стопки книг и старый компьютер производят странное впечатление. Он терпеть не может флуоресцентные лампы, поэтому везде у него вкручены лампы накаливания теплого света, а на столе неярко поблескивает стеклянное пресс-папье. Квартира не студента, а скорее ученого. Он налил мне обжаренного чая

ходзи-тя в чашку из керамики Масико[12], которую мы купили во время небольшой поездки. Все-таки стоит только прийти к нему, как сразу чувствуешь себя комфортно.

Попивая чай на кровати, покрытой белым льняным покрывалом, я вдруг вспомнила, когда сказала, что хочу выйти замуж в двадцать пять. Это как раз было в ту поездку, где мы купили чашку. Мне тогда было девятнадцать, и я была на седьмом небе от счастья: поехать в путешествие с ночевкой вместе с парнем, с которым мы только начали встречаться. В девятнадцать лет мои двадцать пять казались такими далекими.

У него не было телевизора (купить-то он его мог, но говорил, что все равно бы его не смотрел, и телик только бы мешался). Тихонько работал радиоприемник “под старину”, на самом деле — последней модели. Он был неразговорчив, оживляясь только во время споров. Дома он почти всегда молчал, если его ни о чем не спрашивать. Я пила чай на кровати, облокотившись на подушку, а он просматривал сразу утреннюю и вечернюю газеты. Я смотрела на его знакомый профиль и чувствовала, как тяжелеют веки. Вот

[12] Примечания: 12

Масико — небольшой город в префектуре Тотиги, в 100 км от Токио, известен своей керамикой.

так проходили бы наши дни, если бы я вышла за него замуж, как он предлагал. Тогда почему во мне все бунтует?

Он окончил магистратуру и сейчас писал докторскую. Мы учились с ним на факультете социологии, отделение психологии. Асаока чем-то отличался от других однокурсников. Только поступив, он знал, что бакалавриатом не ограничится, поэтому активно ходил на занятия вольнослушателем, выбрал себе тему для исследования и искал научного руководителя. Но знала об этом только я — его девушка. Чтобы никто не догадался, что он на порядок отличается от других, он ловко общался с однокурсниками, соблюдая с ними должную дистанцию. Были и другие успешные студенты, но они большей частью зазубривали прочитанные тексты и постоянно пытались анализировать психологическое состояние других, хотя их об этом не просили. Асаока производил другое впечатление. В двадцать лет он уже умел молча и спокойно слушать, что рассказывают ему люди, невозмутимо наблюдать за друзьями, которые обращались к нему за различными советами и давать им уместные рекомендации.

Когда мы только начали встречаться, я наивно

думала, что он взрослее, потому что старше на год: сначала он поступил на юридическое отделение в другом университете, а потом перевелся к нам. Но постепенно я поняла, что даже за мной он постоянно наблюдает как бы со стороны, несмотря на то что я его девушка. Наверное, он насквозь видит мою несложную психологию. После этого я стала занимать подчиненную позицию по отношению к нему. В общем-то, как ни странно, это неплохо. Стоит только подумать, что тебя видят насквозь, так и не надо ничего скрывать и хитрить.

Долгие годы все шло хорошо, но последнее время соотношение сил между нами начало немного меняться. Может быть, дело в том, что я попыталась кое-что скрывать от него и маневрировать, чего до сих пор не делала. Может быть, он лучше понимал, почему я отвергала предложение, сделанное в его стиле, чем я сама.

Тихое время в привычной комнате возлюбленного мягко обволакивало мои разум и тело, утомленные работой. В течение многих лет мы общались, исходя из того, что когда-нибудь поженимся. И все было так. Но меня беспокоило не то, что он еще учится, — существовало какое-то другое препятствие. Проще всего, конечно, если бы

он сам разобрался в этой моей неопределенности и сдался. С другой стороны, меня пугало, что эта неопределенность может принять очертания. Вот дилемма, бубнила я про себя.

— У тебя лицо как у младенца.

Сложив газеты, он посмотрел на меня, сидящую на кровати, и улыбнулся.

— Угу, засыпаю.

— Так поспи. А я пока поработаю над докладом.

Я живу с родителями в пригороде, и в принципе мне запрещено ночевать не дома. Но у отца много рабочих командировок, а когда его нет, мать разрешает мне оставаться у Асаоки. Отец с ним пока не встречался, а мать видела его не раз, когда я звала его в гости еще в студенческие годы. Он вел себя обходительно и сразу понравился матери. Разумеется, она и сейчас считает, что мы поженимся.

В одном из ящиков его шкафа лежит комплект моих вещей на тот случай, если я останусь на ночь. Я достала оттуда пенку для лица, тоник и потащилась в ванную, еле волоча тяжелое, непослушное тело. Смыв косметику, я быстро приняла душ и переоделась в пижаму. Когда я вернулась, он уже засел в маленькой комнатке на три тата-

ми. Из узкой щели полузакрытой перегородки струился свет и доносился стук по клавиатуре. С давних пор день и ночь в его жизни поменялись местами. Я взяла будильник, который стоял у изголовья. Судя по всему, Асаока вставал в совершенно разное время. Сегодня, например, он поставил будильник на два часа дня. Иногда он просыпался в десять утра, иногда — в пять вечера. Я поставила будильник на семь, на час позже, чем дома. Выключила свет, легла в его постель и начала размышлять, что же мне ответить, если он снова начнет говорить о женитьбе. Но не прошло и пяти минут, как я уснула без задних ног.

— Смело ты — в той же самой одежде пришла, — сказал мне дизайнер Оиси, которого я встретила утром у лифта.

— Доброе утро. Вчера у меня был день рождения.

— И что? Ты прямо оттуда? Вот молодежь пошла, ничего не боится.

На нем самом был надет яркий вязаный свитер с большим снеговиком. Пусть он и внештатный дизайнер, но мужчине за сорок приходить в таком виде на совещание…

— Какой у вас милый свитер.

— Правда? Я сам связал. Хочешь такой же?

Я удивленно улыбнулась.

— Хватает же вам времени.

— Так я же гений, на работу много времени не трачу. Может, поужинаем вечером? — сказал он без стеснения. Кроме нас в лифте никого не было.

— Это домогательство?

— Ага. Напиши мне мэйл. Буду ждать до вечера.

Перед тем как открылась дверь лифта, он шлепнул меня пониже спины. Я даже не рассердилась, только посмотрела вслед, на спину со снеговиком. Приглядевшись, я заметила, что на плечах вывязаны олени. Он, наверное, пошутил, но я шла по коридору, думая, хорошо бы и мне такой свитер. Я приветствовала коллег, проходя мимо их столов, и постепенно входила в рабочий режим. Лицо Асаоки, который утром легонько поцеловал меня и завалился в постель на мое место, пропало из моего сознания. Пропали и мысли о самостоятельной жизни и замужестве, которые мучили меня в электричке по дороге на работу. Пропало и воспоминание о том, как дизайнер меня шлепнул. Теперь меня занимало исключительно утреннее совещание.

После окончания университета я поступила в

крупную компанию, которая производила коммуникационное оборудование. Я работала в отделе пользовательского интерфейса. До того я никакого понятия не имела о том, чем занимается отдел с этим незнакомым названием. По-простому, там исследуют и разрабатывают всякие примочки, которые позволяют проще взаимодействовать с оборудованием: кнопки управления, экраны мониторов и прочие вещи, которые видят и которых касаются пользователи. Говорят, что в наше подразделение всего несколько лет тому назад стали нанимать выпускников психологического отделения. Мой непосредственный начальник получил докторскую степень по когнитивной психологии в госуниверситете, но почти все остальные сотрудники — выпускники технических вузов. Я из них самый новичок, всего три года в компании. Сейчас уже стало получше, а поначалу на совещаниях я вообще не понимала, о чем идет речь. Все сотрудники — японцы, говорят на японском языке, но сколько внимательно я ни читала протоколы, в голове ничего не укладывалось. Первый год я думала о том, чтобы бросить все, поджав хвост, но строгий босс не отпускал меня. Он говорил: спрашивай, пока не поймешь, и я стала задавать вопросы. Он вдалбливал в

меня базовые знания, необходимые для работы, во время обеденных перерывов и по вечерам, до отправления последней электрички. Босс догадывался, когда я, желая поскорее сбежать, только прикидывалась, что поняла, и безжалостно засыпал меня вопросами до тех пор, пока у меня не возникало ясного представления о предмете. Разумеется, делал это он не по доброте душевной. Если я, его подчиненная, не овладею навыками работы на самом низшем уровне, это помешает его собственным исследованиям.

Его терпение и усилия были вознаграждены — я запомнила его наставления и работала так, чтобы не вызывать его гнева. Еще совсем недавно я хотела, чтобы меня перевели из этого ужасного отдела в какое-нибудь другое подразделение, но теперь, стоило только подумать, что придется заново вдалбливать себе в голову самые основы, я готова была остаться здесь и на десять, и на двадцать лет.

Моему боссу ближе к сорока. Сегодня настроение у него было хорошее. Как всегда в безупречном костюме, он пил за своим столом кофе, который сварил сам. На краю моего столика стоял кофе с молоком в таком же бумажном стаканчике. Он делал мне кофе перед совещани-

ями в тех случаях, когда предоставленные мной материалы были подготовлены успешно.

Мы коротко обсудили с ним основные моменты и пошли в комнату для совещаний. У нас сейчас шли наступательно-оборонительные бои с инженерами и промышленными дизайнерами по поводу интерфейса телефона с функциями терминального адаптера, продажи которого планировалось начать в следующем году. Еще совсем недавно, стоило мне только открыть дверь комнаты для совещаний, как я тут же хотела развернуться и сбежать в женский туалет под взглядами мужчин. Но последнее время я могу даже поприветствовать их с улыбкой. Все были в костюмах, и только дизайнер в свитере со снеговиком выделялся на общем фоне. Но теперь на его лице не было пошловатой ухмылки. У всех участников совещания на лице было написано одно: не уступим ни полшага. Я закусила губу, думая, вот бы и я выглядела так же.

Ночью я лежала в постели со Снеговиком. Он сказал, что этот городской отель как нельзя лучше подходит и для работы, и девушку привести: его заполняемость резко уменьшилась после того, как построили новый отель зарубежной сети. Когда он приглашает меня поужинать, мы потом

заходим сюда. Уже четвертый или пятый раз.

Я изменяю. И не хочу оправдываться. Это чистейшая измена. У Снеговика семья, у меня Асаока. Ни он, ни я не собираемся расставаться с партнерами, и у него нет даже и капли раскаяния.

— Мито, ты, наверное, и с Каваи мутишь? Вы оба мой проект зарубили, — сказал дизайнер Оиси, поглаживая меня по попе.

— Я бы так не мучалась, если бы мы мутили. От моего босса эдакой ерундой расположения не добьешься.

— Уж прости, что я твоего так легко добился.

— Ты не добился. Тебе надо еще немного пойти на уступки. Мы больше не можем сроки сдачи сдвигать.

— Ну, хватит уже о работе, — сказала он и, белый и мягкий, как снеговик у него на свитере, навалился на меня сверху. Я захихикала и уткнулась лицом в его полные руки.

Я и сама не могла поверить в происходящее. Я всегда считала себя серьезной и, в общем-то, брезгливой, так почему же я оказалась в таком месте и занимаюсь такими вещами? Когда я поступила на работу, Оиси был следующим после босса, с кем сложно было наладить отношения.

По своей работе я находилась как между молотом и наковальней: с одной стороны — промышленные дизайнеры, которые придумывали внешний вид изделия, с другой — инженеры, которые создавали начинку. В мои обязанности входило поддерживать баланс между упрямыми сторонами и биться за снижение времени и расходов. И пока я мучалась, не зная, как одолеть этого человека, который постоянно предлагал проекты с красивым дизайном, но ужасно неудобные в использовании, он позвал меня на ужин, а потом и в постель. Сложно себе в этом признаться, но у меня был тайный план таким образом втереться к нему в доверие. С другой стороны, если бы меня позвал кто-то из неулыбчивых и нервных инженеров, я бы точно отказалась. Так что Снеговик не был мне противен. Конечно, он не менял дизайн из-за того, что мы спим с ним. Но теперь я понимала дизайнеров, и работать стало немного проще. Конечно, он хвастался, называя себя гением, но по сравнению с другими его проекты были смелыми и привлекали внимание. Разумеется, его работы были востребованы, и в деньгах он не нуждался. Но больше всего мне нравилась его открытость.

— Ты вчера ночевала у своего бойфренда. Зна-

чит, отец в командировке? — спросил Оиси.

— Угу. Он до следующей недели на Тайване.

— То есть ты и сегодня у парня останешься?

— Нет, надо вернуться домой. Три дня подряд приходить в одном и том же не дело.

Вообще говоря, я ни разу не оставалась с Оиси до самого утра. За исключением командировок, я никогда не ночевала где-то еще, кроме квартиры Асаоки. Ни в студенческие годы, ни сейчас я не ездила с подругами в поездки. Никогда не напивалась до такой степени, чтобы пропустить последнюю электричку. Как бы поздно я ни возвращалась, всегда звонила Асаоке или отправляла ему сообщение. Это было незыблемым правилом, с тех пор как мы стали встречаться.

— Твой парень дарит тебе подарки? — лениво спросил Снеговик, пока я суетливо собиралась, поглядывая на цифровые часы у изголовья.

— Нет. Подарки можно дарить бесконечно, но на это деньги нужны, и мы договорились ничего не дарить. К тому же он еще учится.

— Хм. А чем он занимается?

— Дилеммой заключенного.

— Что? — спросил Оиси, выглянув из ворота футболки. — Никогда такого не слышал.

— Может, вас, дизайнеров, этому и не учат.

— Суровое какое-то название. А деньги за это платят? — спросил он без обиняков, а я рассмеялась. Асаока как-то заметил: “Ты, Мито, пытаешься за смехом скрыть растерянность”. Мне и самой это понятно, мог бы и не говорить. Если бы мою привычку можно было исправить одним замечанием, я бы уже давным-давно от нее избавилась. Но ситуаций, когда ничего, кроме смеха, не остается, у меня предостаточно.

Оиси, и не лень ему, сегодня опять довез меня до дома. В его старой американской машине — предмете его гордости — сильно трясло, и я вырубилась на пассажирском сиденье, словно у меня села батарейка. Когда машина заехала на развязку, ведущую к моему дому, коротко звякнул мобильник. Можно было даже и не проверять: сообщение от Асаоки.

Впервые я услышала выражение “дилемма заключенного” не в универе, а от самого Асаоки. Еще до того, как мы стали встречаться, нас позвали выпить с однокурсниками. Многим еще не исполнилось двадцати[13], но все пили пиво, не обращая на это внимания. У меня не было проблем с восприятием алкоголя, но

[13] Примечания: 13
Употребление алкоголя в Японии разрешено только с двадцати лет.

отец строго-настрого запретил мне выпивать до совершеннолетия, поэтому я потягивала сок. Апельсиновый сок яркого цвета, как будто туда добавили кучу красителей. Сок пили двое: он и я. Чувствуя себя неловко, я подсела к нему и завела разговор. Все громко орали, и я предложила: “Давай выйдем отсюда — здесь шумно”. У него было такое выражение лица, будто я его спасла. Перед самыми праздниками золотой недели было тепло, можно было с короткими рукавами ходить, и мы уселись на ступеньках перед лекционным залом университета и болтали обо всем. Уже не помню, почему мы разговорились, но до сих пор не могу забыть, как увлеченно он говорил.

Он приводил примеры дилеммы заключенного.

Предположим, что поймали двух человек по подозрению в грабеже. Полиция допрашивает каждого в отдельной комнате. Одному из них говорят: “Если ты признаешься первым, то мы тебя отпустим, но, если признаешься после своего подельника, наказание будет суровым”. В таком случае, если оба преступника не признаются, то без доказательств их не осудят. Но если признаются оба, то приговор будет жестким. Наилучший вариант для подозреваемых — молчать,

не раскрывая улик. Но они находятся в разных камерах и не могут объединиться. Каждый думает: “А вдруг мой подельник признается первым? Тогда меня ждет суровое наказание. А если я первый признаюсь, то меня освободят”. Таким образом дилеммой заключенного называют ситуацию, при которой оба человека оказываются в невыгодном положении, стараясь предугадать стратегию партнера.

В качестве примеров Асаока рассказывал о проблеме в советско-американских отношениях во время холодной войны или о том, как стоимость печати фотографий упала до нуля.

Его настолько интересовал этот вопрос, что он бросил учебу на юрфаке и поступил заново на психологическое отделение нашего университета. Изначально эта проблема относится к теории игр, но Асаока говорил, что хочет изучать ее с точки зрения социальной психологии.

Узнав от него о дилемме заключенного, я пребывала в восторге. Среди парней-ровесников у меня не было ни одного знакомого, кто так хотел заниматься психологией, что по собственному желанию бросил юрфак, да и вообще никого, кто с таким энтузиазмом бы проводил исследования. Мне интересно было слушать про дилемму

заключенного. Стоило только задуматься, и я понимала, что он прав: мир переполнен дилеммами. И все же, пусть я была незрелой, но у меня возникали сомнения, которыми я делилась:

— Я бы не стала признаваться. Если я выбрала сообщника, значит, я ему доверяю. И мне было бы противно, если бы я во всем призналась и только меня оправдали.

Асаока не стал смеяться, а ответил спокойно:

— Эта дилемма верна только в том случае, если участники предпринимают поспешные действия. Другими словами, она возникает только когда действия носят импульсивный и необдуманный характер.

— А, вот как? — Я, кажется, улыбнулась. А он сказал то, что я до сих пор помню:

— Зачастую зерна своей неудачи ты сеешь сам.

В тот момент я внимательно посмотрела на него. Асаоку особенно симпатичным назвать нельзя, да и на интеллектуала он не похож. Не высокий и не маленький, худой. Мужественным его тоже нельзя было назвать, но и ничего женственного в нем не было. Может быть, именно поэтому казалось, что он смотрит на мир откуда-то сверху. Я испытывала к нему сильный интерес. Не прошло и трех дней, как мы стали встречаться.

Я допила какао и рассеянно сидела в университетском кафе над лекционным залом. Суббота, но вокруг довольно много студентов. Все казались радостными, наверное, из-за того, что скоро зимние каникулы. Вокруг меня, сидевшей в одиночестве, шумели ребята, которые собирались кататься на сноуборде на каникулах. Другие, с пачкой откссеренных материалов, видимо, готовились к сессии в начале года.

Иногда я заходила в альма-матер, тем более что Асаока еще учился здесь. Я читала книги по работе в библиотеке или ждала, когда он закончит свои дела. Всякий раз, оказываясь здесь, я понимала, как приятно тут находиться. Можно сидеть, ни о чем не думать, и никто не будет глазеть на тебя. Хочешь развлекаться — развлекайся, хочешь учиться — учись, одевайся, как нравится, — никто не осудит.

За аллеей деревьев гинко, которые уже потеряли листву, виднелись часы лекционного зала. Я подумала, что мы встречаемся с Асаокой уже семь, нет, весной будет восемь лет.

Он мне не противен. Хотя, может быть, мы слишком долго встречаемся. Причин расстаться у нас не было и нет, но кажется, я уже в таком состоянии раздражения, когда, например, беско-

нечно долго ждешь автобуса и уже не можешь ни пойти пешком, ни сесть в такси.

— Извини. Заставил тебя ждать.

Асаока появился на двадцать минут позже, чем обещал. Я с улыбкой покачала головой.

— Студенты задержали.

С этого года он стал подрабатывать лекциями. Он преподает основы психологии на открытых вечерних лекциях для взрослых. Получает столько же, сколько и официант в каком-нибудь питейном заведении. Но в студенческие годы он нигде не подрабатывал, так что в некотором смысле это прогресс: у него появилось желание работать. Он относится к этому положительно и считает, что, уча других, повышает собственный уровень.

— Кстати, чуть не забыл, — пробормотал он и достал маленький сверток из рюкзака. — Это тебе.

— Что это? — я взяла сверток, развернула его. Там лежало серебряное кольцо. Вот так сюрприз. К тому же кольцо для помолвки популярного бренда. Выкинуть коробочку и подарить кольцо, завернув в бумагу, — очень похоже на него. От неожиданности я лишилась дара речи: до сих пор в лучшем случае он дарил мне брелоки из

поездок с участниками семинара.

“Ну не здесь же…” — чуть не открыла рот я, но удержалась.

— Я не знал, какое кольцо дарят в таких случаях, и спросил у девчонок помладше. Они сказали, что это лучше всего.

Я подумала, что надо бы сказать спасибо. Но не смогла. Дрожащими пальцами я попробовала надеть кольцо на средний палец левой руки. Но оно не двинулось дальше второй фаланги. Понимая, что Асаока пристально на меня смотрит, я попробовала надеть кольцо на безымянный палец правой. Село идеально.

— Спасибо. Такая дорогая вещь.

— Угу. Два я не смог купить, — он смущенно улыбнулся.

В прошлом году, хотя нет, скорее в позапрошлом я бы, наверное, искренне обрадовалась. На кольце был узор в виде винтов, напоминавший пояс верности, который я когда-то видела в энциклопедии. Не стоило его принимать. Рука правая, но нельзя его надевать на безымянный палец. Если скажу потом, что забыла, будет понятно, что я вру. Он не отдал мне его сразу, потому что я не светилась от радости. Я подняла голову, думая о том, как снять кольцо, и тут послышался

мужской голос: “Асаока!”

Я подняла голову. Перед нами, улыбаясь, стоял профессор. Асаока тоже поднялся и поздоровался с ним. Это был его любимый профессор, и сейчас Асаока, конечно, работал в его лаборатории.

Я тоже поздоровалась с профессором: “Давно не виделись”. На его лекции я не ходила, но он знал меня как “девушку Асаоки”. Профессор снисходительно поприветствовал и меня, извинился и заговорил с Асаокой о материалах, используемых в исследованиях. Я незаметно уселась, стараясь не прислушиваться к их разговору. Раньше мне было интересно, и я слушала разговоры Асаоки с профессором или с участниками семинара, но, если потом я осмеливалась сказать что-то на эту тему, у нас часто начинались перепалки, поэтому я стала мудрее и старалась помалкивать.

Я ни к чему ни приглядывалась, просто сидела с отсутствующим видом и ждала, когда они закончат. Профессору было лет пятьдесят, он ходил в костюме, но отличался от коллег, которых я каждый день видела на работе. Интересно чем? Я присмотрелась к нему. Костюм сидел на нем плохо, может быть, потому что он носил его каждый день и плохо за ним ухаживал. Вязаная жилетка под пиджаком тоже видала виды. Но,

с другой стороны, именно поэтому он выглядел как настоящий ученый. Он был известен в своих кругах, хотя практически не выступал на телевидении, но помимо научных трудов недавно написал несколько популярных книг. Говорят, на его лекциях не было свободных мест, а многие даже стояли в проходах.

Интересно, Асаока тоже когда-нибудь будет таким? — подумала я. Даже я знала, что профессором университета стать не так просто. Кроме способностей, нужны связи, и на этом пути придется испытать много унижений. Асаока когда-то говорил, что не хочет быть профессором, но я не знала, насколько он искренен в своих словах. В любом случае это будет еще совсем не скоро.

Мы попрощались с профессором и вышли из кампуса, не обсуждая, куда дальше. Когда Асаока ничего не говорил, мы заходили к нему. Я молча шла рядом. Спускались сумерки, и от булыжников, которыми была вымощена дорога, тянуло таким холодом, что мерзли колени. Мне хотелось поскорее добраться до его дома и попить горячего чаю, но тогда, наверное, не избежать разговоров про кольцо и замужество. Отец еще в командировке, на работе — выходной, так что Асаока наверняка думает, что я останусь у него.

— Что будем делать на Рождество? — как всегда мягко спросил Асаока. Я как обычно повторяла, “что бы ни было, но Рождество мы непременно будем встречать вместе”. Но в этом году ничего отмечать не хотелось. Меня охватила жуткая ненависть к самой себе: зачем я это все придумала.

— У меня работа, но я все равно постараюсь прийти.

Самой себе противно, будто за любовником ухаживаю.

— Смотри, как тебе удобно. Тем более потом новогодние праздники.

— Асаока, а ты к родителям не собираешься?

Он мельком посмотрел на меня, как будто на дурочку. В глубине души я чувствовала растерянность.

— Да, может. Как настроение будет.

Говорил он мягко, хотя его лицо выражало противоположные чувства. Наверное, считал мое желание: мне хотелось, чтобы он уехал. Он был родом из префектуры Яманаси — вроде не так далеко, чтобы брать билеты заранее, но и не так близко, чтобы уложиться за день. Он рассказывал, что не очень ладит с родителями, но где-то раз в два года, пусть и неохотно, ездил к ним. Я

конечно же с его семьей была незнакома. И тут я кое-что поняла.

— Послушай, ты недавно говорил, что мы можем пожениться. Но я ни разу не виделась с твоими родителями.

— Хорошо, встретишься с ними?

Я вообще-то другое имела в виду и уже раскаялась в своем легкомыслии.

— Мито, ты, по-моему, действуешь неправильно. Сначала ты должна твердо решить, что выходишь замуж, а потом уже с родителями, так ведь? Я не думаю, что твой отец воспримет эту новость как ни в чем не бывало и сразу согласится. Но вопрос не в их мнении, это прежде всего наше с тобой дело.

— Ну, да, это так… Но я вообще совсем не знаю твоих родителей, какие они, и как так взять и вдруг расписаться.

— Хорошо, встретишься с ними?

Замкнутый круг. Если я поеду к его родителям и познакомлюсь с ними, отступать будет некуда. Я замолчала, а он сказал, как бы заглаживая вину:

— Давай отложим этот разговор. Подумаем и потом спокойно обсудим.

Если раньше он цеплялся к каждой моей фразе, видя в них противоречия, то сейчас он был

донельзя великодушен. С одной стороны, я вздохнула с облегчением, с другой — мне стало немного страшно. Мы встречались с ним давно, и я знала: он совсем не такой добряк, каким кажется. Я нечасто попадала под раздачу, но, если его довести, он начинает методично и жестко бросаться колкостями.

Этим вечером мы, как обычно, поужинали в столовой по пути и пошли к нему домой как ни в чем не бывало. Мы легонько поцеловались, я сразу легла в постель, а он уселся за компьютер. Я даже вспомнить не могу, когда последний раз мы занимались с ним сексом. Спасибо и на этом, и я стала думать, что ни за кого больше я бы замуж не вышла.

— Зачем выходить замуж за мужчину, от которого и кольцо “Картье” получить не в радость? — заявила мне коллега, с которой мы в один год устроились в компанию. Хотя работать мы начали в одно и то же время, она пришла из другой фирмы, а не после университета, как я, и была старше на четыре года. Она мне нравилась: полная энергии, что ни спроси, отвечает четко и быстро. И она была единственной моей советчицей и в вопросах работы, и в вопросах любви.

Мы стояли перед огромным зеркалом в туалете

питейного заведения с европейской кухней. Сегодня у нас были групповые свидания вслепую. Обычно я нечасто появлялась в таких местах, но настроение было мрачное, поэтому я решила развеяться для разнообразия. Иногда-то можно.

— Мито, ты еще молодая, брось ты этого самодура и инфантила. Вокруг столько других мужиков!

Не знаю, кого она имела в виду под “другими мужиками”: то ли шестерых парней, которые пришли сегодня, то ли всех мужчин в мире. Но по крайней мере из этих шести не нашлось ни одного, с кем бы я захотела встречаться настолько, чтобы ради этого бросить Асаоку.

— Ну все-таки…

— На Рождество у нас будет вечеринка. Придешь?

— Не, на Рождество к нему надо.

— Не понимаю. На работе ты, Мито-тян, все решаешь четко и делаешь быстро. Так почему, когда дело до любви доходит, ты такой нерешительной становишься? — сказала подруга, стоя перед зеркалом. Она промокала специальной салфеткой блестевшую переносицу.

— Правда?

— Ты сама не замечаешь? Ну да ладно. На сего-

дня какие планы?

У нее было много знакомых, и в компании ее называли Королевой свиданий вслепую. Однако я ни разу не слышала, чтобы она хоть раз завела роман с кем-нибудь после таких вечеринок, которые сама и устраивала. То ли планка у нее была высока, то ли она просто любила шумно проводить время с незнакомцами.

— Я пошла.

— Ну да. Сегодня парни не очень. Будь осторожна, Кэнъя, похоже, приставучий.

Скоро уже будет два часа, как мы с ней пришли в первый ресторан. Переглянувшись, мы пошли в туалет. Там обсудили, идти или нет во второй. Кэнъя с самого начала сидел рядом со мной, как приклеенный. Лицом он был похож на Кэнъю Осуми, бывшего мужа Румико Коянаги, поэтому его так и называли.

— Разрабатывали план действий? — спросил Кэнъя, как только мы вошли. Он точно не дурак. Как и ожидалось от участников вечеринок, организованных Королевой свиданий, он работал в компании, у которой акции были размещены на Токийской бирже, выглядел и говорил весьма достойно, ну и к тому же в отличие от Снеговика был не женат. Но во мне ничего не екало. При-

чина проста: терпеть не могу мужиков, которые приходят на свидания вслепую.

Самой было удивительно, зачем я здесь оказалась, да еще и улыбалась направо и налево. Вот уж действительно, ничего я не понимаю, и прежде всего — себя. Права была Королева.

— Вам не кажется, что свидания вслепую не имеют смысла? — спросила я, думая, что это неприятный вопрос неприятной женщины. Кэнъя с интересом заглянул мне в лицо.

— Да, ты права. Смысла в этом мало.

— Почему вы так думаете? — задала я вопрос, хотя сама подняла эту тему. Этим методом часто пользовался Асаока.

— Почему? Потому что тратишь и силы, и средства, а эффекта ноль.

Он неожиданно оказался честным парнем, и я прыснула со смеху. Опыта у меня не очень много, но думаю, что во время свиданий вслепую мозг напрягаешь гораздо сильнее, чем когда учишь какую-то ерунду. Мужчины и женщины, основываясь на впечатлениях от первой встречи, аккуратно вплетают истинные мысли и чувства в ничего не обязывающие разговоры, стараясь донести свои эмоции до собеседника и избежать тех, чье внимание становится обузой. Сложно

прочитать, что на душе друг у друга. Вот и Асаоке не мешало бы сходить на такие свидания для исследований.

Тут парнишка, который выступал в роли секретаря, начал собирать взносы (разумеется, у мужской половины они были выше), и настала пора уходить. Я поспешно попрощалась с коллегами и быстрым шагом направилась к станции метро.

— Мито-сан, — услышала я за спиной голос Кэнъи. Не оборачиваясь, я быстро шла, но он настиг меня, когда осталось совсем немного дойти до станции. Надо было бежать, не обращая внимания на окружающих.

— Я провожу тебя, — сказал он, расплывшись в улыбке. Он держал пальто в руках. Наверное, спешил догнать меня.

— Мне далеко, не стоит.

— Ну и пусть далеко.

— Я одна поеду.

— А может, зайдем еще куда-нибудь выпить? — бодро улыбнулся Кэнъя, совершенно не слушая, что ему говорят.

— Папочка меня обожает. Когда я поздно возвращаюсь домой, он звонит на мобильник и приезжает меня встретить. Если не боишься,

что он тебя побьет, то поехали, — нарочито невнятно сказала я, форсируя образ неприятной женщины. Кэнъя, похоже, потерял дар речи и призадумался.

— Папа придет, ну и хорошо.

Он совершенно меня не слышал и, ни секунду не колеблясь, обнял меня. Я устало смотрела на рождественскую иллюминацию поверх плеча незнакомого мужчины.

Несмотря на то что завтра мне тоже нужно было на работу, я добралась до дома во втором часу ночи. После бара мы пошли в отель. А теперь, разумеется, я устало поворачивала ключ во входной двери.

— Ты что так поздно? — Из глубины темного коридора вдруг показался отец. У меня перехватило дыхание, и я замерла на бетонном полу у входной двери. Я-то думала, он спит.

— Разувайся и заходи. От тебя несет алкоголем. Молодая девушка… Куда это…

— Папа, ты еще не спишь?

— Ждал тебя. Мне вставать еще раньше, чем тебе. Заходи, заходи, — поторопил отец и ушел в комнату, он был в пижаме. Я смиренно пошла за ним. С тех пор как я стала работать, мне никто особенно не выговаривал по поводу времени, ко-

гда я возвращалась домой, вот я и расслабилась. Мать не появлялась, значит, отец не на шутку рассержен. Она хоть и на моей стороне, но до конца меня точно покрывать не будет.

— Старый год провожали?

Отец с шумом сел на диван и посмотрел на меня. В его растрепанных волосах кое-где виднелась седина.

— Прости меня.

— Не извиняйся. Ты взрослый человек, так что иногда можешь и возвращаться поздно. У меня другой вопрос: ты вроде хотела жить одна? — спросил отец, закуривая. А-а, видно, мать ему сказала.

— Думала, я тебе разрешу?

— Нет.

— Видишь? А теперь подумай хорошенько, почему я против.

Постепенно отец начал повышать голос. Хорошо, что сейчас зима. Когда жарко и открыты окна, вся округа все слышит. Стоило отцу отругать меня в детстве, как мои друзья, жившие по соседству, начинали подшучивать: “Опять на тебя ругались”. Но сейчас мне стыдно, и я боюсь, все узнают, что отец до сих пор ругает меня, несмотря на то что я уже взрослая, — и что мужчина в его

возрасте до сих пор дает волю эмоциям и орет на дочь.

— Ты моя единственная дочь. И из дома ты съедешь только тогда, когда соберешься замуж. А если у тебя есть мужчина, познакомь меня с ним. Нечего скрываться.

Я не твоя вещь, папа, хотела было сказать я, но он бы орал на меня до самого утра. Вынести это было невозможно. Но я все-таки попыталась возразить: “Но…”

— Никаких “но”, не маленькая уже!

Отец поднялся, пол заскрипел. Крупный мужчина ростом выше ста восьмидесяти, он раньше занимался регби. И когда он орал на меня, нависая сверху, у меня тряслись поджилки. Раньше он мог и ударить, но последнее время перестал поднимать на меня руку. Но его гнев копился, не находя выхода, так что мне казалось, что я ощущала его физически.

— Прости меня, — скромно извинилась я. Все-таки, несмотря на эмоциональность, отец, человек спорта, приходил в себя, если с ним обращались честно. Конечно, я его боялась, но и успокоить его было легко.

Отец потушил сигарету и тяжело вздохнул. Я смотрела в пол, а он легонько похлопал меня по

плечу и сказал: “Пойдем спать”, затем вышел из комнаты и поднялся в спальню. Я в изнеможении опустилась на диван.

Я хотела съехать из дома в основном из-за отца, но сам он, похоже, совершенно этого не осознавал. Нельзя сказать, чтобы это было домашнее насилие, но, если ему что-то не нравилось, он повышал голос и ломал вещи, поэтому мы с матерью постоянно тревожились о том, в каком он настроении. Я понимаю, что он меня любит. Но чем старше я становлюсь, тем сильнее я хочу понять, почему он такой. Во многом из-за отца я выбрала психологию в качестве специализации. Однако сколько бы я ни пыталась анализировать причины его агрессивного поведения с теоретической точки зрения, ситуация никак не решалась.

Я специально сказала матери, что хочу жить одна, потому что знала — она не может ничего утаить. Смелости сказать об этом отцу напрямую у меня не было, так что я решила использовать мать. Наверняка она рассказала отцу и про Асаоку. Отец же долгие годы делал вид, что ничего не знает, так что, вероятно, он все-таки терпелив, хотя и выглядит это совсем по-другому. Я неохотно поднялась с дивана. Неужели, чтобы

спокойно уйти из этого дома, есть только один способ — выйти замуж?

Я страшно устала и пошла в ванную комнату, чтобы принять душ перед сном. Сняв верхнюю одежду и свитер, я посмотрелась в зеркало, чтобы снять макияж, и тут обратила внимание на засос, четко видневшийся над моей ключицей.

Хуже некуда. Почему я такая никчемная? Я больше не смогла смотреть в зеркало и залезла в постель, даже не умывшись.

На Рождество я приехала к Асаоке около девяти вечера. В обеденный перерыв я пошла забрать торт из универмага рядом с работой. Сухой лед полностью растаял, и торт потерял форму

Но Асаока все равно обрадовался. В студенческие годы я делала ему, сладкоежке, торты на день рождения и Рождество. Но когда я устроилась на работу, разумеется, времени на готовку у меня не оставалось, поэтому я начала брать покупные торты. Асаока, предполагая, что я приду голодная, приготовил рис карри. Обычно он не готовил, и только в те дни, когда я приносила торт, делал карри то ли в знак благодарности, то ли взамен. Мы съели неострый карри с тертым яблоком, выпили улуна, нарезали и поели торт. По радио передавали рождественские песни, я

болтала обо всем, что в голову придет, и смеялась. Асаока тоже смеялся. Хотя я его смешила, но меня посещали противоречивые мысли: почему вообще он смеется.

— Скоро последняя электричка уйдет, — спокойно сказал Асаока. Я болтала и смеялась, но услышав его слова, тут же замолкла. Точнее не смогла больше смеяться.

— Что с тобой? Что-то случилось?

Вдруг я разревелась, хотя только что гоготала на грани истерики. Асаоку это совершенно не смутило. Сегодня с моей психикой явно что-то было не так. Об этом мог бы догадаться любой, не только Асаока.

— Не хочу домой, — сказала я всхлипывая, а он погладил меня по голове, как маленького ребенка. Я давно уже говорила Асаоке, что отец бьет меня, если я ночую не дома.

— Тогда оставайся. Я позвоню твоим.

Я поспешно замотала головой.

— Ладно. Я сама что-нибудь придумаю.

— Точно?

Я вытерла слезы и энергично закивала. Позвоню отцу, а он наверняка скажет: “Приводи его на Новый год”. А мне вот только этого не хватало.

Я была изнурена. Асаока обнял меня и уложил

в постель. Мне хотелось остановиться, но слезы так и текли. Асаока терпеливо поглаживал меня по спине.

— Хочешь? — проговорил он мне в самое ухо, а я легонько покачала головой. Мне совершенно не хотелось, к тому же в голове сидела мысль о засосе, который на днях поставил мне Кэнъя. Я крепко закрыла глаза: мне не хотелось видеть, расстроен ли Асаока или, наоборот, успокоился.

У нас с Асаокой, как правило, секса не было. Когда мы только начали встречаться, мы несколько раз трахались, но довольно быстро поняли, что ни у него, ни у меня особого желания нет. В девятнадцать я, честно говоря, не была готова к тому, чтобы раздеться догола и делать всякие странности с любимым парнем. Ему в двадцать тоже было проще обойтись без этого. Когда мы поговорили обо всем откровенно, я решила, что мы посланы друг другу судьбой.

Но нельзя сказать, что Асаоку совершенно не интересовал секс или что он был импотентом или геем. Похоже, он решал эти проблемы своими силами или ходил по злачным местам. Открыто он об этом не говорил, но по обрывкам его слов я считывала месседж: “В общем, тебе беспокоиться не о чем”. Но, как ни странно, я не испытывала

какой-то злобы. Мне даже было удобнее, если он удовлетворял свои потребности на стороне, а я об этом не знала.

Вроде я оказалась у него первой. Хотя сама девственницей не была. В старшей школе я переспала с бойфрендом, но мне было больно, неловко, и всякий раз во время свиданий, когда он хотел секса, я терялась. После этого в течение долгого времени я считала, что секс — не для меня, а потом, когда устроилась на работу, то, удивительное дело, мне вдруг захотелось спать с дизайнером Оиси. Я легко могу заниматься любовью с теми, к кому не испытываю никаких чувств. Значит, у меня все-таки есть сексуальное желание, пусть какое-то извращенное, поразилась я. Мне стало казаться, что и у Асаоки точно такие же проблемы.

Я задремала у него на руках. Интересно, что скажет отец, если объявить, что мы с Асаокой женимся? Сначала, наверное, заорет: “Отдать свою единственную дочь какому-то недоучке?!” Но если Асаока вежливо поклонится и будет соблюдать политес, отец, вероятно, даст свое согласие. Он скорее предпочтет купить нам квартиру и оставить Асаоку под своим крылом, чем допустит, чтобы его дочь ушла из дома, добившись

экономической самостоятельности. А что, если Асаока работал бы, как все? Я не знала. Меня не радовало кольцо, которое он подарил, я не хотела с ним секса. И я не могла решить, выходить ли за него замуж. Из-за этого мои глаза вновь наполнились слезами.

— Так дело не пойдет, — сказал Асаока. Все-таки, значит, рассердился из-за того, что я рыдаю без остановки? Он бесшумно встал, достал что-то из ящика и вернулся ко мне. Когда я поднялась, он передал мне заявление о вступлении в брак. Я сразу поняла, что это оно, несмотря на то что оно было аккуратно сложено.

— Свою часть я заполнил. Возьми, Мито.

Я окаменела, забыв о том, что только что заливалась слезами.

— Ты абсолютно не воспринимаешь мои слова всерьез. Я же не шутки с тобой шучу. Подумай как следует. Я понимаю, что ты занята на работе, но последнее время ты не отвечаешь на мои сообщения, кольцо не носишь. Думаешь, со мной можно делать все, что вздумается, и я не обижусь?

Это звучало как-то по-детски, и я невольно подняла голос.

— Прекрати уже!

— Тогда отдай заявление. Сама вся в какой-то

панике. Да, еще и раскричалась.

— Я к тебе не ругаться приехала.

— Так ты же со мной и ссоришься.

Я схватила подушку и со всей силы швырнула ее в Асаоку.

— О какой женитьбе может идти речь?! Ты же не зарабатываешь ни хрена, Асаока.

На душе стало легче. Я заметила, как он скривил рот, усмехнувшись. Подушка упала на татами вместе с недоеденным тортом.

— Ты, кажется, ходила на семинар по гендеру? — медленно спросил он. Ответить мне было нечего.

— Чем ты отличаешься от остальных идиоток? Что если бы мы поменялись полами? Разве мужчина не может жениться, если он не работает и не может содержать жену с детьми? Круты только те, кто бабло зарабатывает? Если я начну, как наш профессор, писать дурацкие книжонки по популярной психологии и получать за это гонорары, ты станешь меня уважать?

Он говорил и говорил, а я закрыла уши руками. Сегодня рождественская ночь и не время для подобных разговоров. Не время, когда хочется обо всем этом думать.

Не говоря ни слова, я надела пальто и выбежала

из его квартиры. Я рванула вниз по железной лестнице, только бы он не пытался вернуть меня. В голове гудело, я добежала до проспекта и только тогда остановилась.

Последний поезд уже ушел. Мимо иногда проезжали такси, но даже если бы я проголосовала, куда ехать, было непонятно. На дорогу до дома в такой поздний час потратишь около двадцати тысяч иен. Мне не то чтобы жалко денег, просто не хотелось туда. Я присела на скамейку на автобусной остановке и просмотрела всю записную книжку в моем телефоне. Никого, кто мог бы встретиться со мной в рождественскую ночь. Рядом находился университет, и иногда мимо меня проходили пьяные студенты. Они держались подальше, видимо, побаивались одинокую женщину, которая плакала в такую ночь. Я попробовала набрать номер дизайнера Оиси. У него стоял автоответчик — ничего удивительного. Цепляясь за эту соломинку, я оставила ему сообщение: “Позвони мне, если можешь”.

— Ой, Мито-сан, это ты?

Я сидела в кромешной тьме на холодной скамейке, не зная, что делать, и тут вдруг меня окликнули. Молодая парочка подозрительно смотрела на меня. Парень в шерстяной шапке

показался мне знакомым.

— Ты что, с Асаокой поссорилась?

Я постаралась улыбнуться. Незнакомая мне девушка, явно моложе меня, присела на корточки, спросила: “Все у тебя хорошо?” и протянула мне носовой платок. Мне одновременно сделалось и стыдно, и спокойно, и я опять разрыдалась.

В самом начале Нового года я помирилась с Асаокой. Первого января мне пришел от него мэйл с извинениями за ссору в Рождество. Я сказала родителям, что пошла отправить ответы на новогодние открытки, а сама позвонила Асаоке из телефонной будки. Голос у него был добрый, как будто мы и не ссорились. Он сказал, что встретил Новый год в одиночестве у себя дома, и у меня внутри все сжалось. Наверное, отцу это не понравится, но я предложила Асаоке встретиться завтра и пойти в храм на хацумодэ[14].

Второго января шел мелкий снег, народу в синтоистском храме в центре города, по сравнению с прошлым годом, было немного. Асаока надел свитер, который я ему связала еще когда училась в университете. От холода мы, как

---

[14] Примечания: 14

Хацумодэ — церемония первого посещения синтоистского храма в новом году.

маленькие зверьки, ходили по заснеженному храму, прижавшись друг к другу. Я бросала монетки, складывала ладони, но никакие желания мне в голову не приходили. Я молила бога только об одном: освободи уже и Асаоку, и меня.

В рождественскую ночь я осталась у парня, который занимался исследованиями в той же лаборатории, что и Асаока. Его девушка переживала обо мне больше, чем он, и настояла, чтобы я переночевала у них до первых поездов, хотя мне и было неудобно. Я испортила им Рождество и чувствовала себя неловко, но девушка, моложе меня на три года, почему-то была настроена ко мне очень по-дружески. Парень проговорил, грустно улыбаясь: “С Асаокой-то встречаться поди не сахар, да?”

— У него проблемы с чувством собственного достоинства, — сказал он, заваривая мне горячий лимонный напиток с имбирем. Сразу видно, специализируется на психологии. Я молча слушала. Так ли это? Я-то считала, что у Асаоки — огромное самолюбие.

— Хотя он, конечно, трудяга. Школу, кажется, не закончил, а вот вступительные экзамены сдал и с первого раза сразу же поступил в наш универ, — сказал парень так, как будто бы все

об этом знали. Я была удивлена, но, чтобы он не догадался, сделала вид, что мне об этом тоже известно. Интересно, про то, что он перевелся с юрфака другого института, Асаока тоже наврал? Как так получилось, что я до сих пор не знала подробностей биографии, которые были известны другим? Хотя я и не дружила с его приятелями, я была в шоке. Интересно, они от меня нарочно это скрывали или думали, что я в курсе? Мысли роились у меня в голове, и я, решив сменить тему разговора, спросила:

— Асаока с профессором не очень ладят, да?

— Да, у них были серьезные споры по поводу его докторской. Асаока с виду согласился, но обиду затаил.

Тут вмешалась девушка, сказав: “Сюн, ну хватит уже”. Затем мы положили ноги под одеяло столика-печки, смотрели ночные программы по ТВ и смеялись. От этого мне было легче, чем от расспросов про Асаоку. Я вернулась домой на первой электричке и, прежде чем отец начал на меня орать, извинилась сама. Наверное, я выглядела сильно уставшей, так что отец ограничился одной фразой: “Делай, что хочешь”.

Мы вышли из храма. Я предложила Асаоке пройтись немного полюбоваться снегом. Он сде-

лал вид, что ему не хочется, хотя на самом деле обрадовался. Мы сняли по перчатке и взялись за руки. На безымянном пальце, правда, правой, а не левой руки, у меня было надето кольцо. Асаока держал меня за эту руку, не отпуская.

Я смотрела на снег, который покрывал все вокруг и не таял, и многие вещи стали казаться пустяковыми. Я неоднократно повторяла: не понимаю, я не понимаю, но на самом деле где-то брезжили смутные догадки. А теперь и они покрылись мягким снегом, и мне полегчало. Я почувствовала, что на душе у меня стало безмятежно. Вот так бы идти, взявшись за руки с Асаокой и ни о чем не думать, размышляла я заиндевевшей головой, будто завороженная.

Прошла неделя с начала работы, и я заметила, что в отношении коллег ко мне появились какие-то трудноуловимые изменения. Мужчины не смотрели мне в глаза, женщины явно меня избегали. Я стала беспокоиться: вдруг я что-то сделала не так, и тут меня вызвал начальник.

В бланке заказа, который я спешно оформляла в конце года, были сплошные ошибки. Цифры отличались на порядок, я перепутала сроки поставки на месяц. За эти элементарные ошибки босс наорал на меня посреди офисного этажа. Он

иногда отпускал в мой адрес ироничные замечания, но чтобы повышать голос при всех — такого еще не бывало. Меня всю трясло, как раньше, когда я только что поступила на работу. Слезы полились сами собой, хотя плакать здесь совершенно не пристало. Босс вздохнул, добавил: “Я сам виноват, невнимательно проверил”, и велел мне извиниться перед клиентами и срочно все исправить.

Пока я названивала в разные места и исправляла документы, уставившись в компьютер, я с удивлением задумалась: неужели коллеги из-за этого изменили свое отношение ко мне? Да, это были непозволительные ошибки, но любой один-два раза может совершить такую оплошность. Коллеги, которые до сих пор меня подбадривали, делали вид, что меня не замечают. Значит, дело в чем-то другом. У меня возникли неприятные предчувствия.

Во второй половине дня проводилось совещание по поводу выпуска нового телефона, в компанию заглянул дизайнер Оиси. Обычно он по-свойски заговаривал со мной, но сейчас бросил на меня взгляд и тут же отвернулся. И тут я стала смутно соображать, что к чему. Наверное, откуда-то стало известно про нас с Оиси. Тогда

понятно, почему все стали так ко мне относиться. Вроде ерунда, а мне всерьез захотелось уволиться. Я с досадой вспомнила слова Асаоки: “Зачастую зерна своей неудачи ты сеешь сам”.

Вечером я попросила начальника проверить исправленные мной документы, а он спросил: “У тебя есть время вечером?” Это был третий раз, когда он звал меня поужинать. Первый раз случился, когда я поступила к нему в отдел, второй — когда я впервые допустила серьезную ошибку. Аппетита у меня не было совсем, но я заставляла себя есть, и оба раза потом маялась животом. Но отказываться было нельзя.

— Я слышал, ты собралась замуж. Это правда? — внезапно сказал Каваи. Так звали моего босса.

Мы сидели в пафосном ресторане сябу-сябу[15], куда, видимо, приходили только в корпоративных целях. Я собиралась опустить овощи в кипящую кастрюлю, но отложила палочки.

— Ходят такие слухи?

— Думаю, смысла скрывать нет. Но вместе с этими слухами говорят еще про Оиси и парня по имени Кэнъя.

---

[15] Примечания: 15

Сябу-сябу — блюдо японской кухни, суп с мясом и овощами, который клиенты сами готовят в большой низкой кастрюле — набэ.

В полном отчаянии я выпила залпом маленький бокал пива. Королева свиданий вслепую. Я была в шоке: я ей доверяла, а она меня предала. Конечно, я сама не белая овечка и попрекать ее не могу. Наверное, ее раздражало, что девушка, которая не знает, соглашаться ли на предложение о браке, с легкостью ложится в постель с кем попало. Даже Оиси был не в духе, что тоже понятно. Из-за этого мне и работать стало сложнее, да еще я ему на Рождество сообщение отправила от безысходности. Ничего удивительного, что он от меня отвернулся.

Я ждала, что босс подольет мне пива, но он то ли не заметил, то ли не хотел быть любезным со мной. Соблюдать политес уже не имело никакого смысла, и я сама наполнила бокал. На лице Каваи показалась едва заметная улыбка.

— Про замужество я пока не знаю. Про Оиси — правда. Прошу меня извинить.

— Что уж тут извиняться. Ты можешь делать все что тебе угодно. Но если ты будешь относиться к работе спустя рукава, то лучше тебе выйти замуж и уволиться, — прямо сказал он, и я опустила глаза. Я знала, что он может быть безжалостным, но все равно это меня задело.

— Господин Каваи, а вы женаты?

— Женат. У меня двое детей. Старший учится в третьем классе, — сказал он равнодушно, помешивая мясо в кастрюле. Он взял кусочек мяса, я смотрела ему в рот, думая: “Неужели такой человек, как он, добреет, возвращаясь домой?”

— У вас уже такой большой ребенок.

— Я женился студентом.

Услышав это, я вытаращила глаза. Ведь он тоже закончил докторантуру по психологии.

— Извините за мои вопросы. Как вам удавалось содержать семью? Ваша супруга тоже работала?

— Да. Она преподает. А почему ты спрашиваешь?

— Человек, за которого я думаю выйти замуж, учится в докторантуре.

Я уже была наполовину готова уволиться, да еще опьянела от пива, так что решила посоветоваться с Каваи по поводу Асаоки. Конечно, я не стала говорить, что мы живем без секса. Но, в общем и целом, рассказала, как мы стали встречаться, а также про отца. История была долгой, но босс слушал меня молча, и вроде бы его это не напрягало. Когда я закончила свой рассказ, воцарилась тишина, и я стала раскаиваться. Наверняка я его озадачила.

— Здесь скорее дело не в твоем бойфренде

или отце, а в том, что ты боишься успеха. Ты же училась психологии, да? — прямо сказал он, а я опустила плечи от отчаяния.

— Все-таки так, да?

— Значит, ты сама все понимаешь? Тогда и разговор короткий. Если будешь работать кое-как, то у других от тебя будут одни неприятности. Так что работай на полную, чтобы прокормить своего парня.

— Да не хочу я.

— Чему ты тогда вообще училась?! Горе для родителей, которые столько вбухали в твое обучение.

И тут мы оба рассмеялись. Хотя я смеялась негромко, но мне показалось, что я впервые за долгое время смеюсь искренне.

— Я вспомнил в связи с “дилеммой заключенного”. Не знаю, пригодится тебе это или нет, но каждый год на Рождество у нас возникает дилемма.

После смеха у меня внезапно появился аппетит, и я взяла палочками кусочек мяса.

— На Рождество моя жена старается, печет пирог и делит его на четыре куска. Я не люблю сладкое, поем немного и отдаю остальное детям. Они режут его пополам, и каждый год ссорятся

из-за того, чей кусок больше.

— У вас такая счастливая семья, — с улыбкой сказала я, а босс, откашлявшись, продолжил:

— Я сейчас не об этом. В прошлом году они опять ссорились, и жена придумала решение. Угадай, какое?

Я задумалась.

— Мы решили, чтобы дети сами отрезали куски. Старший режет, а младший берет тот кусок, который кажется ему больше.

— А-а, вот как? — кивнула я. Если оба хотят большие куски, то старший, у которого нож, должен разрезать пирог на равные части. Если же он сделает их неравными, то младший заберет себе больший кусок.

— Умная у вас жена.

— Говорю же тебе, что я не об этом.

Напоследок, пока я ела удон, босс еще раз строго указал мне, чтобы я серьезно относилась к своим рабочим обязанностям. На обратном пути в электричке я размышляла о страхе успеха и словах Каваи. Я боялась, что Асаока возненавидит меня. Если мы сейчас поженимся и я буду финансовой опорой нашей семьи, то это ранит его гордость. Но во мне совершенно не было уверенности, что я смогу принимать его таким, какой он есть.

По возможности я всегда хотела бы оставаться слабой. Так же, как это было до сих пор в течение долгого времени: Асаока — взрослый и умный, а я спокойно следую за ним.

Я и не успела заметить, как у отца прибавилось седых волос. Когда-нибудь наступит день, и я должна буду защищать его и заботиться о нем. Мне страшно было это признать.

Я смотрела на спящих в вечерней электричке клерков и думала, что мужчины, с одной стороны, крутые, а с другой — их жалко. Если ты родился мужиком, то от тебя требуют, чтобы ты был сильным и на работе, и в семье. Маленьким куском пирога они не ограничиваются.

А мы с Асаокой — слабовольные дети, каждый из которых навязывает другому отрезать кусок побольше. Я вновь подумала, что мы два сапога пара.

В следующий выходной Асаока позвал меня. Идти мне не хотелось, но я все-таки собралась, полная решимости узнать его настоящую биографию. К моему удивлению, дома у него оказалась пожилая женщина. Это была его мать. Она низко склонила голову передо мной. Я полагала, что уже привыкла к внезапным атакам Асаоки, но эта значительно выбила меня из колеи.

— Прошу извинить меня — вы так много делаете для моего мальчика.

Моя мать старается молодиться, а вот мать Асаоки выглядела настолько пожилой, что ее легко можно было бы назвать бабушкой. Я поклонилась, сказав: “Рада познакомиться”, с волнением посматривая на Асаоку.

— Она совершенно неожиданно приехала. Могла бы и предупредить, — сказал Асаока, но, несмотря на свои слова, он выглядел радостно. Действительно ли она приехала неожиданно? До сих пор такого ни разу не бывало, но даже если он не врал, я подозревала, что он что-то сказал матери, отчего она захотела приехать к нему без предупреждения.

— Вас Мито зовут, да? Я скоро поеду домой. Простите.

— Что вы! Скажете тоже… Это я пойду. Не буду вам мешать.

— Нет, не стоит. Это я к вам внезапно нагрянула. Садитесь, пожалуйста. Извините.

Его мать непрерывно извинялась и это меня напрягало. Для чего и в чем нужно так извиняться?

— А-а. У меня только кофе есть. Мам, ты же кофе не пьешь, да? Я пойду куплю чего-нибудь, — сказал он.

Что за театр? Я хотела было сказать: “Давайте я схожу”, но не стала этого делать. Наверняка он все спланировал. Вообще-то мне захотелось остаться с ней наедине и выведать, что он задумал.

Асаока надел куртку и вышел. В комнате воцарилась звенящая тишина. Я даже подумала, не включить ли радио, но мне почему-то было неприятно показывать, что я в этой квартире как у себя дома.

— Простите за моего сына.

Мать Асаоки опять стала извиняться. Ее хорошо уложенные седые волосы и кардиган, похожий на кашемировый, выглядели дорого, но тем страннее был разрыв между ее внешним видом и поведением.

— Э-э. А вы сегодня приехали, потому что у вас какие-то дела? — начала я издалека, стараясь не показаться невежливой.

— Да какие там дела. Я узнала, что сын женится, вот и прилетела сразу.

Что и требовалось доказать. Я хотела было вздохнуть, но сдержалась.

— Как видите, он у нас себе на уме. Вы уж извините за те неудобства, которые он вам приносит, но прошу вас, позаботьтесь о нем.

Мать склонила голову, а я поспешила с ней не

согласиться.

— Подождите, пожалуйста. Вопрос нашей свадьбы пока не решен.

— Правда?

В этот момент стоявший в углу комнаты керосиновый обогреватель прекратил гудеть. Мы с матерью Асаоки одновременно посмотрели на него.

— Ой, наверное, керосин закончился? А у него запас есть?

Растерявшись, она хотела было встать, но я остановила ее.

— Послушайте. На самом деле в нашем браке пока нет никакого смысла.

— Ах, да быть такого не может. Я слышала, Мито, вы работаете в очень хорошей компании, а пока сын учится, мы будем помогать финансово, — как ни в чем ни бывало сказала она. А потом встала, повторяя: “Керосин, где же керосин”.

— Мы живем в провинции, но у мужа несколько элитных домов и доход от аренды. И когда-нибудь все это перейдет сыну. Мито, вам не стоит беспокоиться, — сказала мать, стоя ко мне спиной. Ах, вот как? Значит — пронзила меня внезапная догадка — и угощение на мой день рождения, и кольцо, и его походы по борделям — все из этих

денег. Но и я ведь такая же. Живу в доме, который построил мой отец, на его зарплату училась в школе и университете, да и деньги на свидания с Асаокой — в общем-то из того же источника.

— Простите, — теперь был мой черед извиняться перед матерью Асаоки, которая нашла красную канистру на кухне. — Не могли бы вы уехать сегодня?

Она обернулась, вытаращив глаза, и начала орать что-то нечленораздельное на диалекте. — Это мы платим за эту квартиру, — рассерженно говорила она.

— Хорошо, тогда уйду я, — сказала я, накинув на плечи пальто. Я закрыла дверь квартиры, в которой воняло керосином, и направилась к автобусной остановке.

Когда я собиралась сесть в автобус, я заметила, что Асаока бежит в мою сторону. Я хотела было зайти, проигнорировав его, но подумала, что это уж слишком, и решила подождать.

— Ты чего вдруг? Что за отношение?!

Запыхавшись, он схватил меня за руку. Я оттолкнула его.

— Дело в тебе, Асаока. Как ребенок малый, натравил на меня свою мать, — спокойно сказала я холодным тоном. Асаока, у которого всегда

находились возражения, теперь выглядел подавленно.

— Послушай. Ты же на самом деле прекрасно понимаешь, что я чувствую. Разве ты не заметил, что я тебе изменяю?

Его и без того бледное лицо стало еще белее. Мне даже захотелось заплакать.

— Ты расстанешься со мной, если я скажу, что не выйду за тебя?

— Почему нужно расставаться?

— А почему нужно не расставаться? Сколько ни настаивай, я замуж за тебя не выйду.

Проходившие мимо студенты с интересом поглядывали на наш спор о том, расстаемся мы или нет.

Он выглядел как ребенок, которому дали в руки нож и сказали: “Разрежь пирог пополам”, исступленно размышляя о своих желаниях и выгоде. Я подумала, что наверняка и я долгое время выглядела точно так же.

Пришел следующий автобус, и я зашла в него. Асаока стоял, застыв, на каменном тротуаре и, не отрываясь, смотрел, как автобус удаляется от него.

Справочная литература: “Дилемма заключенного” Уильям Паундстоун

Завтра, в котором есть любовь

Я никогда не мечтал открыть закусочную. И в мыслях такого не было, ровно до того, как я решил бросить работу в компании.

Всякий раз, когда я заканчиваю готовить, мою руки, переодеваюсь в чистую синюю рубашку-кимоно и передник и закуриваю, меня охватывают странные чувства. Старая стойка, стены и потолок с дешевой отделкой. Ровные ряды баночек с приправами и алюминиевых пепельниц. Через час тесную закусочную, в которой только двенадцать мест у стойки, заполнят постоянные клиенты и случайные прохожие, в помещении воцарятся шум и гам, запах дыма от сигарет и шашлычков, поджариваемых на углях.

Перед открытием я представляю себе события сегодняшнего вечера, и меня охватывает странная смесь дискомфорта и спокойствия. Я не должен жить так. Горечь тонким слоем откладывается у меня на сердце, а поверх нее — мягкое, щемящее удовлетворение и смирение. Чем-то похоже на кремовый пудинг, который я ем время от времени. Всякий раз мне приходит в голову

такая дурацкая ассоциация.

Простенькие часы на стене показывали пять, и я встал, потушив сигарету. Одновременно открылась раздвижная дверь, и вошел парнишка, который подрабатывал у меня. Еще вчера он был блондином, а сегодня его голова стала ярко-розовой.

— Чего это ты? Сейчас мода такая?

— Добрый вечер.

— Ты похож на крашеного цыпленка, которых раньше на базарах продавали.

— Я голодный. Чего у нас сегодня поесть можно?

— Слушай, что я говорю. Есть острый тофу с мясом. Еще вчерашнее рагу осталось, можешь его взять.

Разговор не клеился. Я придержал короткие занавески-норэн с названием закусочной и открыл дверь. Розововолосый Такуро поставил гитару в кофре на стул, тут же направился к рисоварке и поднял крышку. Я вышел на улицу и посмотрел на небо. Из низких туч прямо сейчас готов был полить холодный дождь. Немного дождя бы не помешало — посетителей пришло бы побольше, но в дневном прогнозе погоды обещали снегопад. Я включил истрепанный электрический фонарь

и вернулся в закусочную. На краю стойки Такуро с дикой скоростью поглощал тофу на рисе. Худющий, как спичка, а столько ест. То ли по молодости, то ли по бедности, то ли и то, и другое.

В пять минут шестого, как обычно, появился первый посетитель. Молчаливый дедуля, который, кажется, жил неподалеку. Он приходил практически каждый день сразу после открытия. Видимо, заглядывал сюда после бани — у него всегда с собой был таз, в котором лежали полотенце и бумажник. Даже летом он обходился без пива, но всегда просил два графинчика теплого саке и немного закусок, сидел с рассеянным видом часа два и уходил. Идеальный гость.

— Добро пожаловать. Холодно сегодня, да?

— Угу, вечером вроде снег обещают.

Банный дедушка занял другой край стойки и больше ничего не говорил. Такуро отнес гитару на склад, помыл за собой посуду, надел на футболку рубашку-кимоно, и тут стали постепенно появляться знакомые клиенты. В основном пожилые владельцы магазинчиков из торгового квартала или пенсионеры. Клерки, возвращавшиеся после работы, заходили после семи.

Открылась дверь, послышался женский голос: “Холодрыга”. Кто-то окликнул ее: “Привет, Суми-

тян!” Я резал лук, не поднимая головы. Молчать было странно, поэтому я буркнул: “Добро пожаловать”, стараясь не смотреть на женщину.

— Уже снег пошел. Мадзима-сан, сделай мне сётю[16] с горячей водой.

Говорил же ей, не называй меня по фамилии. Я щелкнул языком от досады. Конечно, от “командир” меня начинает тошнить, но хотя бы “приятель”, “хозяин” или “дядя” на худой конец. Я молча разбавил сётю горячей водой из термопота и поставил бокал перед ней.

— Суми-тян, ты так легко одета. Тебе не холодно?

К ней тотчас же подсел зеленщик.

— Нет, я же молодая.

— Давай я тебе свитер куплю.

— Правда? Универмаг у вокзала до десяти работает, давай зайдем.

Сумиэ победоносно посмотрела на меня. Я взглянул на нее с укоризной, а она, не обращая на меня внимания, размяла палочками маринованную сливу в коктейле.

Она, с одной стороны, моя гостья, а с другой — не совсем. Потому что она сейчас живет у меня.

---

[16] Примечания: 16

Сётю — японский крепкий спиртной напиток от 20% до 45%, дистиллят из риса, ржи или сладкого картофеля.

Посетители, наверное, думают: “Что-то между ними есть”, но вряд ли им известно, что мы живем вместе. Мы с Такуро об этом не говорим, а как Сумиэ, не знаю. Но раз клиенты об этом не заикаются, значит, она молчит. Не потому, что она такая серьезная, а потому, что узнай они, что она — женщина хозяина, то перестанут с ней заигрывать, думал я.

Наступило время непостоянных клиентов, которые заходили внутрь, раздвигая короткие занавески-норэн. Мы с Такуро погрузились в хлопоты, и как раз в это время в закусочную зашли две случайные гостьи, которые выглядели робко. Явно не за выпивкой заглянули. Я намеренно проигнорировал их, и они окликнули Такуро, который жарил шашлычки недалеко от входа.

— Извините, нам сказали, что у вас тут по руке гадают…

Такуро, не говоря ни слова, показал подбородком на стойку в форме буквы “П”. Сумиэ весело болтала с зеленщиком. Только этого еще нам не хватало, подумал я и тихо сказал Сумиэ: “К тебе пришли”. Она подняла голову и помахала рукой двум топчущимся у входа посетительницам, похожим на офисных сотрудниц. “Сюда, сюда!” — позвала она их, как старая подруга, и проводила

к единственному столику в глубине, не выпуская стакан из руки. Над столиком хранили приправы, палочки для еды и всякую всячину, так что обычных клиентов мы за него не сажали.

Сумиэ и посетительницы уселись друг напротив друг друга в этой тесноте. Она сама приняла у них заказ. Одна из женщин медленно протянула Сумиэ ладони. Было видно, что она напряжена. Она даже не сняла пальто и не прикоснулась к пиву, которое принес ей Такуро, только внимательно слушала то, что говорила ей Сумиэ. Вторая, похоже, пришла за компанию. Она пила пиво маленькими глотками, видимо, чувствуя себя неуютно.

— Хозяин, что это? — спросил клерк, который недавно стал захаживать сюда.

— Гадание по руке. В закусочной.

— О-о. Это ты ее нанял?

— Нет, она сама.

— И процент тебе не платит?

— Откуда. Она сама за гадание денег не берет.

Для меня и постоянных клиентов в этом уже не было ничего необыкновенного, а другие, наверное, удивлялись.

— Все эти гадания… Заливают, мол, ты выглядишь сильным, но на самом деле ранимый, —

сказал клерк с отвращением.

— Просто развлечение. Как раньше приходили в закусочные люди с гитарой и начинали играть.

Услышав про гадание, люди делятся на две категории: одним интересно, другие выражают неприязнь. Я вообще-то тоже отношусь скорее ко вторым. Но в самом начале я упустил момент и не сказал: “Нечего заниматься в моей закусочной чем попало”. Вот так потихоньку все и пошло-поехало.

Через полчаса у женщины покатились слезы. Так бывало всегда, но непривычных посетителей это шокировало. Не то чтобы Сумиэ нарочно говорила что-то злое, от чего клиентки начинали плакать. Но, узнав о ней по сарафанному радио, они приходили сюда, чтобы им погадали, так что, наверное, у них были довольно серьезные проблемы, и какой бы мошенницей ни оказалась гадалка, открывшись перед ней, они в один миг чувствовали, как тяжелый груз свалился с их плеч. К тому же, как ни странно, гадать у Сумиэ получалось, да и советы она давала меткие. Учитель начальных классов, который иногда захаживал сюда, говорил: “Она умеет слушать людей”. Действительно ли? Я вот считал ее абсолютно неспособной услышать другого.

Две офисные работницы вышли из закусочной, заплатив за себя и за Сумиэ. Вместо оплаты услуг она просила клиентов покупать ей напитки. Сумиэ вернулась к стойке, держа тарелочку с закусками, к которым не притронулись женщины, и стала есть их как ни в чем ни бывало.

— А какие проблемы у твоих сегодняшних клиенток? — спросил зеленщик у Сумиэ. Лицо у него было красное.

— Понятное дело, что все проблемы девушек из-за любви. Ну и хватит об этом, пойдем лучше в универмаг Сэйю, а то закроется.

— Вот как. Ты не забыла.

Она быстро прикончила закуски, допила оставшееся саке и в прекрасном расположении духа вышла из закусочной вместе с зеленщиком. Другой постоянный клиент сказал, подшучивая: “Что, хозяин, спокойней стало”. Улыбаясь, я зыркнул на него — и он поспешно переключился на разговор со своим соседом.

В одиннадцать, когда закусочная закрывалась, Такуро живенько ушел, даже не прибравшись. Ничего не поделаешь, я нанял его ровно с пяти до одиннадцати вечера, без ранних выходов на работу и переработок. Хотя не могу сказать, что совсем на него не сердился. Я в одиночестве мыл

посуду, когда услышал пьяный голос: “А вот и я”. Сумиэ вернулась. Она сняла бомбер, под ним оказался дешевенький свитер странно розового цвета.

— Купил мне.

— Да, к тому же ты с ним еще и выпила.

— Это мое дело.

— Бесплатный сыр, знаешь, где бывает?

— Ты чего это. Японский это сложно, — как ни в чем ни бывало заметила она, сняла свитер и зашла за стойку, оказавшись в одной футболке. Она отобрала у меня губку и принялась мыть посуду. Я не просил ее об этом, но, когда у нее было настроение, она помогала мне в закусочной. Иногда она готовила, а когда в рабочие часы мы с Такуро были в запаре, убирала тарелки и подносила заказы. Правда, она была девушкой с характером, так что могла и когда мы были заняты или когда Такуро не выходил на работу, взять и спокойно уйти с кем-нибудь из посетителей в другой ресторан, так что рассчитывать на нее не приходилось.

Я зажег сигарету, сел рядом, смотря на пьяную Сумиэ, которая мыла тарелки и стаканы, что-то напевая. Мы, конечно, были в помещении, но как она умудряется ходить в феврале в одной

футболке? Такуро худющий, но и Сумиэ стройная, похожа на девочку-подростка. Ни груди, ни попы, ручки и ножки белые и тоненькие, как у куклы. Волосы она раньше красила, но корни уже сильно отросли, блеска нет, кончики секутся. Однако в этом есть какая-то своя грубая прелесть. Если бы при этом она была красоткой, то жизнь ее сложилась бы по-другому, думаю я, но не говорю об этом вслух. Она симпатичная, но на белом лице у нее веснушки, глаза узенькие, как ниточки, и расположены далековато друг от друга, рот выглядит то ли наивно, то ли вульгарно, в общем, большой. Но такие лица мужики любят. Красивые женщины безупречны. О ней же такого не скажешь. Она веселая, хорошо умеет обходиться с пьяными, и если бы занялась ресторанным бизнесом, то была бы хозяйкой успешного бара.

— Ты голодная? Еда еще осталась.

— Нет, зеленщик угостил меня жареным мясом.

— Слушай, я много раз тебе говорил…

— Я знаю, где бывает бесплатный сыр, да? Только с какой стати зеленщику меня насиловать или продавать кому-нибудь?

Я не это имею в виду, чуть не выскочило у меня, но я не стал говорить. Вряд ли у нее есть пред-

ставления о приличиях, да и у меня нет права этого требовать.

Я молча помыл пол и туалет, а когда я закончил, она убрала все за стойку, и мы вместе вышли на улицу. На асфальте тонким слоем лежал снег, с неба шел ледяной дождь со снегом. “Холодрыга”, — сказала она и обхватила обеими руками мою руку, а я раскрыл зонт. Сколько бы мы этого ни скрывали, но когда-нибудь наступит день, и посетители узнают, что мы живем вместе. Мне в общем-то все равно, но сложно работать, когда среди клиентов твоя женщина. Я недавно говорил ей, что было бы хорошо, если бы она у меня подрабатывала, но она отказалась не задумываясь. Извини, говорит, но работа — это не про меня. “Будешь командовать — я уйду”, — сказала она нежно, скорее не угрожая, а сочувствуя.

Мы пришли домой — всего десять минут пешком. Она включила керосиновый обогреватель и плиту на кухне, поставила чайник, запустила газовый обогрев для ванны. Только я подумал, что она включила все источники тепла в квартире, как она также сняла свой бомбер и свитер, купленный в универмаге, а также носки и джинсы. Неужели она не чувствует холода?

В одной футболке она собиралась налить чай, а

я инстинктивно протянул руку к ее спине. Обняв ее, я ощутил ее сухой запах. Она улыбнулась, повернулась ко мне и прикоснулась губами к моим губам. В одно мгновение я почувствовал, как откликается нижняя часть моего тела. Что я делаю? Ведь я так много натерпелся от женщин. Я просунул руку под подол ее футболки и расстегнул лифчик, купленный мною. Я обхватил ладонью ее маленькую грудь, а она рассмеялась. Кто она? Что я делаю? Я опять почувствовал карамельный привкус в глубине души и принял ее в свои объятья.

Сумиэ появилась в закусочной где-то около полугода назад, ровно через два года после открытия. Если раньше я еле-еле сводил концы с концами, выплачивая зарплату Такуро, то теперь все начинало налаживаться, ежемесячная выручка поднялась до двух миллионов иен с лишним, и я мог вздохнуть спокойно.

Она пришла вдвоем с каким-то мужиком. Оба с выкрашенными в каштановый волосами, в майках, шортах и шлепках. Они липли друг к другу, ни на кого не обращая внимания. “Хулиганы какие-то”, — подумал я. Они несколько раз приходили выпить, потом пропали, и я уже решил, что они больше не появятся, пока однажды вдруг

Сумиэ не пришла одна. Левая часть ее лица слегка опухла, под глазом виднелся синяк, желтый у краев. Кто-то из постоянных клиентов спросил ее, что случилось. А она беззаботно ответила: “Он сказал мне: «Я переезжаю, поехали с мной». Я отказалась, а он меня избил”.

Честно говоря, я тогда подумал: “Вот засада”. К тому же я и без этого не люблю общаться с посетительницами женского пола. А тут еще такая женщина с прошлым, не очень хорошая гостья. Однако вопреки моим опасениям постоянные клиенты среднего возраста громко ей сочувствовали, и когда она приходила, всегда находился тот, кто оплачивал ей счет. В знак благодарности она стала гадать им по руке. Не знаю, училась она где-нибудь этому или нет, но она угадывала, кто во сколько лет женился, сколько детей родилось, когда изменил и когда наступил кризис в семье, и это вызывало восхищенные возгласы клиентов. Смотри, у тебя четко выражена линия любви, так и будешь изменять жене. А линия брака у тебя толстая, так что не разведешься. Но тебе нужно беречь свою жену. Линии на руке изменятся, если будешь вести себя неподобающе.

Вот так Сумиэ развлекала посетителей. Она мгновенно стала популярной, и запретить ей

приходить я не мог: ведь ее еду и выпивку оплачивали. Она стала появляться в закусочной каждый вечер, гадала кому-нибудь, и тот оплачивал ей счет, а потом в большинстве случаев она шла с этим посетителем еще в какое-нибудь заведение. Тогда я думал о ней, что она странная бабенка, слабая на передок, и ничего больше. Она значительно отличалась от женщин, которые мне нравились, и я все ждал повода, чтобы сказать ей: “Не приходи сюда больше”.

Все изменилось в конце августа, когда Такуро сказал мне: “Она, похоже, на улице в парке ночует”. Такуро был геем (я его как-то спросил: “Ты гомик?”, а он настоял на том, что он именно гей) и интереса к женщинам не испытывал, но у него были моральные принципы. И он сердился: “Если она будет ночевать в таком месте, то все это плохо закончится!” Он всегда был чем-то недоволен, но его беспокойство по поводу посетительницы выглядело необычным.

В общем, можно было попросить Такуро посмотреть, что происходит, но сразу после работы он бежал на репетицию своей группы. А я в принципе не имел к ней никакого отношения. Какое дело: уходят посетители в другое заведение, спят ли друг с другом или ночуют на улице. Но поче-

му-то слова Такуро запали мне в душу. Закрыв закусочную, я пошел в парк, где она ночевала. Парк был большой, в нем размещались библиотека и детский центр, а деревьев росло так много, что можно было бы назвать его лесом, и вечером там было небезопасно. На скамейках спали пьяные бездомные мужики, в глубине слышались стоны парочек.

Я отправился разыскивать ее, бормоча: “Вот бы полиция пришла и всех разогнала”. Искусанный оводами, я наконец обнаружил Сумиэ. Она крепко спала под детской горкой в форме слона рядом с песочницей. Я и не подозревал, что она может находиться в таком месте. Даже рассердился на себя, что искал ее. Хобот огромного слона-горки служил спуском, в районе живота был тоннель, в котором могли играть дети — там она и спала калачиком, подложив под голову рюкзак, с которым не расставалась. Я несколько раз окликнул ее, но она не просыпалась. Делать было нечего, я потряс ее за плечо, она вздрогнула от удивления и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. Когда она поняла, что перед ней — хозяин закусочной, куда она постоянно ходит, то беззаботно засмеялась: “Это еще что такое”.

— Приходи ко мне, если тебе негде ночевать.

Я и не собирался такое предлагать, но, увидев на мгновение ее испуганный взгляд, не смог оставить ее одну. Пусть я и не имею к ней отношения, но мне бы не хотелось узнать, что мою постоянную гостью изнасиловали в парке. Она не сказала ни “можно?”, ни “извините”, а крикнула: “Вау! Мне повезло!” Никакой скромности, но уже было поздно раскаиваться в своем идиотизме. Мы пришли ко мне, она посмотрела на табличку с именем, которую написал арендодатель красивым размашистым почерком, совсем не подходящим к моей квартире, и рассмеялась.

— Макото Мадзима[17]?

— И что? Что тут смешного?

— Идеально тебе подходит. Можно называть тебя “Мадзио”?

— Что за глупости?! — заорал я на нее, но она без тени раскаяния осмотрела кухню и комнату в шесть татами моей обшарпанной квартирки и неожиданно сказала: “Как у тебя просторно”.

Я присмотрелся к ней: волосы спутанные, руки и ноги грязные. Вот как человек оказывается на улице? — думал я. Я налил горячей воды в ванну и велел ей помыться. Она с радостью просидела

---

[17] Примечания: 17

Макото — мужское имя, означающее “истина”, “правда”, Мадзима — буквально “остров истины”.

там долгое время. Когда она вышла, от нее пахло моим шампунем и на ней была моя футболка. Я хотел ее расспросить: как ее зовут, откуда она родом, почему оказалась на улице и не ночует дома, но она сказала: “Спасибо тебе за доброту” и обняла меня. Я ответил: “Прекрати”, и оттолкнул ее. А она все равно, будто в шутку, присосалась ко мне губами. Сопротивляться было бесполезно, и не прошло и десяти минут, как она меня оседлала. В голове пронеслись мысли: “Вдруг она чем-то больна” или “Можно ли это назвать изнасилованием?”, но огонь уже зажегся, и я не в силах был справиться с возбуждением. Я давно не имел дела с обычными женщинами, не из борделя. Я смотрел, как она, тоненькая, как ребенок, сладко стонет в такт моим движениям, хмуря брови, и постепенно распалялся. Я кончил, даже не успев надеть презерватив. Окончательно утратив контроль над собой, я желал ее снова и снова, пока не обессилел. К рассвету я наконец-то пришел в себя, смотрел на нее, беззаботно спавшую рядом с мной, и рассеянно думал о том, как она таким образом прыгает от мужика к мужику. Хотя именно такая женщина, может, мне и подходит — и впервые за долгое время я уснул в умиротворенном расположении духа.

Не помню, был ли сегодня Валентинов день или еще что-то, но в десять минут шестого банный дедушка так и не появился. Иногда он не приходил, но я немного забеспокоился, не заболел ли он. Я понял, что даже не знаю ни его имени, ни где он живет.

Помимо него у меня были еще постоянные гости, но я не заговаривал с ними и ни о чем не спрашивал. Терпеть не могу заведения, где громко шумят и относятся к завсегдатаям, как к членам семьи. Мне хотелось, чтобы любой гость чувствовал себя комфортно, и я одинаково общался со всеми, не разделяя постоянных посетителей и новичков. Я специально не продумывал сложное меню: свежее сасими из чего-сегодня-наловили, что-нибудь жареное, без претензий, да и саке — никакого премиального дайгиндзё. И саке, и сётю, и пива у меня было по одной марке. Но именно такие заведения необходимы людям. Точнее, оно необходимо мне. Когда после окончания работы идешь домой, то видишь на холодной улице красный фонарь, который горит теплее, чем огни минимаркета. Тут можно болтать с людьми, с которыми ты никак не связан, или спрятаться и молча пить саке. Вот что для меня идеальное заведение.

В моей идеальной закусочной не видно никого, хотя уже около шести. Сумиэ, которая, как ни удивительно, сегодня помогла мне с готовкой, болтала через стойку в углу с Такуро. Я не собирался подслушивать, но до меня доносились обрывки фраз: они обсуждали английскую рок-группу, популярную в мои студенческие годы. Судя по всему, они оба случайно попали на ее единственный концерт в Японии и теперь оживленно обсуждали его. Я ни на грамм не интересовался музыкой, поэтому нарочно протирал от пыли бутылки саке на полке. Не знаю, сколько лет Сумиэ, но, судя по их разговору с Такуро, они ровесники.

Как ни странно, Такуро и Сумиэ хорошо ладили. Когда Сумиэ стала жить у меня и иногда помогать с работой в закусочной, мне казалось, что Такуро будет против. Он наверняка заметил, что я поселил Сумиэ у себя, но ничего не говорил. Мы не вмешивались в жизнь друг друга, обсуждая только рабочие моменты, но в отношении закусочной Такуро тоже имел право голоса. Некоторое время он игнорировал Сумиэ (хотя он игнорировал практически все, что не касалось заказов и расчета за кассой). Она же легко заговаривала с ним, так же как с другими посетителями. Вскоре он

стал реагировать на ее слова, а потом они стали болтать, пока не было клиентов. Это даже выглядело забавным, как будто две бездомные кошки постепенно осваивают территорию.

Однако хотя я знал, что Такуро не испытывает сексуального влечения к Сумиэ, видеть их радостную болтовню мне было неприятно. По внешнему виду Такуро гораздо больше подходил Сумиэ, чем я.

Я познакомился с Такуро до того, как открыл закусочную, во франшизе ресторана с куриными шашлычками, где зарабатывал себе на пропитание и хотел получить лицензию повара. Такуро подрабатывал: тогда у него были коротко стриженные светлые волосы, пирсинг в ушах, в бровях и губах. Несмотря на внешность, он был серьезен, немногословен и хорошо работал. Я постоянно думал о том, чтобы позвать его работать к себе, когда открою свое заведение. Но я боялся, что Такуро отнесется ко мне настороженно, поэтому и не пытался поговорить с ним по душам. Только когда у меня появились перспективы самостоятельного бизнеса, я прозондировал почву, и он не особенно удивился. Видимо, мое желание освоить ноу-хау управления рестораном на примере этой франшизы было настолько неприкрытым,

что проявлялось и в моем отношении.

Не изменившись в лице, Такуро сказал, что играет в группе и хочет стать профессиональным музыкантом, поэтому не может устроиться на постоянную работу. Что он будет работать с вечера до закрытия закусочной, но не больше. И даже поставил условие: не выходить на работу в дни концертов. На самом деле мне бы хотелось устроить его в штат, но так как его не надо было ничему учить и он сказал, что зарплату ему можно платить обычную, то я решил: “Пусть подрабатывает”. Мы подписали договор. Я пошутил, что если в закусочной будет работать такой парень, как он, то от посетительниц отбоя не будет. А он ответил: “Я гей”, и усмехнулся. Я, не подумав, спросил: “Ты гомик?”, а он поправил меня: “Гей”. Я застыл в размышлениях, чем гомик отличается от гея, а он добавил: “Вам же, Мадзима-сан, не любая женщина подойдет, правда? Так и мне не любой мужчина”.

Сумиэ и Такуро рассмеялись, и тут открылась дверь закусочной. В нее заглянул пожилой мужчина. Он посмотрел на меня и с улыбкой поздоровался.

— Ёдобаси-сан, давно не виделись.

Я поспешно встал.

— Вот уж действительно давно не виделись. Как твои дела?

— А вы когда из больницы выписались?

— М-м. На прошлой неделе. Говорят, спиртное нельзя, но налей-ка мне тепленького саке.

Я на мгновение задумался: можно ли подавать алкоголь гостю, которому запретил пить врач? Но человек сам выбирает, радостно выпить и умереть пораньше или скучную трезвую жизнь.

Сумиэ, в общем-то, посетительница, поэтому перед ней стояла большая кружка пива и закуска. Ёдобаси сел через стул от нее.

— Красотка, у тебя с Такуро что и как? — спросил он Сумиэ с пошлой усмешечкой.

— Он гей.

— О как. Значит, с Мадзимой?

— Дядь, а тебе зачем знать, с кем я?

— Это потому, что ты красотка. Пойдешь за меня?

— А твоя жена где?

— Три года уже как умерла. Так что, наверное, простит, если я снова женюсь.

— Она на меня похожа была?

— Похожа, как же… Моя-то скорее на корову была похожа или на бегемота, чем на человека.

В одно мгновение у них завязался откровенный

разговор, и они стали перешучиваться. Я привык к тому, что Сумиэ быстро сближается с клиентами, но ее общение с Ёдобаси вызывало во мне напряжение.

Он когда-то владел этой закусочной и иногда заходил сюда освежить воспоминания. Три года назад он появился как нельзя вовремя: я в муках искал заведение для покупки. Всякий, кто хочет заниматься ресторанным бизнесом, ищет себе хорошо расположенное место с низкой арендной платой. Мне нужно было найти помещение не больше пятидесяти квадратных метров, не слишком просторное, но и не слишком тесное, около вокзала в центральной части города, лучше у дороги, с арендой максимум двести пятьдесят тысяч иен в месяц. Сколько я ни искал, ничего подобного не находилось. Я ломал себе голову, от чего отказаться: от расположения или аренды, и когда риелтор обнаружил подходящий вариант, я воодушевленно позвонил ему. Оказалось, что владелец одной старой закусочной, которая находилась в городке в часе езды от центра, овдовел и захотел продать ее.

Сам городок был обычным спальным районом. Из-за построенного рядом с вокзалом супермаркета торговые ряды опустели. Закусочная

располагалась в труднонаходимом переулке неподалеку от торговых рядов у вокзала. Недавно район стали застраивать офисными зданиями и элитными жилыми домами, так что можно было ждать новых клиентов. Хозяин заведения, Ёдобаси, внезапно потерял жену и пребывал в подавленном состоянии, но при этом ввел меня в курс дела. В принципе продавец не должен навязывать своего мнения новому владельцу, но он всерьез просил оставить прежнюю атмосферу заведения, насколько возможно.

Помещение, которое он мне показал, настолько отвечало моему идеалу, что ничего другого я и не желал. Неширокий фасад, старинные бумажные фонари. Замусоленная стойка, за которой десятилетиями сидели гости. Из нового, чистенького заведения можно сделать все что угодно, были бы только деньги, но на них не купишь ту атмосферу, которая создается годами. Я принял мгновенное решение и пообещал оставить название и максимально ничего не менять, кроме кухни. Ёдобаси пожал мне руку и даже прослезился: “Здорово, что мне удалось встретить такого мужика, как ты”.

Но мое впечатление о добром хозяине быстро рассеялось. Мы заключили официальный договор и пошли, само собой, отметить. Первое место,

в которое мы направились, была ничем неприметная сусичная в торговом районе города. А вот дальше нас понесло. Я, конечно, тоже виноват в том, что сам себе придумал образ упрямого хозяина закусочной, но второе заведение оказалось баром на окраине города, куда он, видимо, часто захаживал. Здесь он хлестал алкоголь, как из рога изобилия, и стал приставать к девушкам, хватая их за разные места. В третьем баре на это смотрели как на должное. Я убеждал его, что нам пора, но он ударил меня по голове и повел меня в четвертый бар с филиппинками. Там была его подружка, как я понимаю, и он заставил меня выпить сколько смогу, а сам укатил куда-то с ней на машине. Начиная с первой сусичной за все платил я. Хотя он продал мне хорошее заведение, я чувствовал себя обманутым. Старый развратник, доиграешься когда-нибудь, думал я. Но, может, отозвались долгие годы беспробудного пьянства, и в прошлом году он попал в больницу с заболеванием печени.

Открылась дверь, и снова в закусочную через шторы заглянули две девушки. Почему молодые женщины не приходят поодиночке, возмущался я, входя в противоречие со своим неумением общаться с клиентками. “А гадают у вас?..” —

посмотрев мне в лицо, спросила приветливая девушка с короткой стрижкой, и Сумиэ подняла руку: “Да, да, сюда”. В закусочной народу было немного, и они переместились в глубину стойки. Женщина с длинными волнистыми волосами робко протянула ладони Сумиэ. В последнее время таких клиенток стало больше, и я придумал “гадательный сет”: разливное пиво и две легкие закуски.

Я думал, что Ёдобаси что-нибудь мне скажет, но он смотрел на все без малейшего неудовольствия и завел со мной разговор о том, что филиппинка из бара его бросила, а еще что он в шутку схватил медсестричку за попу, а старшая медсестра на него наорала. В общем, о всякой ерунде.

Вскоре женщина с длинными волосами уткнулась головой в стойку и зарыдала. Обычная ситуация, но тут она медленно поднялась, заорала: “Что ты мне тут несешь?!” и со всего размаху плеснула Сумиэ в лицо пивом. Я не успел крикнуть: “Прекратите!”, но она выбежала из закусочной, захлебываясь слезами. Одно мгновение — и в зале воцарилась тишина. Все взгляды устремились на девушку с короткой стрижкой, которая осталась сидеть в недоумении.

— Все в порядке. Такое часто случается, — с

улыбкой сказала Сумиэ, а Такуро молча передал ей полотенце и свою толстовку. Она ушла в туалет переодеться, а девушка с короткой стрижкой, посмотрев на меня, попросила прощения.

— Да ладно… Тебе-то можно и не… — проговорил я, а Такуро, отвернувшись, холодно заметил: “Извиняться-то не перед ним нужно”. Девушка с короткой стрижкой растерянно кивнула и попросила у меня счет. Я выставил ей оплату за “гадательный сет” на двоих и пиво Сумиэ.

— Простите, а можно мне выписать чек?

Несмотря на извинения, по-настоящему виноватой она, видимо, себя не чувствовала и назвала крупное издательство, о котором знал даже я. Не обращая внимания на то, что после того, как Сумиэ облили пивом, атмосфера в заведении испортилась, она взяла чек, улыбнулась и вышла на улицу. Но даже несмотря на слова Такуро, перед самой Сумиэ она не извинилась.

— Какая неприятная, — пробормотал Такуро, переворачивая шашлычки, после того как коротко стриженная ушла.

— Мадзима, с такими бабами надо поосторожнее, — медленно проговорил до сих пор хранивший молчание Ёдобаси, поглядывая в сторону туалета. Это точно. Если так будет про-

должаться, я этого не вынесу.

— Ясное дело, из такого мужика, как ты, все соки высосет.

Я думал, он скажет, зачем я посадил у себя в заведении гадалку, но, кажется, дело было не в этом. Ёдобаси взял у Такуро поджаренные куриные крылышки и весело посмотрел на меня.

— Тебе с ней не справиться. Отдай ее мне.

— Что значит отдай? Она не вещь.

— Ой ли? — засмеялся Ёдобаси, откусывая мясо с крылышек. Зубов у него не хватало. И тут Сумиэ вышла из туалета.

— Вот шуму-то я наделала. Я смотрю, всем теперь невесело, да?

Она ловко подвязала промокшие волосы, но улыбка у нее была грустная: наверное, все-таки эта ситуация выбила ее из колеи.

— Вот беда-то, сестрица.

— Ничего, ничего. На самом деле такое часто случается.

— Это твое гадание в точку попало, вот она и распсиховалась. Не переживай.

— Да, спасибо. Я ей просто сказала: пока не расстанешься с женатиком, другого мужика тебе не найти.

— Обидно, конечно. Она ж к тебе и пришла

потому, наверное, что расстаться не может. А мне погадаешь? — сказал Ёдобаси и протянул ей пухленькие, несмотря на возраст, ладошки.

— О! Интересные у тебя линии. Настрадался в жизни, да?

— Интересные, говоришь. Приятно слышать.

Они приблизились друг к другу и некоторое время пересмеивались, разглядывая ладони Ёдобаси. Он постоянно трогал Сумиэ то за руки, то за спину. Вскоре он сказал: “У тебя от волос пивом пахнет”, и позвал ее в баню. “Еще загляну к вам”, — бросил он и увел с собой Сумиэ.

Я не беру денег с Ёдобаси. Не то чтобы мы об этом договорились и не потому, что он отдал мне хорошее заведение. Когда он пришел сюда выпить в первый раз, он сказал: “Посчитай мне в долг”, и я не смог отказаться. Подробностей я не знал, но у него были какие-то причины, по которым он не мог вернуться в родной Кансай. Кажется, он задолжал серьезным парням крупную сумму и вернул часть деньгами, вырученными с продажи закусочной. Сейчас он вел скромную жизнь одинокого пенсионера. Когда он лежал в больнице, я как-то раз пришел его проведать, и он, словно ребенок, обрадовался тому, что его хоть кто-то навестил, и заставил меня купить ему

в киоске сладости, эротические журналы и новую зубную щетку. Но с таким здоровьем пил он совсем немного, и жить ему осталось лет десять, а то и меньше. Брать деньги от такого старика мне не пристало.

Я проводил взглядом Сумиэ и Ёдобаси, которые радостно держались за руки, и понял, что меня достала собственная доброта. В закусочной не осталось посетителей, Такуро громко зевнул.

Я пристально смотрел на ладони. Сегодня я проснулся необычно рано и, ощущая похмельную слабость, перевернулся в своей вечно неубираемой постели. Из-за пыльных занавесок проникал солнечный свет, и я подставил под него руки.

Разве можно узнать будущее по этим линиям на ладонях? Ведь иначе и я бы так не мучился, и у Сумиэ жизнь бы хоть немного наладилась. Или же с самого начала мне было уготовано в тридцать шесть лет ждать в дешевой съемной квартирке под тонким свалявшимся одеялом женщину, которая не пришла домой, и злиться на нее?

Да ладно, при чем тут судьба. Если направление жизни заложено с самого начала, то к чему тогда прикладывать усилия? Без денежных накоплений и упорства я бы так и оставался наемным

директором франшизы. А Такуро? Так и выпускал бы инди-диски и когда-нибудь продал свою гитару? Но Сумиэ постоянно говорит, что линии на руке меняются. Мне она не гадала ни разу.

Терпеть не могу тех, кто приходит к Сумиэ за гаданием. Последнее время стали появляться не только молодые женщины, но и возрастные мужики. Почему им так хочется, чтобы абсолютно чужой человек рассказал им о будущем? Тем более если это лжегадалка. Решайте сами, что случится через полгода, год или через пять лет, расстаться ли с парнем, сменить ли работу. Приходят, чтобы им погадали, и если гадалка ошибется, одни торжествуют, другие, как вчерашняя женщина, готовы в истерике крушить все на своем пути. Тут все хороши: и те, кто гадает, и те, кому гадают. Почему никто не отмахивается от этого, как от гороскопов в журналах?

Я в целом понимаю тех, кто испытывает прострацию и беспокойство и, не зная, где они и куда идут, хочет найти того, который объяснит им, что не так. У меня бывали такие моменты, когда стоишь в тумане, не можешь сделать и шага, и тебе нужен хоть кто-нибудь, кто сказал бы, куда идти. Вспоминая работу в офисе, я понимал, что проще не когда говорят: “Живи как хочешь”, а

когда раздают указания: “Сделай так, сделай сяк”. А моя идеальная закусочная, в которую я верил, что она принесет мне денег, начиная с осени все больше и больше теряет прибыль.

Я смотрел на ладони и бормотал: “Работай, работай”. Выглядело это по-идиотски, и я наконец-то захотел встать. Вчера я пошел выпить, что бывало со мной крайне редко, с постоянными клиентами, пришедшими к закрытию. Давненько я не пил чего-то настоящего, обычно только пиво, которое мне иногда предлагают посетители. Помню, кто-то сказал мне: “Командир, ну ты и разошелся”.

Я вяло поднялся, умылся, почистил зубы, поставил чайник и тут услышал звук открываемого замка. Вход в квартиру находился рядом с кухонной раковиной, и я встретился взглядом с Сумиэ. От нее сильно пахло алкоголем.

— А вот и я. Ёдобаси по дороге стало плохо. Я проводила его до дома, но, наверное, надо было в больницу отвезти.

— Не оправдывайся.

— Оправдываться? В чем? — Она с удивлением посмотрела на меня. То ли прикидывается, то ли и вправду не понимает.

— Сделай и мне кофе, а.

— Хоть бы извинилась.

— По поводу?

Сумиэ проворно сняла одежду и надела мою толстовку и штаны, которые сушились в комнате после стирки. Я злился, почему это я должен делать кофе для женщины, которая вернулась домой утром и не испытывает и тени раскаяния. Но я даже положил ей сахар и налил молоко. Она взяла у меня большую кружку и с улыбкой поблагодарила. На самом деле мне хотелось у нее выведать, спала ли она с Ёдобаси или нет, но чувство гордости не позволяло мне.

— Вечером тебя Ёдобаси, конечно, угощал, да?

— Угу. Как там, “бесплатный сыр бывает…”

— Я уже говорил тебе раньше, иди работай.

— Вот еще.

— Ты подумай.

— Есть хочу. Приготовить что-нибудь?

Не обращая внимания на меня, она достала из холодильника овощи и яйца. Как ни странно, она умела хорошо готовить. В закусочной она этого не делает, но порой затачивала ножи. Может, работала когда-нибудь в общепите.

— Поработай у меня хоть несколько раз в неделю. Правда, столько же, сколько Такуро, я тебе платить не смогу, — сказал я, смотря на ее худую

спину, но она только фыркнула.

— Не хочешь работать у меня, тогда займись гаданием посерьезней. У тебя же получается. Можешь как гадалка на улице за столиком сидеть. Или в последнее время в крупных универмагах есть специальные места для гадания. Заработай себе хотя бы на выпивку.

— Я и так на нее зарабатываю.

Сумиэ бросила на меня взгляд, накладывая на сковороду горой холодный рис.

— Я не об этом. Нельзя же совсем жить без денег. Как ты так?

Не ответив на мой вопрос, она ловко размешала палочками для готовки разбитое яйцо и вылила его в сковороду. За напитки Сумиэ платили клиенты, я или они покупали ей вещи, но денег она никогда не брала. Однако косметику или прокладки покупала себе сама. Может быть, у нее были кое-какие сбережения, но вряд ли ей нравилась такая жизнь.

— Знаешь что. В Японии ты обязана работать по закону. Если ты бездельничаешь и при этом здорова — это преступление.

Она принесла сковородку с готовой густой рисовой кашей с яйцом. Поставила ее на столик с печкой, подложив тряпку, и поварешкой разлила

суп в две плошки.

— Выглядит аппетитно.

— Еще бы. Рис с яйцом — лучшее блюдо от похмелья.

— Ты слышишь вообще, что тебе говорят?

— Слышу. Скажи, мне тоже нужно платить налоги за то, что я просто живу, не работая?

Неожиданный вопрос. Я так и замер с ложкой в руке.

— Наверное, за пенсионное и медицинское страхование платить нужно.

— Хм.

— Ты не платишь?

— С чего бы мне платить?

Сначала я потерял дар речи, но вообще-то и правда откуда.

— То есть у тебя нет медицинской страховки?

— Нет.

— А что ты будешь делать, если произойдет несчастный случай или ты серьезно заболеешь? Ты представляешь себе, сколько стоит медицина без страховки?

С легкой улыбкой Сумиэ нажала кнопку на пульте телевизора. В утренних новостях опять показывали подростка, который кого-то убил. Я молча протянул руку и выключил телевизор.

Улыбка моментально исчезла с лица Сумиэ, и она посмотрела на меня с неприязнью.

— Я могу уйти, если мешаю.

— Ладно уже. Делай, что хочешь.

Мы молча ели рис. Потом она отнесла сковородку и приборы и положила их в раковину. Я смотрел на ее поврежденные кончики волос и чувствовал необъяснимое беспокойство и смятение. Может быть, я боюсь ее потерять? Может быть, она нужна мне? А может, мне хочется, чтобы она нуждалась во мне?

— Ну-ка. Погадаешь мне по руке?

Сумиэ удивленно обернулась.

— Что с тобой случилось? Ты же всегда был против.

Это правда. Вначале бывали дни, когда никто из клиентов не оплачивал выпивку Сумиэ и она предлагала погадать мне, но я орал на нее: “Да не нужны мне никакие гадания. Лучше тарелки иди помой”.

— Погадай-ка. Мне вдруг интересно стало.

— Да? Только не злись на меня.

— Было бы из-за чего.

Мы сидели друг напротив друга, и она внимательно смотрела на мои ладони. Жизнь моя была не без тревог. Но меня немного беспокоило то,

что она скажет.

— Ничего особенного.

— Вот как. Ну, извини, что я не особенный.

— О, ты злишься, — сказала она, а я замолчал. Ах вот что мне не нравилось. Я такой же, как те клиенты, которые сами просят посмотреть судьбу, а потом уходят рассерженные. Но теперь я хотя бы немного понял, что они чувствуют.

Сумиэ взяла со стола зубочистку и стала водить ее кончиком по тонкой линии, которая шла перпендикулярно трем толстым линиям.

— Это линия судьбы. Три главных линии у тебя глубокие и аккуратные, значит, с индивидуальностью у тебя все в порядке. А вот линия судьбы слабенькая, постоянно прерывается. Похоже, лет до тридцати ты никак не мог определиться, что тебе делать. А в двадцать четыре ты не был женат? Или, может, жил с кем-то? И года через четыре расстался?

Она попала в точку, и я замедлил с ответом. Жаль, что она догадалась.

— А торговля как и что? — нарочно грубо спросил я.

— С этого места линия судьбы продолжается четко, так что, наверное, все будет в порядке. В общем и целом, нормальная рука.

— Лепишь все, что в голову взбредет.

Я убрал руки. На самом деле мне хотелось узнать еще много о чем, но я не мог спросить о том, что меня действительно интересовало. Я развалился около столика-печки, а она встала и пошла мыть посуду.

— Завтра у нас выходной.

Мне нужно было сказать ей кое-что неудобное. Поэтому я отвернулся и не смотрел на нее.

— Уж извини, но ты не могла бы пойти куда-нибудь во второй половине дня?

Она выключила воду.

— Что? — сказала она, а потом с насмешкой добавила: — Женщину захотел привести?

Я закрыл глаза и тихо ответил: “Да”.

Хотя я попросил Сумиэ уйти куда-нибудь завтра во второй половине дня, убрав сковородку с яйцом и рисом, она немного поспала, а потом нанесла макияж и ушла. В закусочной она не появлялась и утром домой не вернулась. Ее большой рюкзак остался лежать дома, постиранное белье сушилось в комнате, так что вряд ли она ушла насовсем, думал я, но все равно на душе было неспокойно. Но переживай не переживай — смысла нет. Ведь сегодня ко мне впервые за полгода придет “моя женщина”.

Я постирал занавески с утра, пропылесосил комнату, спрятал пенку для умывания, зубную щетку, лифчики и трусики Сумиэ. Положил в ящик стола лежавшие на столике-печке ногтерезку и ухочистку, собрал разбросанные спортивные газеты и журналы в пачку, завязал ее веревкой и запихал в шкаф. Нагрел ванну, тщательно помылся от головы до пят, заодно вычистил ванную комнату. Переоделся в красивый свитер, купленный на распродаже специально для этого случая, и вельветовые брюки, даже носки надел новые. Протер пыль и грязь на кухне, постелил коврик и поставил на него стул. Посмотрел на часы на стене и решил выйти из дома, хотя и немного раньше обговоренного времени встречи на вокзале в два часа. Я еще раз посмотрелся в зеркало в ванной, проверил, тщательно ли я выбрит, не торчат ли волосы из носа, и вышел.

Погода была ясная, но в лицо еще задувал холодный северный ветер. Я замерз и положил руки в карманы куртки, но ладони мои вспотели. Мы встречаемся раз в три месяца, но в прошлый раз увидеться не получилось по ее обстоятельствам, и, похоже, я нервничал сильнее обычного.

Я пришел на вокзал без десяти два. Но моя дочь уже стояла перед турникетами и, смотря на меня,

помахала рукой. Она улыбалась. На ней было темно-серое пальто, которое я раньше не видел, в руке, как обычно, — коробка с пирожными. Я сдержался, чтобы не подбежать и обнять ее, и нарочно пошел к ней медленным шагом.

— Ты рано пришла.

— Так ты, папа, всегда приходишь раньше времени.

Ей всего лишь одиннадцать, но ее взгляд был практически на уровне моего, я смутился.

— Ты выросла.

— Ага. Внезапно выросла, и теперь я самая крупная девочка в классе, — недовольно сказала она. Ну так и бывшая жена немаленькая. Может, это, конечно, предвзятый родительский взгляд, но лет через пять она наверняка станет красивой, как модель.

До моего дома идти пятнадцать минут, и все это время она болтала на разные темы. Про школу, про вечерние курсы, про новые игры для плейстейшн. Наверное, старалась быть деликатной по отношению к отцу, который не умел разговаривать о высоком. Еще совсем маленькой она внимательно относилась ко взрослым. Конечно, не хотелось бы, чтобы она связалась с плохой компанией, но, может, было бы проще, если бы

она капризничала или вела себя, как вздумается. Жаль ее: еще в начальной школе учится, а уже знает, что сказать, чтобы выглядеть тактичной.

Мы пришли домой. Дочь, как взрослая, проговорила: “Прошу извинить за беспокойство”, и надела приготовленные мной новенькие тапочки. У входа в комнату она как будто стала принюхиваться: может, почувствовала женский запах. Я покрылся холодным потом. Она сняла пальто — я передал ей вешалку и включил чайник. Она посмотрела на привычные для нее коврик и стул и засмеялась.

— Чай можем и попозже попить, а сначала подстриги меня.

Она сняла кардиган, оставшись в одной блузке, и проворно уселась на стул. Я обернул полотенце и пеньюар вокруг ее шеи, взял ножницы и мгновенно превратился в парикмахера. Намочил ее волосы спреем и тут заметил, что длинные до середины лопаток волосы пострижены лесенкой. Наверное, за эти полгода она уже была в парикмахерской.

— Папа, извини. Я один раз сходила в салон.

— Зачем ты извиняешься? Это твои волосы. Ты можешь с ними делать все, что хочется.

Она кивнула. Я бы наврал, если бы сказал, что

мне не стало грустно, но я был готов к тому, что когда-то такой день наступит.

У моей матери в сельской местности была своя парикмахерская, а отец, типичный повеса, только и делал, что играл в автоматы патинко, как герой фильма “Муж парикмахерши”, даже сравнивать стыдно. Я с детских лет помогал, часто стриг младшую сестру, заплетал ей косичку. Иногда стриг мать, так как она была настолько занята, что до своих волос у нее руки не доходили. Заниматься чужими волосами, как оказалось, было даже интересно, и я не обращал внимания даже на подколы друзей. Мать хвалила меня: “У тебя есть способности”, и я серьезно собирался стать парикмахером. В итоге я не пошел этим путем, но делать простые стрижки мог, так что, когда я женился и родилась дочь, моей обязанностью стало стричь волосы малышке. Вообще говоря, я так был занят своей работой, что ничего не успевал делать по дому, и готов был внести хотя бы такой вклад в домашние дела. После свадьбы и до того, как наши отношения с женой испортились, я часто мыл ей голову, делал укладки и подстригал. Она так радовалась этому, а потом запретила мне даже трогать ее плечи, куда уж там волосы.

Когда дочери было четыре года, мы с женой

разъехались, а когда ей было шесть, официально развелись. Прямой причиной развода стала измена жены (хотя она говорила, что хранила верность до последнего). Косвенной причиной было то, что я практически не бывал дома из-за работы. В отличие от отца я работал в крупной компании и вкалывал для того, чтобы жена и дочь ни в чем не нуждались, а оказалось, все это напрасно. Однажды жена внезапно уехала на родину, взяв с собой дочь. Она оставила мне длинное, на двенадцать страниц, письмо, в котором писала, что у нее появился любимый человек и она хочет со мною расстаться.

Когда мы стали жить раздельно, я раз в три месяца встречался с дочерью под предлогом того, что ей нужно подстричься. Я настаивал на том, что нам нужно попробовать начать все с чистого листа, но жена молчала с каменным видом. В конце концов появился ее отец с извинениями за непокорную дочь. Он плакал, кланялся и предлагал заплатить отступные. И тут я осознал, что у нас с ней ничего больше не выйдет.

Если бы у нас был сын, то я бы пошел в суд, бороться за право опеки. Но, хотя и с сожалением, я не мог не признать, что маленькой девочке необходима мать. Жена была из богатой семьи,

ее отец и мать — хорошие люди. Если бы я силой забрал у них дочь, я бы не смог дать ей многого. Так я отпустил их обеих.

Но когда мы решили официально развестись, шестилетняя дочь сказала: “Меня будет стричь только папа”. Жена, разумеется, не обрадовалась этому, но и не сказала, что дочери лучше на этом не настаивать.

Пока дочь была маленькой, я приезжал к жене стричь ее домой. А с прошлого года она стала сама наведываться ко мне. Инициатива исходила от дочери: “Когда мама рядом, она мешает, к тому же я одна могу ездить на поезде”.

Ее прямые волосы, которые она отращивала все одиннадцать лет, были пострижены каскадом, чтобы придавало им легкость. Конечно, такая прическа делала ее менее наивной, придавала взрослость. Я, непрофессионал, который умел только стричь волосы в направлении их роста, уже не смог бы сделать дочери красивую прическу, и от этого становилось грустно.

Но дочь пока не красилась и не делала завивку. Ее волосы были блестящими, здоровыми и густыми. Может быть, я стригу ее в последний раз, подумал я, и от этого испытывал душевную боль. Когда она была младенцем, мы с женой

беспокоились за ее волосы: они были тоненькие, жиденькие и пушились, как у цыпленка. Сколько ей было месяцев, когда я впервые подстриг ей челку? А теперь пройдет совсем немного времени, и ее будут стричь по-модному, ее прямых волос будут касаться чьи-то мужские руки. Я расчесывал ее, собираясь подстричь челку, — она закрыла глаза. Послеполуденное солнце освещало ее персиковые щеки. Маленькие, блестящие от нанесенного блеска губки. И они когда-нибудь будут принадлежать незнакомому мужчине.

Меня неожиданно бросило в жар, и в этот момент в прихожей открылась дверь. Я засуетился и уронил ножницы. Когда я поднялся за ними, то, разумеется, увидел Сумиэ. И дочь, и Сумиэ удивленно разглядывали друг друга. А потом одновременно посмотрели на меня.

— Ты занят? — обалдело спросила Сумиэ.

— Я делаю стрижку. Что, сразу не видно?

Я понимал, что веду себя не как взрослый, но голос у меня был недовольный. Но если бы я действительно находился с незнакомой ей женщиной, то что бы она сделала? Или же, зная об этом, она нарочно пришла сюда?

— Здравствуйте. Спасибо за заботу об отце, — сказала дочь, поднявшись. Отрезанные волосы

рассыпались по полу.

— Ты его дочь?

— Да. Хотя они уже давно развелись с матерью, я иногда прихожу к отцу, чтобы он подстриг меня.

Сумиэ смотрела на меня некоторое время, улыбаясь.

— У тебя, я погляжу, не только удостоверение повара, но еще и парикмахера. Молодец какой.

— Квалификации у меня нет. Просто я немного умею стричь, потому что у моей семьи была парикмахерская.

Видимо, почувствовав гнетущую атмосферу, дочь вопросительно посмотрела на меня. Я же поспешно сказал ей мягким голосом:

— Это гадалка по руке, которая работает в моей закусочной.

— Гадалка? — переспросила дочь с подозрением. В душе я опасался реакции Сумиэ, но неожиданно она улыбнулась, как подобает взрослому человеку, и сказала: “Дочери хозяина я погадаю бесплатно. Приходи в закусочную, как захочешь. Кстати, Такуро сказал, что потерял ключи”.

Удивившись уловкам Сумиэ, я решил ей подыграть.

— Запасные ключи лежат в ящике на самом верху. Отдай ему.

— Хорошо, — ответила она, достала из маленького шкафчика в хорошо знакомой ей комнате ключи и засунула ноги в кроссовки.

— Кстати, хозяин, раз ты обладаешь такими умениями, то подстриги меня в следующий раз. Что ж, не буду мешать, — притворно сказала Сумиэ и исчезла за дверью. Дочь, стоявшая до сих пор, опустилась на стул и пробормотала:

— Папа, у тебя тоже подруга есть?

— Нет, она на самом деле работает в нашей закусочной.

— Я рада. Теперь я могу быть спокойна. Можно я маме скажу?

Она совершенно не верила моим словам. Но о том, что простая сотрудница не открыла бы дверь ключом, мог бы догадаться и одиннадцатилетний ребенок. Поэтому больше я ничего не говорил.

Я закончил стрижку, налил черного чаю, и мы с дочерью, сидя друг напротив друга, съели кремовый пудинг, который она принесла. Другие говорили, что вид у меня грозный, но на самом деле я сладкоежка, и дочь, приходя ко мне, всегда приносила что-то сладкое. Сегодняшний десерт был по-весеннему украшен клубникой и кремом. Сколько угодно сладостей можно купить в минимаркете, но я воздерживался, поэтому у

кремового пудинга вкус был райский.

— Мама сказала, что снова выходит замуж, — завел разговор я. Дочь, наверное, никак не решалась об этом сказать, но, не поднимая головы, она поднесла ложку ко рту и кивнула.

— Как ты? Сможешь подружиться с новым отцом?

— Да. Мне кажется, он хороший человек.

На прошлой неделе бывшая жена позвонила мне и сказала, что снова выходит замуж. Прошло уже пять лет после нашего развода. Новость не хорошая и не плохая. Меня беспокоило только одно: новый муж занимался медицинскими исследованиями и в следующем году собирался на несколько лет уехать в Америку.

— Поедете в Америку?

— Угу. Когда перейду в среднюю школу.

Я хотел сказать ей: “Не поезжай никуда. Давай вместе жить в Японии”. Но с точки зрения ее будущего я думал, что так она будет счастливее. Ровно то же я думал, когда оставил ее. Если она выучит английский естественным образом в детстве, то в жизни ей это пригодится. К тому же мне казалось, что провести свою юность в зарубежной школе для высших классов лучше, чем в нынешней задрипанной японской. Чтобы не стать такой,

как я. Чтобы не стать такой, как Сумиэ.

Мы доели десерт и вместе вышли из дома. Сели на электричку и поехали в центр города. Я спросил ее, что она хочет поесть на ужин, она ответила по-детски: “Или суси, или жареное мясо”. А может, она специально хотела казаться ребенком.

И во время ужина, и по дороге к ее дому она щебетала без умолку, но не касалась ни замужества матери, ни поездки в Америку, ни Сумиэ.

— Ну все, до встречи.

Дочь помахала мне рукой, стоя перед роскошным элитным домом.

— Пока, до встречи, — улыбнулся я ей в ответ.

Я сделал пересадку, купил пиво и закуску в минимаркете. В квартире было темно. Я вошел внутрь, но, как и предполагал, вещей Сумиэ нигде не было. На столике-печке лежали ключи от моей квартиры, а также от закусочной, которые она, наврав, унесла с собой.

Прошло три дня, потом неделя, но Сумиэ в закусочной не появлялась. Даже Такуро спросил меня, что с ней. “Откуда мне знать?” — равнодушно ответил я. Такуро пожал плечами и больше к этому разговору не возвращался. За это время порой приходили гости, которые хотели, чтобы

им погадали по руке, но узнав, что Сумиэ нет, они разворачивались и уходили из закусочной. Некоторые настойчиво требовали ее телефон. Я закончил подготовку, повесил короткие занавески-норэн, вернулся в закусочную и услышал, как за моей спиной открывается дверь. Я резко обернулся — перед мной стоял дедушка, который возвращался из бань.

— Добро пожаловать. Давненько вы у нас не были.

Я волновался, не преставился ли он, так что лицо мое естественным образом расслабилось.

— Да. Подцепил какую-то заразу. Вот только выздоровел.

— Мы беспокоились о вас.

— Да уж, простите. Такой кашель приставучий был, даже приходилось в своей ванной мыться. В банях других бы заразил этим кашлем.

— Так у вас дома ванна есть?

— Есть. Я просто в бани ходить люблю.

Молчаливый дедуля сегодня был разговорчив, даже улыбался. Это меня очень обрадовало. Тут зазвонил телефон. Такуро взял трубку и сказал название закусочной. Подогревая саке для дедули, я подумал, что это, наверное, Сумиэ, и одним глазом поглядывал на Такуро. У него и так было

мрачное выражение лица, а тут он сделал максимально недовольное и передал мне трубку.

— Кто это?

— Дура, — бросил Такуро. Я подошел, подумав, что слова Такуро были слышны на другом конце провода. Собеседница назвала крупный издательский дом. Мы редко выписываем счета, так что я сразу понял, что это та девушка с короткой стрижкой.

— Интервью? — переспросил я.

— Да. Прошу извинить за произошедшее. У нас планируется специальный номер про гадание, и есть страница про разных неординарных гадалок. Мы хотели бы непременно рассказать о вашей закусочной с гаданиями. Можно ли нам прийти на этой неделе сделать съемки? — бодро протараторила девушка с короткой стрижкой, будто и не предполагала, что ей могут отказать. “Ну и дела”, — подумал я, но потом в моей голове пронеслись мысли о выручке, которая снижалась, и мне вспомнились принципы времен работы в компании: “используй все, что можешь”, и я дрогнул.

Я работал менеджером в строительной компании, но, когда все стало ясно с разводом, уволился без всякого сожаления. Я давал взятки за встречи,

на которых усердно шпионил во имя компании. Я мог терпеть подобное, чтобы прокормить жену и детей, но, когда я остался без них, я перестал понимать, ради чего жертвую своим сном и нервами. И тогда я придумал открыть закусочную. Мои истерзанные работой нервы вылечил не изысканный ресторан и не модный бар. А заурядная закусочная, без перспектив заработать, где я порой мог рассеянно выпить в одиночку.

Я хлопнул по стойке, как будто отгоняя дурные мысли.

— Я не даю разрешения на съемку. Наша закусочная не специализируется на гаданиях. Гадала наша гостья по собственной инициативе. Прошу прощения, но не звоните сюда больше.

Реакция у меня была грозная, и собеседница пошла на попятный.

— Тогда, может быть, мы возьмем интервью только у нее?

— Это посетительница, так что я не знаю, кто она и откуда.

— Так она же постоянно у вас сидит. Я хотела бы поговорить с ней лично и попросить ее об интервью.

— Последнее время она не появлялась. И вам, думаю, тоже не стоит.

Я швырнул трубку. Банный дедуля, конечно же, с перепугу спросил:

— А что за интервью?

— Это к Сумиэ. Но она в последнее время совсем не появляется.

Я грустно усмехнулся, а дедуля сказал как ни в чем не бывало:

— Она на вокзале бумажные носовые платки с рекламой раздает.

Такуро что-то пробормотал, а я выбежал на улицу, на бегу думая: “Что же я делаю, даже закусочную бросил?” Потом я добежал до автовокзала рядом со станцией. Смеркалось, и площадь перед вокзалом была переполнена разными людьми. Среди них я увидел несколько женщин, одинаково одетых в белые плащи и короткие, как у теннисисток, юбки. Я подбежал к ним и увидел Сумиэ.

— Ой, Мадзио. На, бери.

Я автоматически взял упаковку носовых платков и перевернул ее. На обратной стороне была реклама сауны, открывшейся неподалеку.

— О, ты…

— У тебя какое-то?.. Давай потом, а то мне надо всё раздать до шести часов.

— Ты почему работаешь? А если уж начала

работать, то почему не у меня? — Не отдавая себе отчета, я поднял голос.

Сумиэ, проигнорировав мои слова, раздавала носовые платки прохожим. Я схватил ее за плечо.

— Больно. Не мешай мне. Так что тебе надо?

Я ничего не сказал, сам не понимая, зачем схватил ее.

— Нет. Э-э… Мне сейчас позвонили из издательского дома, сказали, хотят сделать про тебя репортаж в своем журнале…

— Вот еще.

— Ну да. Тебе не хочется. Так я и сам против.

— Эй, руку убери.

Она хотела отряхнуть мою руку, но я поспешно сжал ее еще сильнее.

— Выходи за меня.

Сумиэ открыла рот и вытаращила свои узенькие глазки.

— Ты что такое говоришь, Мадзио?

— Могу сказать по-другому. Прошу тебя, стань моей женой.

— Ну, ты сказал — мазал.

Сумиэ прыснула, посмеявшись этой несмешной старперской шутке. У меня закипела кровь. Не задумавшись, я высказал свое истинное же-

лание, и теперь меня охватил стыд за то, что она его высмеяла.

— Ты же моя.

— Что?

— У нас с тобой каждый день был секс в течение полугода, так что я — твой, а ты — моя.

Проходящая мимо женщина обернулась и испуганно посмотрела на нас. Но я продолжил.

— Не уходи. Будь со мной.

Сумиэ больше не смеялась — у нее пропало желание подтрунивать надо мной.

— Я не понимаю тебя. Поэтому еще больше не хочу тебя терять.

— Это я тебя не понимаю. Знаешь, Мадзио, ты такой приставучий.

С тех пор как мы познакомились с Сумиэ, она заставляла меня ревновать и испытывать разные неприятные чувства, но так холодно со мной обращалась впервые. Силы покинули меня, и я отпустил ее руку.

— Может статься, ты сейчас у Ёдобаси обитаешь?

Сумиэ кивнула, на ее лице опять появилась улыбка.

— Понял. Извини, что достаю тебя.

Чувствуя слабость, я развернулся и пошел, но

меня остановил ее крик: “Мадзио!”

— Послушай, сделай мне стрижку. У меня нет денег на парикмахерскую.

Да, деликатность ей была незнакома. Я хотел было вернуться и наподдать ей как следует, но передумал. Скоро в закусочной начнут собираться посетители. Я выбежал в одной рубашке-кимоно и внезапно замерз. Я подумал: неужели Сумиэ не холодно в этой короткой юбчонке? Но у меня не было сил даже беспокоиться.

На следующий день, в воскресенье, проклиная свою неприкрытую серьезность и неуходящую привязанность, я вышел из дома, взяв с собой ножницы и расческу. Я не был дома у Ёдобаси, но вытащил договор купли-продажи закусочной и выписал на листок бумаги его адрес.

Я сел в поезд и вышел на станции спустя десять минут. Дальше можно было бы проехать на автобусе, но района этого я не знал, так что сел в такси, показал водителю адрес, проехал по счетчику и вышел “где-то здесь”, как сказал таксист.

Я показал листок с адресом проходившей мимо домохозяйке с ребенком, а она вежливо ответила мне: “Это в нашем доме”. Старый большой дом, наверное, построенный в семидесятых. На балконе каждой квартиры сушились белье и одеяла.

Поднявшись по лестнице и встав перед дверью с номером “203”, я глубоко вздохнул.

Ёдобаси переехал. Кому нужно, обращаться сюда.

На двери гордо висела записка с новым адресом, написанная неразборчивым почерком. Недалеко от моего дома. Почему бы ему и не сменить жилье? К тому же от такого товарища вряд ли можно было бы ожидать оповещения о новом адресе, но стоило мне подумать о потраченных деньгах и времени, как накатывала злость. Теперь я пошел пешком до вокзала и опять сел на электричку. Новая квартира Ёдобаси находилась по другую сторону вокзала от моего дома, и я думал, что сразу найду ее, но в этом районе, как раньше, не было проведено четкого деления по кварталам, и мне пришлось бродить туда-сюда по извилистым улочкам. Я пытался спрашивать у прохожих, но никто не знал. Я конечно же устал, проголодался и даже собирался пойти домой, как вдруг заметил, что адрес на столбе передо мной и на бумажке совпадают. Передо мной стоял старый одноэтажный дом, на табличке написана фамилия “Кагава”. Но адрес совпадал. Я решил, что хватит с меня, но открыл калитку, подошел к входной двери и увидел еще одну записку. “Кто

пришел по делу — обойдите дом и пройдите в сад". Я уже начал сомневаться, не издеваются ли они надо мной, нарочно запутывая следы.

Вдоль живой изгороди виднелась каменная тропинка в сад. Я пошел по ней и услышал веселые голоса. Я зашел за угол и увидел веранду с небольшим садиком напротив, и заглянул со словами: "Есть кто-нибудь?".

— О-о, Мадзио, — сказал Ёдобаси, посмотрев мне в лицо.

— Ой, и вправду. Заходи, — улыбнулась Сумиэ без всякого предубеждения.

— Я же говорил, что ты можешь прийти. Ждали тебя. Говорят, ты пришел стрижку делать?

Больше всего меня удивило то, что эти слова принадлежали банному дедуле. Двери веранды были раздвинуты, и они сидели втроем вокруг шахматной доски. На ней хаотично стояла гора фигур.

— Что это значит? Что вы здесь делаете?

— В шахматы играем, — весело ответила Сумиэ, а я почувствовал себя обессиленным.

— Я не об этом. Почему Ёдобаси живет здесь?

— Так вдвоем с Суми-тян нам не прокормиться. Вот Кагава-сан нас и приютил. Сказал: "Будут проблемы — у меня есть свободная комната, можете

жить в ней”.

Банный дедуля, чья фамилия была Кагава, поставил чай и сладости. Я сразу заглотил три штуки, так как был очень голоден.

— Кагава-сан ходит к нам с тех пор, как я был владельцем закусочной.

Слушая, что говорил Ёдобаси, я запивал чаем сладости. Вот как? В принципе ничего удивительного. Однако дать пожить в своем доме еще и Сумиэ? Оба — паразиты, которые-то и спасибо не скажут.

— Подстрижешь меня, Мадзио?

— Ёдобаси-сан, не зовите меня так, пожалуйста. К тому же я не стригу мужчин.

— Почему это? Стрижешь, чтобы внимание женское привлечь?

— С мужчинами сложнее. У них головы другие.

Сумиэ с Кагавой вынесли в сад стулья и поставили их под сливовым деревом, а потом весело подготовили полотенца и ткань, похожую на большой платок. Я решил быстро все сделать и уйти домой.

— Цветы сливы так ароматно пахнут. Сегодня шестое марта, пробуждение личинок — начало третьего сезона весны.

Вот уж не ожидал услышать эти слова от Сумиэ.

Она сидела на стуле — я повязал полотенце вокруг ее шеи, а сверху на него — старый женский платок. Я пригляделся — это был платок “Эрме”.

— Откуда это?

— Кагава-сан сказал, что это платок его покойной жены.

— Разве можно брать такую дорогую вещь?

— Так именно потому, что это дорогая вещь, ее брать и нужно.

Совершенно непонятная логика, но звучала она убедительно, подумал я и стал расчесывать волосы Сумиэ. Они совершенно отличались от волос дочери: поврежденные, жесткие, с посеченными концами.

— Сколько тебе отстричь?

— Выше плеч. Так чтобы можно было их заколоть, а то неудобно.

Значит, сантиметров десять. Тогда, наверное, можно будет состричь всю поврежденную часть. Я побрызгал волосы, взял в руку ножницы и начал делать стрижку, пока сидевшие на веранде за моей спиной дедки перешептывались. Наверняка про нас с Сумиэ.

— Как приятно, когда любимый человек касается твоих волос. Теперь я понимаю, что чувствует твоя дочь.

— Ты что? Любишь меня?

— Не любила бы, *не занималась бы с тобой каждый день сексом в течение полугода.*

— Знаешь… — пробормотал я, но не знал, что сказать, и сменил тему разговора.

— Тебе не стыдно? Ты ведь еще молодая, а живешь за счет пенсионеров.

— Ты все говоришь, что я молодая, а мне ведь тридцать шесть уже.

— Вот как? Так мы ровесники. Ты что, оборотень? — громко сказал я, а из-за моей спины послышались голоса дедуль: “Не ссорьтесь!” Сумиэ захихикала.

— Мадзио, почему ты всегда сердишься, когда идет не по-твоему?

Я опешил и молча посмотрел на макушку Сумиэ.

— Прошу тебя, не надо меня жалеть. Ты как мой отец, все говоришь: или работай, или выходи замуж. И злишься, что я не делаю ни того, ни другого.

Я посмотрел на сливу и задумался. Заморгал глазами — небо было ярко-голубым.

— Значит, ты убежала, потому что жить со своей семьей тебе не нравилось?

— И это тоже, но мое прошлое не такое несчаст-

ное, как думаешь ты, Мадзио, и многие остальные. Точнее говоря, в мозгу что-то не так.

— В моем?

— Нет, я о себе. Все, кто приходит за гаданиями, волнуются, страдают от одиночества, мучаются от голода. Но мне, уж не знаю почему, подобные эмоции плохо понятны. Раньше я, бывало, страдала из-за того, что не такая, как все, но мне вообще-то это никак не мешало. Так что я решила считать это плюсом. Такой у меня отличный характер.

Ответить мне на это было нечего, и я молча отстригал поврежденные части волос Сумиэ. Окрашенных концов больше не осталось — только черные блестящие волосы.

— Все, я закончил.

Я убрал платок, Сумиэ сказала спасибо и встала. И затем, оглядываясь, коснулась губами моей щеки.

— Можно будет еще прийти к тебе в закусочную?

— Как хочешь.

— О-о! Пойду посмотрюсь в зеркало, — сказала она, скинула шлепки на веранде и побежала в комнату. Я и дедки посмотрели ей в спину и переглянулись.

— Мадзима, если тебе одиноко, можешь тоже у меня пожить, — сказал Кагава, улыбаясь. Так я наконец понял, что имела в виду Сумиэ, когда говорила: “Не надо меня жалеть”.

Когда на следующий день за полчаса до открытия пришла “моя женщина”, я удивился. Дочь в форме частной школы заглянула в дверь закусочной и напряженно спросила: “Можно войти?” Я насаживал куриную шкурку на деревянные шпажки, но бросил это занятие и подбежал к дочери.

— Что случилось? Что-то произошло?

Дочь впервые пришла в закусочную. Более того, она никогда не приходила ко мне, не позвонив заранее, кроме наших встреч раз в три месяца. Видно, случилось что-то экстраординарное.

— Ты что, поссорилась с мамой?

— Нет. Захотела, чтобы мне погадали по руке — вот и пришла.

— Погадали по руке?

— А во сколько придет та женщина?

— У тебя что, какие-то серьезные проблемы? Расскажи мне, я совсем не буду сердиться.

Дочь положила портфель на стул и сняла темно-синее двубортное пальто.

— Дело не в этом. Я и тебя, папа, хотела увидеть,

и в твоей закусочной ни разу не была, — сказала дочь открыто. Было не похоже, что она что-то недоговаривает.

— Я не знаю, придет ли та девушка сегодня или нет.

— Я ее подожду.

— Не надо. Иди домой. У меня работа, я не смогу тебя проводить.

— А можно я у тебя сегодня переночую? Или твоей девушке это не понравится?

Я хотел было сказать, что девушка уже от меня съехала, но не смог.

— Нет, все в порядке. Но ты предупредила маму? А в школе что скажешь?

— Скажу, что простудилась, и не пойду, — шаловливо ответила дочь. Я чуть не расплакался, ответил нарочито грубо: “Делай, что хочешь”, и вернулся за стойку.

Я угостил дочь куриными шашлычками, рисовыми колобками-онигири и супом мисо. Посомневавшись, я позвонил Такуро на мобильный, объяснил, где находится дом Кагавы, и попросил привести Сумиэ, если она там. Мне не хотелось, чтобы дочь сидела в закусочной долгое время в окружении пьяных мужиков. Лучше уж пусть пообщается с Сумиэ.

Не прошло и десяти минут, как Такуро с Сумиэ вошли в закусочную. Несмотря на то что Сумиэ виделась с моей дочерью только один раз, они обрадованно помахали руками, как старые знакомые. И Сумиэ сразу в углу стойки принялась смотреть на маленькие ладошки дочки.

— О-о, похоже из твоих рук деньги не утекут.

— Что ты говоришь, она же еще в начальной школе учится.

— Пап, не мешай нам.

Сумиэ и дочка тихонько говорили что-то друг другу так, чтобы мне не было слышно. Интересно, о чем дочь хотела посоветоваться. Может, она влюбилась, забеспокоился я.

Такуро поел, переоделся в форму и помыл руки, затем встал перед жаровней и прикурил.

— Дочь так похожа на вас.

Он никогда не говорил любезностей, так что, вероятно, он правда так думал.

— Серьезно?

— Вырастет красавицей наверняка.

— Хорошо, что ты гей.

Такуро призадумался, а потом сказал:

— Мадзима-сан, я не говорил, чтобы вас лишний раз не запутывать, но на самом деле я бисексуал. Но больше я люблю мужчин.

— Что? — переспросил я.

Такуро потушил окурок в пепельнице и пошел к Сумиэ и моей дочери. И теперь он с улыбкой заговорил с ней. Я незаметно приблизился к ним и навострил уши.

— Вы играете в группе? — спросила дочь у Такуро, показывая на гитарный кофр, который лежал рядом с ее портфелем.

— Ага. Ты слушаешь музыку?

После небольшой паузы дочь ответила.

— Все говорят, что я странная. Я люблю старый прогрессив-рок. С тех пор, как мама поставила мне диск “Кинг Кримсон”.

— Вау, учишься в начальке и слушаешь “Кримсон”, — удивленно заметила Сумиэ.

— Да, это необычно. И здорово. Придешь к нам на концерт?

— Такуро, а меня ты не приглашал.

Что ж это такое? Похоже, моя дочь находит общий язык с этой компанией. Я пребывал в замешательстве. Тут открылась дверь, и появился Кагава, прямо из бани.

— Я слишком рано? Ты еще норэн не повесил?

— Проходите, мы открыты.

Я поспешно достал норэн, зажег фонарь, а к дочери, Сумиэ и Такуро присоединился Кагава.

— Это дочь хозяина? Такая хорошенькая девочка. Повезло тебе, — сказал Кагава. А Такуро добавил:

— У нее есть задатки покорить мир.

Дочь покраснела и посмотрела на Такуро снизу вверх.

Да, моя дочь — умница, красавица, обладает индивидуальностью, нежная и добрая. Конечно, она покорит мир. Она — моя гордость. Я хотел бы похвастаться этим, но слова застревали в горле. За моей спиной открылась дверь, зашел второй посетитель. Продолжая смотреть в пол, я с трудом выдавил из себя: “Добро пожаловать”.

Неожиданно Сумиэ, стоявшая рядом со мной, вытянулась на цыпочках и погладила меня по голове: “Все хорошо, все хорошо”.